

ТЕХНОТЪМА

АЛЬБИНОС

андрей
ЛЕВИЦКИЙ / БОБЛ

алексей

Технотьма

Андрей Левицкий

Альбинос

«Magic Dome Books»

Левицкий А. Ю.

Альбинос / А. Ю. Левицкий — «Magic Dome Books»,
— (Технотьма)

ISBN 978-5-271-38880-4

Великие города погибшей цивилизации стали пеплом, который ветер несет через пустоши мрачного будущего. От Херсона до Севастополя дикие земли населены мутантами, бандитами, варварами и бродягами. На горе Крым началась война кланов. Главный герой этой книги становится объектом смертельной охоты: враждующие силы хотят захватить его, чтобы вырвать сведения, с помощью которых можно уничтожить весь Крым... В сборник вошли романы А. Левицкого, А. Бобла «Варвары Крыма» и «Песчаный блюз» из фантастического цикла «Технотьма».

ISBN 978-5-271-38880-4

© Левицкий А. Ю.
© Magic Dome Books

Содержание

Варвары Крыма (Технотьма-3)	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	46
Глава 8	56
Часть вторая	66
Глава 9	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Левицкий, Алексей Бобл Альбинос (сборник)

Варвары Крыма (Технотьма-3)

Часть первая Инкерман

Глава 1

Дневной свет лавиной обрушился на меня. От темени к затылку скатилась волна боли, я застонал, не понимая, что происходит, схватился за голову и нащупал рану на затылке. Все вокруг качалось, громко плескалась вода. Боль усилилась, под веками поплыли круги, и вдруг сквозь них проступила картина: комната с низким потолком, надо мной склонился неясный силуэт, рядом жужжит искрящий прибор.

Приступ прошел. Боль уменьшилась, и картина стерлась, оставив ощущение темного глухого ужаса. Это было всего лишь воспоминание, сейчас меня окружало что-то другое...

Ломило шею и плечи, болела грудь, ныла спина. Я понял, что лежу на дне лодки, в которую просачивается вода. Волны с плеском били в борта, рядом валялся обломок весла.

На мне была рубаха с оторванными рукавами и широкие дырявые штаны, на ногах стоптанные сандалии из грубой кожи.

Упираясь локтями, я сел и скривился от боли в пояснице.

Было светло и жарко, солнце плавилось в серо-голубой небесной дымке. Вода бурлила, пенилась между каменистыми берегами, взлетала фонтанами у валунов. Позади лодки на длинной песчаной косе лежал передним колесом в реке мотоцикл, из двигателя его сыпались искры и шел дым.

Я огляделся, ничего не понимая. Лодку несло по стремнине, ее догоняла пара таких же посудин, в первой находился один человек, в другой двое.

Нет, на людей они мало похожи. Великаны с высокими бугристыми лбами, сутулые, с ненормально толстыми руками и приплюснутыми ушами. Одеты в меховые безрукавки и штаны, двое лысые – кожа на голове серая, морщинистая; у того, который в передней лодке, грива густых черных волос. На плече его пристроился большой лохматый ворон.

Когда я сел, волосатый бросил весло, схватил дубинку и с рычанием ткнул в мою сторону.

«Верзилы», – всплыло в голове. Их называют Верзилами. Братья, я знал их раньше. Но их же должно быть четверо!

Тот, что с дубинкой и вороном на плече, повернулся к берегу и снова зарычал. Между деревьями появились несколько человек, впереди шла молодая черноволосая женщина – в бриджах, сапогах и кожаной куртке, очень коротко стриженная, с волевым лицом. От линии волос по левому виску и скуле до самого подбородка тянулась татуировка.

Один из мутантов в последней лодке замахнулся копьем, и женщина вскинула карабин. Из-под короткого ствола торчал штырь с приваренным клинком охотничьего ножа без рукояти. Мужчины, высypавшие на берег позади татуированной, тоже подняли оружие, а она почему-то убрала карабин обратно за спину и сняла с пояса тускло поблескивающий металлом предмет, похожий на очень большой пистолет, но с двумя рукоятками.

Когда женщина выстрелила, на конце ствола замелькали вспышки, частый стук пока- тился над рекой.

Копье воткнулось в дерево возле нее и упало, когда сломался наконечник. Татуирован- ная оказалась точнее. Две или три пули попали в Верзилу, он пошатнулся. Второй попытался ухватить его, но не успел, и раненый перевалился через борт. Стремнина подхватила тело, закружив, утянула под воду.

Странное оружие продолжало выплевывать пули. Верзила упали на дно лодок, а ворон взлетел, хрипло каркая. На берегу дружно громыхнули ружья и пистолеты, эхо покатилося по каменистой пустоши с редкими развалинами, через которую протекала река. Взметнулось облако перьев, и птица свалилась в реку. Остальные пули ударили в борта, а потом течение пронесло нас мимо людей, и они побежали по берегу следом.

Опершись о лавку, я выпрямился. Лодки приближались к обрыву, за которым было лишь высокое голубое небо. Недалеко от водопада плыл дирижабль. Газовая емкость, перетянутая сетью канатов, состояла, казалось, из сплошных заплат, причем большинство были разного цвета, отчего рябило в глазах. Гондолой служил обитый жестью остов автобуса с медленно вращающимся сзади винтом.

Лодки преследователей подплыли вплотную. Верзила с длинными волосами ткнул дубин- кой в мою сторону. Быстро нагнувшись, я достал из-под лавки обломок весла. Из-за резкого движения в темени запульсировала боль, я покачнулся и едва не упал. Сжал зубы, тяжело дыша, расставил ноги пошире.

Мутант прыгнул, и я встретил его размашистым ударом. Потеряв равновесие, он пова- лился за борт. Вторая лодка стукнулась о мою, и Верзила попал в нее, опрокинув лысого. Вско- чив, тот занес над головой топорик, но я метнул в него весло, как копьё, и тоже сбил с ног. Сердце бешено заколотилось в груди, перед глазами поплыли круги, я привалился коленом к борту и сильно ударил себя ладонью по щеке, чтобы привести в чувство.

Из воды у обрыва торчали поросшие мхом валуны, лодку несло между ними. Гул водо- пада стал громче, сквозь него донесся крик бегущей по берегу татуированной женщины:

– Альбинос!

Верзила поднялся, с мычанием протянул ко мне руки. Я поставил ногу на борт, чтобы выпрыгнуть из лодки и ухватиться за валун. Посудина достигла водопада, нос выступил за край, на мгновение зависнув над пропастью. Стало видно, что обрыв тянется в две стороны огромной пологой дугой. Поток воды ниже рассеивался, она шелестящим дождем падала к далекой, покрытой трещинами земле.

Я не сумел толком оттолкнуться от борта – подошвы скользнули по влажным доскам, но зато, когда нос лодки врезался в торчащий из склона прямо под обрывом валун, мне удалось соскочить на него. Затрещали, ломаясь, доски. Вверху показались лодки преследователей, их закругленные носы тоже сначала на мгновение застыли над бездной, а после резко качнулись книзу.

Я машинально шагнул в сторону, и нога провалилась в пустоту. Перед глазами мельк- нула перекошенная рожа Верзила с гривой темных волос, ноги другого, корма... Потом лодки вместе с мутантами рухнули в бездну, почти мгновенно растворившись в светлой синеве под ногами, а я повис на длинном узком валуне, далеко выступающем из склона.

Он надвое рассекал поток воды. Брызги били в лицо, пальцы сползали по влажному камню. Меня мучило, голова раскалывалась, но главным было другое: я не понимал, где нахо- жусь и что происходит! Не помнил своего имени. Ни лица, ни возраста... Будто черная пустота позади – и вдруг меня вырывают из нее, бросают в этот яркий солнечный день, полный непо- нятных, опасных событий!

В воздухе висела густая водяная пыль. Фыркая, захлебываясь ею, я подтянулся, кое-как улегся на валун животом, потом, едва не сорвавшись, повернулся и сел верхом, крепко охватив камень ногами, спиной к водопаду.

Дирижабль подлетел к обрыву. Сбоку на автобусе-гондоле большие кривые буквы, написанные ярко-красной краской, складывались в слово:

КАБОТАЖНИК

«Каботажник»? Что за название для летающего аппарата? А ведь он не просто так парит там, он приближается ко мне.

Далеко справа к земле от склона тянулась арка – огромная пологая дуга из светлого камня, с которой лохматыми бородами свешивались заросли плюща. Поверху, где ветер нанес земли, росло приземистое, но с необычно толстым стволом и широкой кроной дерево, своими корнями, будто долинными щупальцами, обхватившее арку. Под корнями висели зеленые сети. От дерева к склону поднимались всадники: крошечные фигурки на приземистых животных с длинными шеями.

Сквозь шум воды донесся женский голос, вдоль склона заскакали камешки.

Дирижабль повис боком к обрыву. Перетянутая сетью канатов газовая емкость казалась мешаниной пятен всех цветов радуги. Между листами жести, прибитыми к борту автобуса, виднелись зарешеченные окна. Винт на корме больше не вращался.

Вода падала сверху, брызги летели на затылок и спину. Хорошо, что речка не слишком глубокая и бурная, а то сидеть здесь было бы невозможно.

Со скрипом сложилась гармошкой дверь, и в проеме возник карлик. Узкоплечий и кривоногий, он был облачен в широченные кожаные шорты до колен и порванную на отвислом животике, заляпанную машинным маслом майку. В ухе золотая серьга, грудь пересекает ремень, на котором висят четыре ножа. На лбу татуировка – широко раскрытый глаз с круглым темным зрачком.

Одной рукой коротышка держался за край двери, другой сжимал бутылку с длинным горлышком. Задрав голову, он сделал несколько глотков. Икнул.

– Ну и как оно, висеть на склоне горы Крым? – прокричал он, рассматривая меня необычно светлыми, прозрачными глазами. – Я тебе честно скажу, малый: выглядишь ты, как законченный идиот!

– А ты выглядишь, как кривоногий карлик на дирижабле! – хрипло выкрикнул я в ответ, и собственный голос показался мне чужим, незнакомым.

Ослабившись, карлик допил бутылку и швырнул в меня, но не добросил – кувыркаясь, посверкивая на солнце, она влетела в поток воды под валуном.

Сверху опять донесся голос, но из-за шума воды я не смог разобрать слов. Хозяин «Каботажника» кивнул кому-то и попятился в глубь гондолы.

Заработал двигатель, дирижабль медленно поплыл от склона, взлетая. Появившийся вновь коротышка швырнул мне веревочную лестницу, которую я ухватил за конец обеими руками. Лестница провисла, потом натянулась, и я оттолкнулся ногами от камня.

Когда я закачался под дирижаблем, стало видно, что к днищу автобуса-гондолы приварен большой решетчатый ящик с двигателем. От редуктора зубчатая передача тянулась к задней оси, по бокам которой чернели заляпанные грязью колеса, дальше через трансмиссию крутящий момент передавался на рокошущий позади автобуса винт с широкими лопастями.

Двигатель тарахтел, сотрясая решетчатый ящик, гудел редуктор. «Каботажник» поднимался вдоль обрыва. Я полез вверх. Пальцы сразу заныли, и только после этого я обратил внимание, что костяшки красные, распухшие, а некоторые ногти потемнели и расслоились. То ли

я очень серьезно дрался с кем-то совсем недавно, то ли пальцы мне выкручивали и зажимали в тисках. Боль в затылке иногда почти стихала, но потом усиливалась, и тогда перед глазами плыли круги. А еще мне постоянно казалось, что окружающее покрыто рябью – будто мелкие темные волны набегали на рассудок, мешая мыслить связно.

Водопад пропал из виду, дирижабль начал разворачиваться. Интересно, каким способом меняется подъемная сила, как этот карлик заставляет свою машину то взлетать, то опускаться?

На берегу речки у обрыва столпились люди во главе с татуированной женщиной. Отвернувшись от них, я ухватился за сложенные гармошкой створки, и тогда в лицо мне уставился ствол большого револьвера. Хозяин дирижабля с натугой удерживал его одной рукой, стоя в шаге от проема возле толстой железной трубы, идущей от пола к потолку автобуса. Вторую руку, с ножом, он слегка отвел назад, будто раздумывая, что всадить в меня, пулю или клинок.

– Зачем спасать, чтобы сразу убить? – спросил я.

Несколько мгновений он рассматривал меня своими прозрачными глазами, затем попятился и сунул нож в петлю на перевязи. Все четыре ножа были разных размеров – самый маленький висел ближе к плечу, самый большой внизу – и вид имели самый зловещий. Кривые рукояти из рогов, клинки в мелких зазубринках...

– Ты кажешься тем, кто хорошо умеет обращаться с ножами, – сказал я, оглядывая его неказистую фигуру. – Лучше, чем со стволами. Не бойся, я тебя не трону, малыш.

– Любишь честных людей оскорблять? – осклабившись, коротышка подтянул шорты. – Малыш... Да судя по твоей гладкой роже, я раза в два тебя старше! Так вот, слушай: мне Мира заплатила, чтоб привез ее с отрядом сюда, а не вытаскивал всяких олухов из водопадов. Вдруг решишь меня вниз столкнуть и улететь на термоплане?

– Не решу. – Забравшись внутрь, я присел на корточки спиной к проему. – Ты мне понравился с первого взгляда. Что за Мира?

– А та красотка с наколкой на роже. Э, погодь, большак, а ты ее не знаешь, что ли? Как это так? Вы ведь с ней... Так, ладно, лестницу за собой втяни и на месте стой!

Кабина и задняя половина автобуса были отделены перегородками из фанеры, в среднем отсеке вдоль стен стояли лавки. В кабине сквозь проем двери виднелся штурвал, кресло и рычаги.

От вертикальной трубы, соединяющей пол с потолком, шло тепло. Я прикинул, что решетчатый ящик с движком и редуктором находится как раз под ней. У трубы стояли четыре железных короба, соединенные гофрированными шлангами... ну да, баки с топливом.

Я начал втаскивать веревочную лестницу, конец которой крепился к двум крюкам в полу. Карлик нырнул в кабину и по короткой приставной лесенке забрался в кресло. Схватившись за штурвал, локтем передвинул рычаг. При этом он то и дело косился на меня, не опуская револьвер.

Сквозь дырявый потолок, в котором виднелась нижняя часть емкости, донеслось шипение. Гондола слегка качнулась, и за окном все поползло вверх.

Он что, каким-то образом выпускает газ из емкости, а если надо взлететь – при помощи тепла от двигателя нагревает тот, что остался? Долго так не полетаешь, газ надо закачивать новый.

– Что, завидно? – спросил карлик, выглядывая из кабины с револьвером на изготовку. – Таких машин по всей Пустоши только две. Лестницу вытащил? Дверь закрый тогда. И стой возле нее, я в тебя целюсь!

Пустошь. Слово пробудило смутные воспоминания – дикие земли с развалинами брошенных городов, редкие поселки, бродяги, фермеры и бандиты... Так называется вся эта местность вокруг. Мы в Пустоши? Но карлик упомянул какой-то Крым. Что такое Крым? Гора... ну да, точно, он сказал: гора Крым. Кажется, я именно отсюда, с Крыма, но...

Темная волна накрыла меня – окружающее смазалось, потом исчезло, уступив место тускло освещенной комнате, посреди которой, склонив голову к плечу, стоял сгорбленный человек со спицей и тонким крюком в руках. Он что-то говорил, хотя дребезжащий, надтреснутый голос его мало напоминал человеческий. На шее человека было какое-то утолщение, уродливый угловатый нарост. Дверь в комнату начала приоткрываться, кто-то входил внутрь... Накатил ужас, я закричал, выгнулся, пристегнутый ремнями, задергал руками и ногами, видя крюк, придвинувшийся к моему лицу, слыша потрескивание прибора возле койки, ощутил холодный металл на затылке и на шее сзади.

...И снова вокруг была гондола термоплана, но только теперь я видел ее с другой точки, стены накренились и будто бы стали длиннее. Ага, это потому что я лежу навзничь, как тогда, в лодке, и смотрю вверх. Из проема дует, за ним кроны деревьев. Мы опускаемся? Нет, уже нет, кроны не двигаются. Слышен шум реки и голоса, они все громче, женский что-то приказывает.

– Большак, ты чё, так перетрухнул на том водопаде? – Надо мной возникло морщинистое личико. – В обморок падаешь да орешь, как баба напуганная.

Вскинув руку, я схватил карлика за тонкую шею, потянул на себя. В грудь уперся ствол револьвера, но я отбил его и вышиб оружие из пухлых пальчиков. Сдавлив запястье коротышки, чтоб не достал нож, спросил хрипло:

– Ты кто?

– Тот, кто тебе только что жизнь спас!

– Как звать?

– Чак я, Чак! Доставщик, грузы всякие вожу!

– А меня как звать?

– Чё?! – изумился он. – Совсем мозги в кашу, большак? Я откель знаю, если ты сам не знаешь?

Оттолкнув его, я сел – поясницу тут же прострелила боль и заныли ягодицы. Да что же это такое! Хоть одно целое место на моем теле осталось? Что со мной было, перед тем как я попал в ту лодку?!

Гондола «Каботажника» висела над верхушками деревьев, в проеме двери я видел канат, который тянулся от дирижабля к ближайшей кроне. Голоса снаружи становились все громче.

– Меня дубинкой по башке приласкали, – пояснил я, с трудом вставая. – Или еще что-то случилось. Не помню ничего. Ни имени, ни...

В затылке заломило, я сжал голову руками. Темная волна захлестнула меня, и опять во мраке проступила картина, но теперь другая: длинный бетонный коридор, озаренный тусклым бледно-желтым светом, мерцающим, страшным... По коридору идут двое, один – тот самый со склоненной к плечу головой и уродливым наростом на шее, а второго я не вижу, лишь темный силуэт. Они толкают перед собой нечто, на чем лежу я – по-прежнему пристегнутый ремнями, способный лишь приподнять голову, чтобы окинуть взглядом своих мучителей. Эти двое – люди или мутанты? Тот, который с кривой шеей и наростом, похож на человека, а второго я не могу разглядеть толком...

Откуда-то издалека донеслись голоса:

– Влас, видел кочевников на Арке? Скоро они здесь будут.

– Видал, видал. Много их, не отобьемся.

– Подсадите меня. Чак, взлетаем! Где брат?

– Да вот он, – пропищал карлик совсем близко.

– Он жив? Что с ним? Если ты его...

Голоса стихли, страшный бетонный коридор исчез, остались только мутные темные волны, накатывающие на рассудок. Потом они схлынули, и стало понятно, что я сижу под стенкой гондолы. Надо мной склонились коротко стриженная женщина с татуированным лицом и конопатый русоволосый детина. Молодой, широкоплечий, с бандитской рожей – свороченный

набок нос, шрам под глазом, вверху слева не хватает зуба. Одет он был в мешковатые штаны из черного брезента и короткое грязно-серое пальто с накладными кожаными карманами. Слева под мышкой шов разошелся, в дыре виднелась рубаха.

– Ты правда потерял память? – спросила татуированная.

Через дверной проем в гондолу один за другим залезали люди в черных кожаных куртках и штанах, в круглых шлемах с нарисованной на лбу желтой подковой. Омеговцы, вспомнил я. Они из Замка Омега – клана солдат-наемников.

– Эй, солдатня, крайний створки задвигает! – донесся из кабины голос Чака. – Лестницу, я грю, лестницу поднимите – и взлетаем быстро!

– Так ежели он ничего не... – начал Влас, тыча мне пальцем в грудь, но татуированная пихнула его локтем в бок, и здоровяк замолчал.

Она взяла меня за плечо, склонилась ниже, глядя в глаза, спросила:

– Как тебя зовут?

Я покачал головой, положил ладонь на шею и сглотнул.

– Дай ему воды, – велела женщина.

– Мира, да у меня только водяра во фляге, – ответил Влас.

Не оборачиваясь, она крикнула:

– Дайте кто-нибудь воды! Чак!

– Сами разбирайтесь! – донеслось из кабины. – Мне взлетать надо! Да закройте ж дверь!

Канат отвязали от дерева?

Последний из забравшихся в гондолу солдат раздвинул створки-гармошки, и в салоне стало темнее. Пол качнулся: дирижабль начал взлетать. Мне в руки сунули фляжку, я сделал несколько глотков тепловатой воды с неприятным земляным привкусом, потом Влас по приказу Миры схватил меня под мышки и поставил на ноги.

– Назад его отведите, – велел вышедший из кабины Чак. – Там лежанка.

Снаружи донеслись приглушенные выстрелы.

– Баллон мне пробьют! А, мутафага вам всем в глотку, зачем я в это ввязался?! – Коротышка бросился обратно, на ходу вопя: – Стреляйте по ним! От же солдатня тупая!

Влас потащил меня в кормовой отсек. Стало светлее – с лязгом по правому борту распахнулись железные створки, и вставшие под окнами омеговцы подняли оружие. Не все они были затянуты в черную кожу, на троих обычная одежда.

Выстрелы снаружи звучали все громче. Влас толкнул меня на застеленную драным одеялом койку, скинул пальто на пол и бросился назад, стаскивая с плеча оружие, но я схватил его за полу пальто, дернул на себя. Здоровяк развернулся, сжимая такой же, как у Миры, карабин с клинком от ножа вместо штыка.

– Ну, чё?! – рявкнул он.

– Кто стреляет по термоплану? – спросил я. – Кто за мной гонится?

– Да кочевники же! Мутанты из Донной пустыни!

– Зачем? Кто я такой? Что им от меня надо? Кто вы такие, почему мне помогаете?

Влас шмыгнул сломанным носом, вытер его рукавом и сказал:

– Так, слушай, мне не до того щас. Лежи пока, Мира все потом растолкует.

Он бросился к двери. Я хотел остановить его, хотел еще что-то сказать, но не смог – снова накатила боль, и череда темных волн накрыла меня.

Глава 2

Я не сразу открыл глаза – прислушиваясь к происходящему, попытался незаметно оглядеться сквозь ресницы.

Где-то неподалеку тихо играла музыка, ее перемежали треск и шипение. Снизу доносились редкие хлопки выстрелов. Рядом заговорил Влас:

- Вроде не очухался еще. Ты что ему скажешь?
- Сначала надо понять, что он помнит, – возразила Мира.
- А если все помнит?
- Ну, тогда...

Я был уверен, что лежу неподвижно, но каким-то образом она поняла, что я очнулся. Наверное, заметила, как шевельнулись веки.

- Ты пришел в себя, – громко сказала женщина.

Термоплан качнулся, из-за стенки донеслась ругань Чака. Я открыл глаза. Мира сидела на табурете перед койкой, рядом, сложив руки на груди, стоял Влас. Мы находились в кормовом отсеке «Каботажника», за приоткрытой дверью мелькали силуэты омеговцев.

Горло пересохло, в ушах звенело. Опустив ноги на пол, я сбросил с себя пальто Власа, которым меня накрыли, медленно сел и прислонился к стене. Закружилась голова. Я потерял виски и потребовал:

- Пить!

Не вставая, Мира кинула мне фляжку и, пока я дрожащими пальцами сражался с туго завинченным колпачком, спросила:

- Ты помнишь крылатую могилу?

Я напился, закрыл флягу, но назад не отдал, положил на койку возле себя.

- Помнишь?

Крылатая могила? Что за бред, о чем это она? Мелкие темные волны все еще накатывали на меня, и сквозь их непрерывную череду я пригляделся к Мире, которая, в свою очередь, пристально смотрела на меня. У нее была родинка над левой бровью. И глаза хищницы – эта женщина не знала жалости и не ценила жизнь. Во всяком случае, чужую. На ремне висел кожаный футляр, из которого торчал ствол и две рукоятки того странного пистолета, стреляющего очередями. Одна рукоять изогнута, вторая прямая и более длинная. Это что, короб для патронов? Необычное оружие. Кажется, оно называется... оно называется...

Я сморщился от боли в затылке и спросил, показывая на оружие в чехле:

- Что это?

– Мы называем его автомат. Он появился у меня... в общем, я расскажу тебе потом. Что ты помнишь? – в третий раз повторила женщина.

А любопытная у нее татуировка: закрученная кольцами лоза с узкими лезвиями вместо листьев. Откинувшись назад, я прикрыл глаза. Выстрелы смолкли, из-под пола доносилось гудение двигателя, иногда он сбивался с ритма и кашлял. За задней стенкой автобуса рокотал пропеллер, с другой стороны доносилась музыка.

Откуда я знаю слова вроде «камуфляж», «автобус», «термоплан»? Какие-то они необычные, древние, что ли. В голове всплыло еще одно: «самоход». Ну да, точно, мы внутри самохода. «Автобус» – это старинное название, большинство людей в наши времена никогда его и не слышали, а я знаю. От кого же я его знаю? Кто-то обучил меня всяким древним словечкам, названиям вещей, в основном техники, оставшейся с прежних времен. Кто?

И кто я такой?

- Ты помнишь, как тебя зовут? – спросила Мира.

Со лба на глаза мне упала прядь волос, я собрался дунуть на нее – и замер с приоткрытым ртом. Немытые, спутанные... и серебристые. Я взял прядь двумя пальцами (а пальцы у меня, оказывается, тонкие и длинные, можно сказать – изящные), отвел от лица и скосил глаза. Ну да, точно – серебристо-белые. Даже грязные, они будто посверкивали, искрились инеем. И кожа очень светлая. Так я... я что...

- Альбинос, – сказал я.

Они с Власом переглянулись.

– Точно. Ты вспомнил, Альб? Или услышал, как я кричала на берегу?

Мне не хотелось признаваться в том, что прошлое стерлось из памяти, и каждый раз, когда женщина задавала прямой вопрос, я отмалчивался либо спрашивал в ответ. Это было на удивление легко – не отвечать на прямые вопросы. Кажется, я привык приказывать и требовать от окружающих подчинения.

– Кто вы такие? – спросил я, расправив плечи. – Почему гнались за мной?

У Миры был такой вид, словно она собирается броситься головой в ледяную воду. Она кивнула Власу; попятившись, тот локтем прикрыл дверь и опять сложил руки на груди. Музыка смолкла. Окон в заднем отсеке не было, стало темнее – теперь свет проникал сюда только сквозь щели в фанерной перегородке. Я добавил:

– И кто я такой?

– Управитель Херсон-Града.

– Управитель? Это значит...

– Вождь. Король. Глава. Ты – сын Августа Сиды. Помнишь отца? – Тут она заговорила с воодушевлением: – Он был великим человеком. Заключил договор с нижними племенами, впервые смог договориться с Домами Инкермана...

– Нижние племена – это кочевники?

– Так называют кочевников с севера Донной пустыни, они часто поднимаются сюда.

– Донная пустыня – земля, которую я видел с водопада? Там трещины и гейзеры...

– Да. А все это, – Мира сделала широкий жест, – вершина горы Крым. Юго-западная граница.

– А что такое Херсон-Град?

– Город на юге Крыма. Говорят, в древние времена, до Погибели, он назывался как-то иначе. Сначала это был совсем небольшой поселок с парой захудалых ремонтных мастерских. Там останавливались купцы, караванчики, которые торговали с нижними племенами. Потом его купил твой отец и превратил бедный поселок в процветающий Херсон-Град. На наш рынок со всего Крыма сходятся торговцы, из Пустоши тоже приезжают. Потом Август умер, и ты стал управителем. Ну, вспомнил?

Покачивая головой, я взял флягу и сделал несколько глотков.

– Ты не можешь ничего не помнить! – настаивала она. – Хотя что-то должно всплыть в голове.

– Хорошо, а как я попал в ту лодку? Кто за мной гнался, почему я... Короче, рассказывай все!

– Ты путешествовал. Тебе всегда не сиделось в Херсоне. В этот раз с небольшим отрядом обошел Инкерманское ущелье, чтобы исследовать склоны Крыма, Арку, северные границы Донной пустыни. Ты впервые отправился сюда. Эти места для нас опасны, тут гетманы хозяева. Но ты как-то прошел мимо ущелья, Редута, спустился по склону в Донную пустыню... и что-то нашел внизу. Прислал почтового ворона с сообщением, что возвращаешься, чтобы я вышла тебе навстречу с отрядом. И чтобы мы готовились. Не знаю к чему, но то письмо... оно было каким-то странным. В общем, я...

– А кто ты такая? – перебил я.

Влас, заломив мохнатую бровь, глянул на Миру, будто ему тоже было интересно, что она ответит.

– Твоя сестра.

– Что?! – я уставился на нее. – Сестра?

– Сводная, у нас разные матери. Я твоя советница по военным делам. Когда почтовый ворон принес сообщение, мы выехали с отрядом, но ты не появился в назначенном месте. Тогда мы отправились вдоль Черной реки тебе навстречу. Ехать далеко, местность опасная...

Наняли Чака. Вообще-то он с гетманами знается, нашими врагами, но карлик не один из них, просто перевозчик, иногда заправляется газом от их гейзеров. Мы полетели к склону Крыма, по дороге увидели тебя в лодке, спустились.

Она говорила, а я с сомнением смотрел на нее. Откуда я могу знать, что эти двое не врут? Что, если они просто хотят как-то использовать меня?

– За тобой гнались люди в мехах, – продолжала Мира. – С берега мы толком не разглядели их, но они напоминали кочевых мутантов из Донной пустыни. Поэтому ты и не появился вовремя: кочевники напали на твой отряд, всех уничтожили, а тебя взяли в плен.

Переступив с ноги на ногу, Влас сказал:

– Мы этого не знаем.

Мира отмахнулась от него.

– А что еще? Мутанты схватили его и пытали. Ты же видишь, он весь в ссадинах и синяках, пальцы опухли. Наверное, они к тому же напоили его каким-то из своих снадобий. У шаманов много всяких отваров, говорят, есть и такие, которые развязывают язык, и человек не может скрыть правду. Может, хотели выяснить, что он нашел под Крымом? Или где оно точно находится. – Женщина снова повернулась ко мне. – Но ты сбежал от кочевников, мы нашли тебя, и теперь отряд на манисах преследует нас.

Манисы? Я уже собрался задать вопрос, но тут в голове всплыл образ: приземистый ящер с толстым хвостом и длинной шеей. Плоская башка, клыки, змеиные глазки. Эти твари обитают на горе Крым и у ее подножия в Донной пустыне.

Мира с Власом выжидающе смотрели на меня. Я встал, придерживаясь за стену, сделал пару шагов. Голова больше не кружилась, ноги не дрожали, но слабость еще не прошла. Ломило поясницу, ныли плечи и спина, саднило в затылке. Осторожно коснувшись его, я ощутил что-то липкое, поднес пальцы к глазам – темная мазь, похожая на грязь, пахнувшая торфом.

– Чак дал из своей аптечки, – пояснила Мира. – Сказал, хорошо заживляет.

– Где зеркало? – спросил я. – Есть на этом корыте зеркало? Если увижу свое лицо, может, что-то вспомню.

Мира тоже встала, и Влас ногой отодвинул с ее пути табурет, когда она шагнула к двери. Снизу опять донеслись хлопки выстрелов.

– Вряд ли, – сказала сестра. – Зеркала слишком дорогие. Ну разве что медное или осколок, который карлик нашел где-нибудь в развалинах.

– Этот карлик не ваш... то есть не наш человек. Вы доверяете ему?

Влас проворчал что-то, а Мира, уже взявшись за ручку, обернулась ко мне и воскликнула с непонятной горячностью:

– Нет! Он помогает только за деньги, за ним надо постоянно следить. Не верь ни одному его слову. Он доставщик, торгош, соврет в чем угодно, если увидит выгоду. Он может сдать тебя кочевникам или гетманам...

Выстрелы внизу зазвучали чаще, и за стенкой открыли огонь солдаты. Термоплан сильно качнулся, пол ушел из-под ног. Влас схватил Миру за плечи, она вцепилась в дверь, я же боком свалился на койку, глухо скрипнувшую подо мной. Со стуком упала табуретка. Когда пол выравнился, я сел, потирая ноющий бок.

Мира оттолкнула Власа, снова взялась за ручку, но не успела открыть дверь: та распахнулась, и на пороге, оперев руки в бока, возник Чак.

– Ну?! – завопил он. – Чё торчите тут?! Кочевые внизу, баллон мне дырявят! Валите с моего термоплана!

Сузив глаза, Мира шагнула к нему.

– Я заплатила тебе, – холодно сказала она. – И ты доставишь нас, куда тебе сказано.

За спиной карлика стоящие возле окон «Каботажника» люди из отряда Миры стреляли наружу. На моих глазах молодой светлосый парень в брезентовом комбезе и широкой полотняной рубаше, отпрянув, зацепился за лавку и упал со стрелой в плече.

– Две монеты! – фыркнул Чак. – И что я сделать за это должен? Слетать туда-назад потихому в обход ущелья с Редутом, про мутантов этих ваших речи не шло! А теперь я «Каботажника» могу лишиться... Уже лишаюсь!!! – истошно взвизгнул он, когда после очередной серии далеких хлопков над головой раздалось шипение, и дирижабль начал медленно заваливаться носом вниз. Я сообразил, что шипение это звучало и раньше, но было тише, незаметнее. Значит, последние выстрелы пробили в оболочке газовой емкости новые дыры.

– Наружу валите, а я улетаю! В могилу с вами я не собираюсь, большаки! – Карлик метнулся обратно.

Схватившись за карабин, Мира поспешила за ним. Влас покосился на меня и бросился следом.

«В могилу» – эти слова Чака означали нечто важное, что-то было связано с ними... обязательно надо вспомнить! Вот и Мира сказала тогда про какую-то могилу... Да странно так сказала, неожиданно, как будто ждала от меня какой-то реакции.

В затылке опять заломило – словно молотком по нему стучат! Прижав ладони к вискам, пошатываясь, я вышел из кормового отсека.

Омеговцы быстро перезаряжали карабины и стреляли, выставив стволы в решетчатые окошки. Светлосый молодой парень, скинув с плеча ляжку комбеза, пытался вытащить стрелу из-под ключицы. Пол качался, термоплан то зарывался носом, то выравнивался. Я шагнул к усатому. Он держался за стрелу и все никак не решался выдернуть ее. Поставив ногу на край лавки, я отпихнул его руки, ухватился за древко и рывком вытащил наконечник.

Усатый, тихо охнув, рукавом смахнул выступившие на глаза слезы. Я взял его за шиворот, наклонился ниже и спросил, глядя в глаза:

– Кто я такой?

Стоящие рядом солдаты, услышав мои слова, удивленно посмотрели на нас, от дверей кабины оглянувшись Влас.

– Управитель, – сказал парень. – Хозяин Херсон-Града.

Я всмотрелся в него. Искренность и удивление на лице были неподдельными. И еще что-то было в глазах парня, только непонятно, что именно.

– Ладно, – проворчал я. – Твое имя?

– Авдей, – говорил он не слишком приветливо.

– Ты не похож на солдата, Авдей. И одет иначе.

Он покосился на Власа.

– Я следопыт из Большого дома.

– Рана у тебя неглубокая, но рваная, кровь долго течь будет. Перетяни чем-нибудь.

– Перетяну, – буркнул он мне в спину, когда я шагнул к окну.

Только теперь я понял, что еще пряталось в его глазах – ненависть. Или что-то очень близкое к этому чувству.

Два наемных солдата освободили место возле окна, и я выглянул, взявшись за прутья. Склон горы Крым остался позади, Черная речка исчезла из виду. Термоплан летел над развалинами домов – больших и маленьких, высоких и приземистых, многоэтажных коробок из серого бетона и деревянных развалюх. Последних, впрочем, было немного, в основном они сгнили или сгорели, оставив темные пятна пожарищ. Когда-то на этом месте стоял огромный город – хотя до Погибели он может и не считался таким уж огромным, – а теперь были только занесенные песком, заросшие бурьяном руины да изломанные пласты ноздреватого серого покрытия. Асфальт, вспомнил я. Оно называется асфальтом, предки закатывали в него дороги.

Между зарослями, горами земли, щебня и кусков асфальта за «Каботажником» спешил отряд из десятка одетых в меха людей верхом на приземистых ящерах. Над кочевниками то и дело взлетали дымные облачка, и каждый раз сквозь шум ветра доносились хлопки.

– Почему их называют мутантами? – громко спросил я, не оборачиваясь.

– Потому что кочевые, – ответил сзади Авдей. – Они там и люди, и мутанты, все разом живут. Звери они, дикари.

– Тихо ты! – гаркнул Влас. – Мамаша управителя забыл, что ли, откуда?

Я обернулся – Авдей исподлобья глядел на меня. Он по-прежнему сидел на лавке, склонившийся над ним омеговец лоскутом ткани перетягивал ему плечо. Я собрался спросить, что там с моей мамашей, когда из рубки спиной вперед вылетел Чак. Едва не упав, натолкнулся на лавку, с размаху уселся на нее, вскочил и завопил в лицо вышедшей следом Мире:

– Я две монеты отработал! Я блондина вашего спас! Вот этого вот, этого самого! – он ткнул в меня пальцем. – Старшого вашего! Если б не я, он бы с водопада того – тю-тю, рыбкой вниз и с концами! Но от кочевых вас увозить я не нанимался...

Карлик замолчал, когда Мира, шагнув вперед, ткнула ему в грудь штыком карабина.

– Доставщик, ты провезешь нас мимо Инкерманского ущелья и Редута, до самого Херсон-Града... – начала она и смолкла, когда Чак ухмыльнулся.

– А что, коли так, стреляй, – разрешил он, потирая грудь. – Давай, а я посмотрю, кто из вас «Каботажничка» моего между этими доминами поведет. И как это у него получится. Ну, давай, не бойсь, красotka-с-татуировкой!

Глаза Миры из холодных стали ледяными, на скулах заиграли желваки – она и правда готова была выстрелить. Быстро шагнув к ним, я схватил ее за плечо и оттолкнул в сторону. Сестра тихо зарычала, развернувшись на каблуках, вскинула руки – в одной карабин, другая сжата в кулак. Опустила. Я смотрел на нее. А ведь она собралась ударить меня... интересные у нас с ней отношения.

– Альб, он хочет избавиться от нас и улететь! – процедила Мира. Ноздри ее раздувались.

– Нет, он хочет больше денег. Сколько, Чак?

Карлик ухмыльнулся.

– От это чувствуется, что ты у них за главного, блондин! Сразу суть ухватил, э?

– Не называй так управителя! – приказала Мира.

– Да ладно, ладно! Господин достопочтенный управила, стало быть, она мне два рубля золотых положила. А теперь, раз такое дело, раз впереди нас гетманы со своими гонзами поджидают, а позади кочевые нагоняют, я четыре хочу, так что...

– Заплати ему, – бросил я, поворачиваясь, и тут приникший к окну Авдей крикнул:

– Дом на пути!

Чак, подтянув шорты, бросился назад в рубку, и я пошел следом. Сквозь переднее окно автобуса, закрытое мутным стеклом с трещинами, виднелся крутой поворот улицы, и на повороте этом стояло высокое, этажей на двадцать, здание-башня. Облицовка давно осыпалась вместе со стеклами, оконные рамы тоже исчезли, остались лишь серые перекрытия да квадратные просветы между ними.

– А, расплющи вас платформа! – взвизгнул Чак, перекинул два рычага и навалился на рулевое колесо под окном. – Ща врежемся!

Заскрипели тросы под кабиной, и термоплан стал медленно поворачивать.

– Не врежемся, – сказал я, – успеем.

В отсеке сзади зазвучали выстрелы.

– Не врежемся – так все равно упадем! Видишь, как тяжело летим? Дырок куча в баллоне, газ выходит... Да чё там четыре, мне и десяти золотых за такое мало!

Здание поползло вбок. Карлик приподнялся на сиденье, выглядывая, и повернул верньер на панели. Из динамика под ним полилось шипение, и приподнятый голос, едва слышный за треском помех, заговорил:

– И снова с вами говорит Шаар Скиталец из сердца апокалипсиса! Жаркий радиоактивный день раскинулся над Пустошью и Большим Крымом, и солнце улыбается нам во все свои тридцать два золотых зуба!

Я спросил:

– Что за Редут, про который вы говорили?

– Домина это такой квадратный с башнями, им один из гетманских Домов владеет. Вообще в Инкерманском ущелье четыре Дома заправляют, и один, Гантаров, держит этот Редут. Он вроде пограничного у них, защищает ущелье с юга.

Голос из динамика смолк, теперь оттуда неслось только шум помех. Серая башня была все ближе, термоплан плавно поворачивал, чтобы пролететь мимо нее. Чак придвинулся ближе и зашептал:

– Эй, слышь, управила, а ты, стало быть, веришь им?

– Кому? – спросил я.

– Да этим... бабище татуированной и прихвостням ейным?

– В чем верю?

Мы оглянулись – все находящиеся в отсеке люди, включая Миру с Власом, стреляли из окон по нагоняющим кочевникам.

– Это тебе лучше знать, в чем. Короче, слышь: я б им и на ноготь не доверял бы! И на вот такой ноготенок! – Чак сунул мне под нос грязный морщинистый палец с покусанным ногтем. – Ты лучше меня держись, я, если что...

– Думаешь, они с Власом врут, что я хозяин их города? Что Мира – моя сестра? Зачем?

– Я откуда знаю зачем? Я сам того управилу херсонского ни разу не видал, хотя таки да, славен он тем, что волоса белые у него. А еще славен, – карлик подмигнул, – своим коварством и жестокостью. Великий интриган, инкерманских гетманов недавно так обхитрил... Чуть было не стравил друга с другом... Так, берегись! – Чак отпихнул меня, всунул голову в отсек и завопил: – Всем держаться! Крепко!

Мы плыли на высоте пятого этажа; дом-башня надвинулся, с него взлетели несколько крупных существ, похожих разом на птиц и летучих мышей, закружились над термопланом. Белуши, вспомнил я, этих крылатых мутафагов называют белушами.

Боковая часть емкости зацепила бетонный угол, раздался звук, будто чем-то шершавым с силой вели по железу. Все вокруг задрожало, и я уперся в стену, чтоб не упасть на содрогающийся пол. Совсем рядом потянулись квадратные проемы, ведущие в сумрачные глубины постройки, полные всякой рухляди, остатков мебели, шевелящегося на сквозняке тряпья и завивающейся смерчами цементной пыли. Я мельком увидел существо в дверном проеме – вроде человек, но со слишком уж длинными тонкими руками и ногами. Высокое, тощее, с шестом в руке, оно привалилось плечом к стене, глядя на меня неестественно большими, выпуклыми, как у совы, глазами, и у ног его сидела, сложив крылья, белуша. Картина эта мелькнула – и сразу пропала, я даже заморгал, пытаюсь понять, правда ли видел ее.

– Не выдержит... не выдержит... – стонал Чак. – Чую, не выдержит... Раздави меня платформа, счас лопнет... А-а-а, выдержало!!!

«Каботажник» дернулся, когда оболочка перестала елозить по железу, кормовая часть сильно качнулась, за спиной кто-то упал – и дом-башня остался позади. Перед нами раскинулся пустырь, по которому между развалинами и котлованами извивалась земляная дорога.

И сразу очень хорошо стало слышно шипение вверху. Теперь оно звучало гораздо громче.

– Ща упадем, – заключил карлик и вскочил ногами на сиденье.

Он забрался на спинку, сдвинув крышку на потолке, сунул руку в отсек и рванул кривую рукоять. Что-то со скрежетом провернулось вверх, лязгнуло. Рукоять рывком ушла вниз, Чак повис на ней, болтая ногами.

Когда он прыгнул обратно на сиденье, шипение еще усилилось, и термоплан быстро пошел вниз.

– Ты выпускаешь газ через клапан? – спросил я. – Зачем?

– За мной давай! – соскочив на пол, карлик бросился из кабины. – Там рычаг тугой, сам не перекину!

Мы поспешили через салон. Мира, повернувшись от окна с автоматом в руках, крикнула:

– Почему опускаемся?!

Отмахнувшись, Чак нырнул в задний отсек, сдвинул в сторону лежанку и открыл нишу, из которой торчал рычаг. От него три тонкие железные штанги наклонно уходили в пол. Над рычагом было незамеченное мною раньше окошко, прикрытое жестяной ставенкой. Карлик распахнул ее.

Я склонился к окну. «Каботажник» летел совсем низко, кочевники нагоняли. Окно находилось в левой стенке, сбоку от него проносились, тяжело рокоча, лопасти винта.

– Что ты хочешь сделать? – спросил я, присев рядом с Чаком и схватившись за рычаг.

– Перекинуть привод на колеса... Там редуктор... – он поднатужился.

– Мы что, поедем?

– Ну! Я вверху крылья выпустил, отсек раскрыл, счас лебедка баллон в него втягивает, пока газ выходит. Не томи, управила, навались, иначе я стану последним, кто видел твою глупую рожу!

Я налег на рычаг. В полу заскрежетало, он дрогнул, и гудение винта начало смолкать.

– Готово, назад давай! – Чак помчался обратно, но я не последовал за ним: пригнувшись к окошку, снова выглянул.

Треугольная плоскость крыла выдвинулась с крыши автобуса. В гладком листе металла отражалась, как в зеркале, пробегающая внизу земля. Стекла в проеме не было, и я высунулся дальше.

На бегу ящеры качали длинными хвостами, кривые ноги их так и мелькали, за преследователями поднималось облако пыли. Смуглые кочевники держали плетеные щиты, копья, самострелы и ружья. Воспользовавшись тем, что развалин и ломаного асфальта стало гораздо меньше, десяток всадников расхотелся обратным клином, беря термоплан в клещи.

А он уже почти опустился. Вверху виднелась задняя часть газовой емкости, она морщилась и опадала, тросы затягивали ее в раскрытый отсек на крыше автобуса.

Лопасты винта замерли, и тут же колеса «Каботажника» коснулись земли. Автобус-гондолу трянуло так, что я покотился по полу. Из среднего отсека донесся грохот и ругань. Ударившись головой о койку, я встал на четвереньки, слизнул бегущую по губе кровь и поковылял обратно к окну.

Кочевники окружали «Каботажник», который снова приподняло над землей. Когда моя голова возникла в проеме, низкорослый бородатый всадник в меховой юбке и безрукавке метнул копьё. Я дернулся вбок, оно пронеслось сквозь проем, через открытую дверь влетело в средний отсек и воткнулось в лавку.

«Каботажник» опустился, бешено вращающиеся колеса ударились о грунт, толкнули термоплан вперед, и он снова взлетел, качаясь. Рядом с бросившим копьё кочевником появился другой... это же четвертый Верзила! Ну да, он самый – рыжеватый, с длинными усами, заплетенными двумя косицами. Как же его звать – то ли Селиван, то ли Стоян... При попытке вспомнить опять заломило в затылке, и перед глазами поплыли круги.

На поясе Верзилы был широкий, в две ладони, ремень с петлями, а в них – динамитные пашки с торчащими вверх короткими фитилями. Стволом длинного охотничьего ружья он

ткнул в плечо маленького кочевника, показал на меня и отрицательно качнул головой. Натянул поводья, выгнув вбок шею ящера, направил его в обход автобуса.

Должно быть, в этот момент Чак резко повернул рулевое колесо – «Каботажник», успевший вновь опуститься на землю, качнулся на крутом повороте дороги, и люди в среднем отсеке с руганью попадали на пол. Раздался возмущенный рев Власа, что-то прокричала Мира. Я тоже упал, а когда встал на колени возле окна, Верзила был уже слева от автобуса и нагонял его, раскручивая над головой железную «кошку». Он почти сразу исчез из виду. Вскочив, я нырнул в средний отсек.

– Инкерманское ущелье впереди! – завопил высунувшийся из кабины Чак. – Прямо к Редуту летим! Назад все, на корму, быстро, чтоб нос приподняло! Да быстро же!!!

Мира, за нею Влас и остальные, кроме замешкавшегося Авдея, бросились к заднему отсеку, и я отскочил в сторону, чтобы они не затоптали меня в дверях. Карлик скрылся в кабине, нос термоплана задрало кверху, сначала передние, после задние колеса оторвались от земли.

Дверь с треском пробил ржавый крюк «кошки». Хрустнув, сложилась гармошкой створка. Снаружи Верзила рванул привязанную к «кошке» веревку и выворотил ее из пазов.

Низкорослый кочевник с жесткой черной бородкой, в меховой юбке и безрукавке, перепрыгнул со спины ящера в дверной проем. Он замахнулся утыканной стеклянными осколками дубинкой, другой рукой набросил мне на шею кожаную петлю, конец которой был намотан на его жилистое запястье. С диким воем, от которого заложило уши, коротышка рванул меня, пытаюсь выволочь из автобуса.

– Помогите ему! – закричала Мира, бросаясь к нам.

Возникший сбоку Авдей ножом рубанул по туго натянувшейся полоске кожи. Задыхаясь, я схватился за шею, присел. Перерезав петлю, Авдей дернул меня за плечо в другую сторону. Кочевник, вереща, прыгнул за нами, поднимая дубинку, но его встретила Мира. Присев, она мягко качнулась вбок, уходя от удара, и взмахнула карабином. Отточенный клинок штык-ножа скользнул по правому боку кочевника наискось вверх, через ребра, к груди, оставляя тонкую темную линию.

Воинственный клич кочевника превратился в хриплый крик боли. Гладкий смуглый бок разошелся, будто рассеченная тесаком свиная туша, брызнула кровь. На месте отскочившей Миры возник Влас. Он пнул бородача ногой в живот и сквозь проем выбил его из автобуса, как пробку из бутылки.

И тут же «Каботажник» качнулся так, что Авдея бросило следом. Он выпал из автобуса, а я, схватившись за привинченную к полу лавку, сунулся в проем за ним и схватил за ворот куртки.

Ветер ударил в лицо. Возле «Каботажника» неслись трое кочевников во главе с Верзилой. Он держал веревку, сзади на ухабах подпрыгивала дверь, Верзила подтягивал ее к себе.

Авдея встречный поток воздуха распластал по борту. Покрепче ухватив воротник, я попытался подтянуть следопыта к себе.

Колеса термоплана снова ударились о землю, снова подскочили... и потом снаружи все мгновенно изменилось. Кочевники остались где-то позади, исчезли руины и земляная дорога. Под «Каботажником» распростерлась глубокая расселина, несколько мгновений термоплан неся над ней, потом лавка под рукой поддалась, пальцы соскользнули, и мы с Авдеем выпали наружу – прямо на поросший кустами склон.

Глава 3

Припадая на левую ногу, я проволок усатого еще несколько шагов и присел в кустах.

Хорошо, что склон, на котором остались кочевники, отвесный – спуститься они там не могут, придется им огибать расселину, а она неизвестно сколько тянется в обе стороны. Но они видели, куда мы упали, и торчат на виду, чтобы дожидаться возвращения отряда Миры, нельзя. Да еще гетманы-рабовладельцы из ущелья, про которых твердили Мира с Чаком, и Редут, который, судя по разговорам, где-то неподалеку... Что это за гетманы, что за Редут?

Я потащил Авдея дальше. При падении он пострадал сильнее и висел на мне, едва представляя ноги. Близился вечер, но пока еще было светло. На дне расселины среди густых зарослей журчала вода. Хотя весил молодой следопыт вроде и не много, волочь его по крутому склону было тяжело, тем более тот становился все круче. Рокот двигателя, выстрелы карабинов, частый стук автомата и крики Чака давно смолкли, было тихо, лишь шуршала осыпаящаяся вместе с мелкими камешками земля да ветер шелестел кустами.

– Кочевые видели, что мы упали, – тяжело дыша, сказал Авдей.

Расселина изогнулась, я сделал еще несколько шагов и остановился. За поворотом из склона торчал грузовик с квадратной кабиной и длинным ржавым кузовом. Я отпустил следопыта, который сразу лег на склон боком и вцепился в торчащий из земли камень, чтобы не съезжать.

– Ребро у меня треснуло, – пробормотал он. – Или сломано.

Слова едва донеслись сквозь гул – как в термоплане, когда впервые после пробуждения я услышал слово «Пустошь», меня снова накрыла темная волна. Мир качнулся, уплыл куда-то... весь, кроме машины, торчащей из склона. Только теперь это была другая машина. Да и склон другой.

Я уже не стоял – лежал на каменной глыбе, выставив голову за край, а в ущелье под мной висело, далеко выступая из дыры между камней, длинное тускло-стальное тело.

Вдруг я понял, что высоко в небе над головой что-то летит, а рядом на камнях лежат люди, трое или четверо... То есть я не видел их, но знал, что они там, и начал поворачивать голову, чтобы посмотреть на них, но не успел – все померкло.

Я стоял на коленях за кустом, упершись взглядом в грузовик, примерно на треть погруженный в склон. Авдей неподвижно лежал рядом.

Моргнув, я потерял виски. Мутантово наваждение! Ведь эти картины как-то связаны с недавним прошлым, с теми событиями, из-за которых я потерял память. Сначала был бетонный коридор, комната и непонятная личность с шеей, изуродованной угловатым наростом. Теперь эта машина – длинный железный корпус, торчащий из дыры в склоне ущелья. Что за машина? Это именно то, что я нашел в экспедиции под Крымом, из-за чего меня пытали кочевники? Покатый вытянутый корпус что-то напоминал мне. А ведь я точно находился в том месте не один, кто-то лежал рядом и тоже смотрел на машину. И еще – когда видение накрыло меня, у меня возникло ощущение, будто что-то парит невысоко над ущельем. Только я не успел увидеть, что именно, видение слишком быстро закончилось. Может, если оно повторится, я смогу лучше понять, что происходило тогда?

Я потерял лоб, разглядывая грузовик. Ниже и по сторонам от него скос был почти отвесным, но вверху тянулся полого, там росли кусты с бледными цветками, над которыми жужжали пчелы. Я прищурился. Оси совсем проржавели, шины сгнили, от колес остались тускло-рыжие диски. Стекол в кабине нет, вместо них решетки с толстыми прутьями, между ними из лобового окна торчит ствол, похожий на пулеметный.

– Дальше надо идти, – хрипло прошептал Авдей. – Кочевые догнать могут.

Повязка на его плече пропиталась кровью, правая штанина порвалась, в прореху выступало распухшее синее колено. Лицо бледное, губы трясутся... упал он неудачно, да еще и я свалился прямо на него.

– Так, а ну снимай ремень, – велел я. – Тебе сейчас от оружия все равно толку мало.

Он отпустил камень, за который держался, лицо исказилось на мгновение, и я подобрался: Авдей явно готов был выхватить нож и наброситься на меня, а может, и выстрелить из револьвера, наплевав на то, что звук привлечет кочевников.

Мои пальцы сжались на гольше, лежащем под кустом. Я сидел выше и, в случае чего, легко мог с размаху вмазать следопыту по башке. Интересно, за что паренек так меня ненавидит? На самом деле это даже радует, когда твоя персона вызывает у кого-то сильные чувства... хотя и чревато последствиями.

Некоторое время Авдей лежал неподвижно, потом с шипением выпустил сквозь сжатые зубы воздух и расстегнул пряжку ремня. Пальцы его дрожали.

Подпоясавшись ремнем, на котором висели нож и кобура с револьвером, я достал оружие, и кривая толстая рукоять привычно легла в ладонь... Ну да, именно что привычно. Мне много раз доводилось держать в руках подобные убийственные штуки, тут уж без сомнений. Я вытянул штырек под стволом, отщелкнул барабан – пять патронов. На ремне в петельках находилось еще около двух десятков.

– Ты ведь раньше видел меня? – спросил я.

– Что? – не понял он.

Не убирая револьвер в кобуру, я повернулся к Авдею, и он отпрянул, съезжившись.

– Чего испугался, следопыт? – спросил я.

Он молчал, глядя в землю.

– Ну так повторяю вопрос: ты видел меня раньше?

– Видел издалека. На площади.

– У меня здесь пусто, – пояснил я, хлопнув ладонью по лбу. – Потерял память, когда в плен попал. Наверное, кочевые меня пытали. Я хозяин Херсон-Града, да?

– Хозяин.

– Какой ты разговорчивый, Авдей, прямо заболтал меня. Скажи, ты уверен, что это именно я? Откуда знаешь, если, говоришь, вблизи меня никогда не видел? Это вам Мира с Власом сказали, будто я – управитель? Ну, не молчи, отвечай уже!

– Вас же узнать легко... У вас же... – придерживаясь за камень одной рукой, он провел ладонью по волосам. – Да и не так уж далеко я тогда был. Мы помост оцепляли на площади, с которой вы речь народу говорили.

– Народу, – повторил я. – А что народ обо мне говорит?

Он отвернулся. Я сел, поджав ноги, склонился к нему и постучал стволом револьвера по здоровому плечу.

– Что про своего управителя толкуют жители Херсон-Града? Отвечай!

– Чтобы ты меня убил? – с ненавистью прошептал он.

– Не убью. Я тебя вообще-то спасаю, ты заметил? Надо уходить отсюда, а там этот грузовик... ответь на мои вопросы, и будем решать, как отсюда выбираться.

– Ты... – он облизнулся и сглотнул. – Ты жестокая мразь! Альб Кровавый, так тебя называют! Кроважадный, как... пустынный катран. Столько душ сгубил... Ты отца моего приказал в кандалы... К гетманам в каменоломни продал, он сгинул там...

Авдей оскалился, словно больше не мог сдерживаться, рывком приподнялся и вдруг ухватил меня за горло. Потянул на себя. Хватка была слабая – он потерял много крови, но и я чувствовал себя не слишком хорошо. Хотя головная боль прошла, до сих пор ломило в пояснице, ныли суставы рук, и часто накатывала слабость.

Внизу плеснулась вода, что-то прощуршало в кустах. Мы застыли, сжимая друг друга – он держал меня за горло, я его за волосы и запястье. Шуршание смолкло, булькнуло, будто в воду упал камешек. Подул ветер, зашелестели заросли.

Отпустив руку следопыта, я вытащил из ножен кинжал и ткнул Авдея под нижнее ребро – не слишком сильно, но так, чтобы проколоть плотную ткань комбеза.

Он отцепился от моей шеи, всхлипнув, скрючился на склоне, накрыл голову руками и поджал ноги, будто пытаюсь защититься от этого жестокого мира и от меня.

– Не помню, что там с твоим отцом было, – тихо сказал я. – Теперь не до того, понимаешь? Отомстишь мне позже, если сможешь, а сейчас надо выбираться отсюда.

Он молчал.

– Авдей, а про сестренку мою что говорят, про Миру?

– Убийца, – произнес он сдавленно. – Такая же, как ты.

– Надо же, как на подбор... А отец наш, Август, тоже хорошим человеком был?

– Август был великим человеком! Весь Крым его знал. Херсон-Град создал.

– А моя мать? Она из кочевых, что ли?

– Да.

– Но не все кочевые мутанты? Разве Август в жены мутантку взял бы?

– В нижних племенах и люди, и мутанты живут. Управительница, наверно, обычной была, человеком. Он на ней женился, чтобы с племенами союз заключить. Что там плеснулось?

– Я откуда знаю? Сказано же тебе: у меня память отшибло. Кто может обитать в таком месте?

Авдей покачал головой и сел, снова ухватившись за камень. Только сейчас я осознал, насколько в действительности молод следопыт – раньше понять это мешали усы. На лице его пыль превратилась в грязевую корку, в которой слезы оставили две светлые дорожки.

– Мы еще на краю Крыма, – прошептал он. – Здесь всякие мутафаги живут. Черепахи кусачие или... Надо уходить, пока кочевые не появились или дозор гетманов из Редута нас не нашел!

Голос звучал недоверчиво: кажется, Авдей был очень удивлен, что Альб Кровавый оставил его в живых.

Я с сомнением смотрел на грузовик. Подозрительно он выглядит – как его туда всунули, в эту дыру на склоне? Или тут какое-то землетрясение было, из-за него машина таким необычным образом застряла? Пока что в темных окнах кабины ни разу ничего не шелохнулось, но...

– Под ним не пойдем, – решил я. – Склон почти отвесный, а из пулемета того вся расселина простреливается. Надо поверху, но сначала проверить, есть ли кто внутри. Сиди здесь и никуда не суйся, понял?

Когда я привстал, чтобы забраться к грузовику, Авдей сказал:

– Нельзя мне здесь, кочевые заметят.

– Тише ты! – я оглянулся. – Лежи под этим кустом, не шевелись, тогда не заметят сверху.

– А если они по склону спустятся?

– Увидишь, что идут, – сползай к ручью, там заросли гуще.

Я зашпешил к машине, но Авдей снова подал голос:

– Альб... управитель! Оставь мне что-нибудь, чтоб защищаться.

Я достал из ножен и бросил назад кинжал – клинок вонзился в землю возле камня, за который держался Авдей. Следопыт перевернулся на другой бок, спиной к машине, и выдернул кинжал.

Пригибаясь, я поднялся до середины склона и оказался немного выше грузовика. Небо серело, стало прохладнее, но жара еще не спала. Отсюда я едва различал Авдея, его комбез сливался с окружающим, – зато хорошо видел верхнюю часть кабины и крытого кузова. На середине его был люк.

Перебравшись со склона на машину, я достал револьвер и осторожно, чтобы подошвы не скрипели по металлу, прокрался к кабине. Улегся на живот, свесив голову, заглянул в закрытое решеткой лобовое окно. Ствол пулемета торчал наклонно вниз, дотянуться до него я не мог. Сквозь толстые прутья виднелся лишь край панели со свороченным набок рулем, обмотанным изолентой.

Лежащий на том же месте Авдей смотрел на меня. Между зарослями извивался ручей, под машиной он разливался в большую лужу или скорее болотце. Кусты росли прямо из затянутой ряской воды, посреди которой торчала залепленная мхом булыга. Жужжание пчел смолкло, расселину окутывали вечерние тени. Заброшенное место – все вокруг говорило о том, что тут давным-давно никто не бывал. Непонятно, если населенный Инкерман и этот Редут рядом, то почему здесь так пустынно, почему никто не взломал люк, чтобы забраться в машину?

Я махнул Авдею, убрав револьвер в кобуру, уселся перед люком.

Кто-то пытался вскрыть его и потратил на это много сил, но так и не смог одолеть. Крышка была выгнута наружу, со стороны замка глубокие вмятины, возле одной петли ее даже сумели сломать, сквозь рваную прореху виднелся пол кузова. Скорее всего, влезть внутрь пытались очень давно, тогда еще металл был крепче, потому-то ничего и не получилось.

С тех пор минуло много... чего? Я нахмурился, соображая, и вспомнил два слова: года и леты. Год – древняя мера деления времени, простой народ ею не пользуется, большинство даже не знает, что это такое, но меня обучили... Кто же меня обучил? Перед глазами возник образ высокого старика с длинными седыми волосами, одетого во что-то светлое и просторное. Морщинистое лицо, длинный нос, высокий лоб... Кто это такой? Моя жизнь была тесно связана с этим человеком. Кажется, он заменил мне отца.

Итак – год. Он делится на четыре сезона: дождей, ветров, сезон большого солнца и холодный сезон. Какой сезон сейчас? Я поднял голову к небу, осмотрел заросли на склоне, но не смог определить.

Этот люк на крыше грузовика пытались вскрыть очень много лет назад. Тогда не получилось, а теперь ржавчина сделала свое дело, и я проникну внутрь без особого труда.

Широко расставив ноги, я склонился над крышкой и просунул пальцы в рваную дыру возле петли. Проржавевший металл крошился и царапал кожу. Я рванул что было сил, и крышка отошла. Я выгнул ее сильнее и соскользнул в образовавшуюся прореху.

Сумрачно, тихо, пыльно. Паутина по углам. Прогревшийся за день металл наполнял кузов жаркой духотой. Окон нет, под стеной накрытая ветошью койка, за ней шкаф без дверцы и тумба на трех ножках. Стены усеяны белыми и черными каракулями, сделанными мелом и углем. Там были слова, написанные привычными буквами, но лишённые всякого смысла, хотя среди них попадались и понятные вроде «ОНИ ПРИДУТ», «ИЗЫДИ!», «НОЧЬЮ ОНИ СТУЧАТСЯ В ДВЕРЬ», а также значки, состоящие по большей части из коротких волнистых линий. И рисунки, тоже бессмысленные, – перечеркнутые зигзагами круги, стрелки, ромбы и квадраты, повешенные человечки с неестественно огромными головами и кресты, очень много крестов.

Я медленно двинулся к кабине. Пахло плесенью и гнилью, мусор скрипел под ногами – куски истлевшей бумаги, битое стекло, всякие мелкие железки и щепки. Я шел, опустив оружие, дивясь всей этой нелепице на стенах, и перед самой кабиной, откуда в кузов проникал рассеянный свет, краем глаза заметил движение в сумраке слева. Сердце пропустило удар, я развернулся, вскинув револьвер.

Там стояло зеркало. Прямоугольное, с отбитыми углами, оно было прислонено к стене и разрисовано теми же каракулями. Я подошел ближе. Очень мутное и старое, да к тому же в кузове полутемно – и все же отражение видно. Бледный овал лица придвинулся из зеркальной глубины. Да ведь я совсем молод! Мне казалось, что мы с Мирой и Власом примерно одного возраста, то есть я не старик, но уже далеко не мальчишка. Сунув револьвер в кобуру, я провел пальцами по скулам, подбородку. Нет, Мира куда старше меня. Кажется, я даже младше Авдея.

И как давно я стал управителем Херсон-Града?

Я ощупал лицо, привыкая к нему, к новому образу самого себя, своей личности, появившемуся в голове, и пошел дальше. Интересно, что у меня нормальные глаза. А ведь у альбиносов они, кажется, должны быть розовыми. Или не должны? Если волосы и кожа очень светлые,

значит, в зрачках тоже не хватает какого-то красящего вещества. Как оно называется? Пигмент. Цвет своих глаз в полутьме я толком разобрать не мог, но они явно не розовые, скорее серо-зеленые или голубые.

Лишь в кабине, увидев шляпу на голове сидящего в кресле человека, я вспомнил, что забыл достать револьвер из кобуры.

Он не шевелился, я тоже замер, вперив взгляд в шляпу с продавленной тульей и обвисшими полями. Кресло, склепанное из дерева и железа, стояло на месте водительского сиденья, и человек находился прямо перед пулеметом, приклад которого я видел из прохода.

А ведь хозяин грузовика наверняка слышал, как я вскрывал люк и пробирался по кузову. Не мог он не слышать и скрип мусора под моими ногами.

Что это значит? Да то, что он давно мертв!

Обойдя кресло, я окинул взглядом того, кто сидел в нем. Там со всеми удобствами расположился скелет, облаченный в черную рясу. Интересно, как получилось, что плоть с костей исчезла, а ткань цела? Хотя она совсем ветхая, того и гляди рассыплется.

В кабине было жарко и почти так же душно, как в кузове, у меня по лбу и по спине между лопатками тек пот. Сняв рубаху, я обвязал ее рукава вокруг пояса.

На шейных позвонках скелета висела цепочка с медальоном в виде буквы «X», который лежал на груди поверх рясы. На кресте отлитая из серебра фигурка твари, похожей на человека... то есть мутанта. Ну да, распятый мутант – символ Ордена Чистоты.

Осмотрев кабину, я достал револьвер и стволом приподнял шляпу. В первый миг показалось, что у черепа три глазницы, но потом стало понятно, что чуть выше надбровных дуг темнеет пулевое отверстие, сквозь которое можно заглянуть внутрь. На дне черепа, то есть на верхнем шейном позвонке, лежал темный комок – сплюснутая пуля. Скорее всего, человека пристрелили сквозь решетку лобового окна, а после те, кто сделал это, попытались проникнуть в грузовик, но не смогли вскрыть люк. Интересно, это те самые мутанты, которых хозяин грузовика поклялся уничтожить? Ведь он – монах, правильно? Монах из Ордена Чистоты, объявившего войну всей нечисти, что живет на просторах Пустоши и Крыма, то есть мутантам и мутафагам?

В кабине стало темнее. Ночь близко, пора возвращаться. Тот, кто сидит в кресле, нам с Авдеем не угрожает, но есть ли смысл идти дальше по расселине? Наверное, лучше забраться в этот грузовик и переночевать, а завтра утром решать, что к чему. И кочевники, и отряд Миры куда-то подевались, а ночью в этих местах наверняка опаснее, чем днем.

Пулемет оказался никуда не годным. Осторожно сняв шляпу с черепа покойного, я подцепил стволом револьвера цепочку на его шее, поднял медальон. Обветшавшая ряса на груди сразу порвалась, обнажив реберные кости. Надевать железку я не стал, сунул в карман. В бардачке нашел большой сухарь, твердый, как железо, пустую флягу и треугольный кусок мягкой кожи с узором из крестов и черепов. Странным типом был этот монах. Подобрал волосы, я обвязал кожей голову как косынкой, стянул узлом на затылке. Судя по Авдею, многие питают к молодому управителю Херсон-Града не очень-то добрые чувства, а серебристые волосы – примета броская.

Пытаясь отгрызть кусок от сухаря, я шагнул к выходу из кабины, но заметил краем глаза, как что-то блеснуло на груди монаха. Вернулся, снова воспользовавшись револьвером, расширил дыру на рясе и открыл реберные кости. Посередине, где они сходились, лежала шайба из металла с тускло-зеленоватым отливом. На ней был рисунок, едва различимый барельеф – шестерня и внутри человек.

Двумя пальцами я осторожно взял кругляш, ощутив легкое сопротивление. Скелет в кресле шевельнулся, будто от этой штуки к нему тянулись невидимые нити. Череп провалился в рясу, она смялась, и над сиденьем поднялось облако пыли.

Чихнув, я выскочил из кабины и остановился перед зеркалом. Достал цепочку с медальоном, приложил к груди, наблюдая за своим отражением. Такие кресты носят монахи и жрецы Ордена Чистоты, охотники на мутантов и мутафагов. Тут все ясно, но вот что это за шайба? Что за необычный символ, шестерня с человеком внутри, и почему я ощутил сопротивление, когда взялся за нее?

Спрятав медальон в карман, я сильно сжал шайбу в кулаке – ничего. Поднес ее к груди, не спуская глаз с отражения. Приложил к коже, вдавил указательным пальцем. Нет, не могу вспомнить, что это за штука. Странная она какая-то. Медальон с цепочкой, ряса на скелете, шляпа, пулемет, мой револьвер и нож Авдея – это все понятные, знакомые вещи. А круглый предмет из тусклого зеленоватого металла будто в другом мире сделан. Или в другие времена...

Он шевельнулся. Я вздрогнул, разжав пальцы, и зачем-то схватился за револьвер. Кругляш так и висел на груди. Я наклонил голову, разглядывая его. Он сам собой вдавился в кожу, металл разгорелся светом, а на коже появилась круглая складка.

– Мутант тебя побери... – растерянно прошептал я.

Шайба нагрелась; ощутив жжение, я попытался снять ее с себя, но ничего не вышло. В груди кольнуло, когда я потянул сильнее, свет стал ярче.

Я приставил револьвер сбоку к кругляшу, чтобы выстрелом сбить с груди, но нажать на курок не успел. Из легких будто весь воздух высосали, я задохнулся, засипел, разинув рот, выпустил оружие и упал на колени.

Кругляш изменил цвет: побледнел, пожелтел... теперь он был почти неотличим от кожи вокруг – только приглядевшись, можно было понять, что на ней висит инородное тело. Жжение прошло, зеленое свечение стало ярче.

Свет заструился по коже извилистыми нитями, которые расходились ветвясь, соединяясь и распадаясь, образуя сетку. Она накрыла грудь, плечи, сбежала к поясу по животу и бокам. Отражение в зеркале замерцало бледно-зеленым, я застыл, все еще не в силах вдохнуть.

Запеленав тело от шеи до пояса, нити расплылись, слившись в сплошную сияющую поверхность, и погасли.

Боль исчезла. И кругляш тоже исчез – по крайней мере, для взгляда. Сердце бешено колотилось в груди. Дрожащей рукой подняв с пола револьвер, я выпрямился и осторожно коснулся стволом того места, где висела эта штука. Она все еще была там. Я рискнул ощупать ее пальцами – шайба вдавилась в кожу так, что почти не выпирала из груди.

Сунув револьвер в кобуру, я отошел от зеркала, глубоко дыша, чтоб успокоилось сердце. Что за напасть прицепилась ко мне? И чем это грозит? Прислушался к внутренним ощущениям – вроде все как обычно. Пожалуй, я чувствовал себя даже лучше, чем недавно, ссадины и синяки уже не так досаждали, хотя суставы рук по-прежнему ныли. Ну и что мне делать с кругляшом из непонятого металла и световым коконом, окутавшим мое тело, а после погасшим? Я провел ладонью по плечам и ребрам, снял с пояса рубаху, надел. Кожа на ощупь осталась прежней, чувствительность ее тоже не изменилась. Может, попробовать подцепить шайбу ножом? Снаружи донесся приглушенный крик.

* * *

От места, где я оставил Авдея, к болотцу внизу тянулась полоса примятой травы. Подняв перед собой револьвер, я на корточках двинулся в ту сторону. Вскочил, услышав хруст и шелест. В густых сумерках, заполнивших нижнюю часть расселины, трудно было что-то разглядеть. Я побежал, ломая высокие кусты, зацепился за камень, едва не упал, пригнувшись, головой пробил заросли – и остановился на самом краю болотца.

Посреди него торчал затянутый мхом валун. К сидящему на вершине Авдею взбиралось существо, которое я сначала принял за большого тощего пса и лишь потом сообразил, что лапы

его заканчиваются подвижными волосатыми пальцами. На длинной шее зверюги поблескивал ошейник с шипами.

Ловко цепляясь за неровности камня, тварь почти достигла вершины, когда я выстрелил ей в спину. Авдей, откинувшись назад, распрямил ноги и ударил ее каблуками в морду. С визгом зверюга свалилась в болотце. По затянутой ряской воде побежали бледно-зеленые волны, тварь фыркнула и встала на все четыре лапы. Темная кровь потекла с выступающего хребта с буграми позвонков. Я прицелился, чтобы добить ее, но тут зашелестели кусты, и на поле боя появилось новое действующее лицо.

– Катран! – завопил Авдей.

Лоснящееся, гладкое, будто вырезанное из черной резины тело рванулось через болотце. Ноги так и мелькали, короткий хвост с вертикальной лопастью баламутил ряску позади. Торчащие по бокам плавники напоминали лезвия секир, их темные кромки бесшумно резали воду.

Миг – и катран очутился возле зверюги. Еще миг – раскрылась и захлопнулась полная клыков пасть – и башка ее отлетела, вращаясь, как волчок, ввинтилась в воду, разбрасывая зеленые хлопья ряски.

Авдей вскрикнул, а мутафаг метнулся ко мне и мгновенно очутился рядом.

Я понял вдруг, что знаю, как справляться с катранами. Этому меня тоже учили, но не тот человек, от которого я узнал слова вроде «термоплан», «автобус» или «пигмент», не старик с седыми волосами, кто-то другой. Мне много раз приходилось сталкиваться с катранами, опыта хватало – я упал на спину, согнув руку так, чтобы ствол револьвера сбоку ткнулся в черную башку, вонзил его в длинную жаберную щель. Их было по три с каждой стороны, узких складок, под которыми колыхалась мясистая розовая бахрома. Шкура у катранов твердая и скользкая, из плавников их делают лучшие на Крыме ножи; земноводные свирепы, беспощадны и способны победить в драке даже дикого пустынного ящера, но у них есть одно уязвимое место: жабры.

Когти разорвали рубаху на груди, и я трижды вдавил спусковой крючок.

Сбросив мутафага на землю, поднялся на ноги, прицелился в остроносую, с широко посаженными глазами морду, но стрелять не стал. Плавники задержались, все быстрее, быстрее, катран будто хотел взлететь... треугольник хвоста хлопнул по воде, и тварь издохла.

Авдей выпрямился на валуне, глядя на склон за моей спиной. Безголовая зверюга – я вспомнил, что их называют гонзами, – лежала в болотце. Солнце скрылось за горизонтом, раселина погрузилась в вечерний полумрак.

– Эй, следопыт! – позвал я.

Не обращая на меня внимания, Авдей попятился.

За спиной громыхнул выстрел, и пуля вырвала кусок мяса из его плеча у основания шеи. Вскрикнув, Авдей слетел за валун. Я повернулся, направив револьвер в сторону трех людей, спускавшихся к нам через заросли. Идущий первым рябой парень снова выстрелил.

Пуля ударила, будто железный кулак. Глухо екнуло в груди; выпустив револьвер, я упал навзничь. В разрывах рубахи тускло блеснул свет, на миг проступил сквозь кожу – и пропал.

Было больно, но не так чтобы очень сильно. Я свалился головой в болото, ряска залепила нос, глаза, рот. Привстал, кашляя и плюясь, ладонью счистил с лица зеленую грязь. Пуля разорвала рубаху на груди, сплюснутый комок металла скатился по животу, не оставив раны.

Ничего не понимая, я сел, стряхнул со штанов пулю и поднял глаза на трех мужчин, подошедших к болотцу. На них были широченные красные шаровары из крепкого сукна, волнами ниспадающего на сапожки с загнутыми носами, короткие красные халаты – кажется, они назывались чекменями – с поясами и портупьями. На ремнях ножи в форме полумесяца. Двое, помладше, шеголяли длинными чубами, растущими посреди бритых макушек, третий, низкорослый толстяк, носил большой черный тюрбан.

В руках у всех были двустволки с толстыми «собачками» и очень длинными прикладами. Я вспомнил, что это оружие называется берданкой, равно как вспомнил и то, что так одеваются гетманы Инкермана.

– Я ж попал! – выкрикнул рябой и бросился к лежащей под валуном зверюге.

Толстяк в тюрбане ответил:

– Почему тогда он жив?

– Значит, промахнулся Евсей, – ответил третий гетман, чей черный чуб был закручен вокруг левого уха. – Что с другим, который на валуне торчал?

За спиной раздался короткий вскрик и звук, какой может издать большой нож, когда его с силой погружают в человеческое тело. Я потер кадык, поняв, что бедняге Авдею конец.

– Готов, готов! – прокричал Евсей за моей спиной. – Может, голову ему отрезать да в Редуте на кол? Не, тащить неохота. А второй мою гонзу убил! Я ж ее столько натаскивал!

Гетман в тюрбане окинул взглядом торчащую из склона машину.

– Вы поглядите: некроз пропал. Теперь к грузовику подойти можно, узнать хоть, что там в нем. А ты не оттуда вылез, малый? – он ткнул в меня стволом.

Я подобрал ноги, готовый вскочить, хотя и понимал, что не справлюсь с тремя вооруженными людьми.

– Старшина, он ей хребет прострелил! – зло продолжал рябой. – Нелюдь поганая, я ж столько возился с ней!

Я вовремя оглянулся, чтобы увидеть, как он подскакивает ко мне, заноса кривой нож. Рыжий чуб развевался на ветру, глаза сверкали злобой. Рябое лицо напоминало осенний луг – сухое, желтое, шелушащееся. Евсей попытался вцепиться мне в волосы, но я дернулся, и он лишь сорвал косынку с моей головы. Нож пошел вниз, чтобы впиться в шею, я локтем врезал гетману между ног и вскочил, угодив теменем ему в подбородок.

Удар не прошел даром для нас обоих – рябой полетел в болото, а у меня из глаз посыпались искры. Схватившись за голову, я прыгнул к зарослям – оставалась единственная надежда нырнуть в них и попытаться сбежать, – но черноволосый сделал мне подсечку и опрокинул лицом в грязь.

Раздался плеск, короткое ругательство, возглас... Я оглянулся и замер – черноволосый нацелил на меня карабин.

Евсей медленно пятился, держась за подбородок, старшина с поднятым кулаком стоял перед ним.

– Не трожь его! – велел старшина. – Теперь это раб Дома Гантаров!

Евсей недобро посмотрел на старшину, перевел взгляд на меня и вздрогнул. Зрачки его расширились, он сглотнул и сипло сказал:

– Гордей, Владий, слышите... у него волосы белые! Грязные, но белые же! Серебряные!

– Ну так и чего? – не понял старшина.

– Да то, что это Альбинос! – взвизгнул Евсей и, подскочив, ударил меня прикладом берданки в лицо. – Альбинос Кровавый, проклятье Инкермана!

Глава 4

Когда подсвеченный блеклыми огнями Редут вырос перед нами на фоне темного неба, старшина Гордей сказал:

– Евсей, вперед иди, скажи, что это мы.

Рябой всю дорогу подгонял меня тычками приклада в спину. Судя по довольному сопению, это его забавляло.

– А чего я? – спросил он. – Пусть вон Владий...

– Евсей, марш вперед!

Молодой поравнялся со мной, плюнул мне под ноги и ускорил шаг. Я не обратил на него внимания – рассматривал Редут. Основанием ему служило большое древнее здание, наполовину ушедшее в землю, в его заложённых кирпичом оконных проемах чернели бойницы. По краю широкой бетонной крыши, находящейся теперь всего в нескольких локтях от поверхности земли, шел частокол из бревен, с врезанными посередине воротами. На бревна насадили черепа, протянули между ними провод, а внутрь вставили лампочки. Тусклый свет лился из глазниц, и казалось, что черепа наблюдают за нами с огады.

От земли к воротам вел дощатый настил на сваях. На угловые башни Редута пошли глыбы красного гранита, который добывали только в печально знаменитых каменоломнях Инкерманского ущелья, где каждый сезон гибли десятки рабов. На башнях зачем-то водрузили ржавые клетки.

Гетманы вели меня к настилу. По сторонам от него стояли два грузовика с катушками кабеля в открытых кузовах, к одной машине была прицеплена повозка с генератором. Выглядели грузовики воинственно: на кабине у каждого вертлюги с пушечкой, заряженной гарпуном. Рядом приварены треноги с горящими прожекторами. Наверное, кабель прокладывали в каменоломнях, чтобы подавать с генератора электричество – привязывали к гарпуну, выстреливали в скалу возле входа в забой, а дальше тянули кабель в шахту.

Раздалось злобное тьяканье, со скрежетом приоткрылась калитка в створке и навстречу, стуча когтями по доскам, выскочили три гонзы в ошейниках. Мы остановились перед ведущим вверх настилом, мои кандалы звякнули. Зверюги замерли, скалясь и тихо рыча. В клетки на одной башне показался силуэт, и Евсей прокричал:

– Отпирай, дозор воротился! Гордей и Владий с Евсеем!

– Вас же четверо, – донеслось сверху, после чего раздался переливчатый свист, и гонзы убежали обратно за калитку.

– Иди давай, – сказал за спиной Владий, и я стал подниматься вслед за рябым гетманом.

– Раб это новый, возле грузовика взяли, – пояснил старшина, когда мы остановились у ворот.

Где-то тархтел генератор, свет из черепов озарял створки – неотесанные бревна, скрепленные железными уголками. Гонзы юркнули в будки под частоколом и улеглись там, выставив наружу головы.

– Пряма там и нашли? – удивились на башне. – Я думал, возле ущелья давно никого. Так что, вправду некроза не стало?

– Пропал, – подтвердил старшина.

– Так надо людей туда, чтоб в грузовик забрались, вдруг чего интересного внутри. Это ж, говорят, машина самого Ефрония Отшельника! Сколько сезонов она под некрозом была...

– Заткнись ты! – прокричал Евсей, задрал голову. – Утром людей пошлем, я коменданту сам скажу! Открывай уже!

* * *

Лязг засовов разбудил меня. Я лежал на застеленной тряпьем койке, подложив под голову руку, а другую свесив к полу, и когда дверь с тяжелым скрипом отворилась, раскрыл глаза.

Евсей, Владий и Гордей сменили чекмени на длинные рубахи, подпоясанные все теми же ремнями с португепями, на которых висели кривые ножны. В руках у каждого была берданка.

– Подъем, – сказал старшина, постучав по койке прикладом.

Я сел и сунул ноги в сандалии.

– Быстрее, мутантово семя! – прикрикнул Евсей. – Шевелись!

Выпрямившись, я потянулся. Охранники Редута отступили, Владий с Евсеем подняли оружие. Рябой едва ли не подпрыгивал на месте, норовя ткнуть меня стволами.

- Сядь обратно, – сказал старшина.
– Сесть! – тут же заорал Евсей. – Сидеть, тебе сказано!
Я сел.
– Руки протяни.

Когда я выполнил и этот приказ, рябой и Владий встали по сторонам, целясь мне в голову, а старшина снял кандалы с широкого ремня и сковал меня.

Кандалы состояли из четырех соединенных цепью железных обручей, диаметр их можно было менять, вращая винты. Пока Гордей трудился над ними, Владий спокойно ждал, зато Евсей дважды ткнул меня стволом в висок, причем второй раз куда сильнее. Когда это произошло в третий раз, я спросил Гордея:

- В Редуте вас плохо кормят, старшина?
Он покосился на меня, заворачивая последний винт.
– Чего?

– Мальчонка не может ружье удержать. Ходуном ходит. Или просто руки трясутся от страха? – Я повернул голову к Евсею и подмигнул ему. Рябое лицо напряглось, рот приоткрылся, показав гниловатые зубы. – Да ты не бойся, гетман, я тебе ничего не сделаю. Хотя зубы надо бы выбить, все равно скоро выпадут.

Старшина отступил, закончив с кандалами. Евсей заорал:

– Ты что сказал? Мальчонка?! Ты... Да я старше тебя буду! Ты – щенок херсонский! Ты уже считай что мертвец, слышишь, отродье?!

Он почти без замаха, но сильно ударил меня прикладом по лицу. Немного выше – и сломал бы переносицу, а так лишь разбил губы в кровь и чуть не высадил парочку верхних зубов. Стены камеры качнулись, в голове громынуло, я свалился на край койки, откуда скатился бы на пол, если бы Владий не ухватил меня за плечи.

- Евсей, ты что творишь?! – крикнул Гордей.
– Слышали, что он сказал? Херсонец поганый, тварь! Я его убью!
– Назад! Не трогай его, или нужники всю ночь чистить будешь!

Я не мог понять, почему Евсей так нагло ведет себя. Старшину он не сильно уважал, это было хорошо видно по рябому лицу.

В голове слегка прояснилось, я сполз с койки, подогнул ноги и медленно встал. Владий поддержал меня. Камера снова качнулась, поплыла, кренясь. Темная волна накатила на меня, и я стиснул зубы, пытаюсь отогнать ее, не дать накрыть себя с головой, чтобы не вырубиться на глазах у этой троицы.

Одна цепь соединяла лодыжки, другая, прикованная к ее середине, заканчивалась обручами на запястьях, и руки я мог поднять лишь до живота. С губ текла кровь, капала на подбородок и шею, а вытереть – никак.

– Во, хорош! – ухмыльнулся Евсей. Ударив меня, рябой заметно повеселел. – Грозный какой! Где теперь твоя грозность, херсонец, кому продал?

- Заткнись, – оборвал его Гордей. – А ты – наружу, живо!

Я направился к двери. Камера находилась под крышей башни, и меня повели вниз по винтовой лестнице. Старшина шел впереди, часто оборачиваясь, двое гетманов шумно топали сзади, нацелив берданки мне в спину. В железных подставках горели факелы, огонь гудел, дрожал на сквозняке, неровный свет озарял седой затылок Гордея. В кандалах я не мог идти быстро: каждый раз, когда нога опускалась на следующую ступень, цепь тянула руки книзу. Железо лязгало о камень, сзади доносилось сиплое дыхание. Старшина то и дело машинально ускорял шаг, должно быть, хотел поскорее доставить меня куда приказано, но оглядывался и притормаживал.

– А пошустрее не можешь, улитка херсонская? – рявкнул Евсей над ухом. – Э, а что это у тебя за раны на затылке? Едва зарубцевались... Кто это над тобой поработал, Альбинос, хотел бы я тому человеку руку пожать!

Я не обращал на него внимания. Кровь из разбитых губ уже не текла, но я хорошо ощущал ее соленый вкус.

– Быстрее топай, говорю!

В спину ткнулся ствол.

– Евсей! – заорал старшина, в очередной раз оглянувшись. – Я сказал не трогать его!

Рябой что-то буркнул в ответ, но ружье опустил.

Вскоре мы очутились на озаренной факелами крыше древнего здания, служившего основанием Редуту. Здесь стоял барак, пара домиков и в центре высоченная решетчатая мачта, вокруг которой сутились люди. На ее вершину, цепляясь за поперечные штанги, карабкался человек.

К дальней угловой башне, куда направлялся старшина, подплывал дирижабль с шаровидной емкостью, совсем непохожий на термоплан Чака. Когда летающая машина прошла над частоколом, с открытой палубы сбросили канат, и следом донеслась команда: «Швартовый принять!» Я вздрогнул, когда из мутного болота моей памяти на поверхность, будто пузырь, всплыло слово: небоходы.

И следом за ним гроздью выскочили другие пузыри-воспоминания: Гильдия, дирижабли и авиетки, пилоты в кожаных бриджах, куртках, облегающих шлемах и круглых очках. Во всей Пустоши только Гильдия небоходов владеет летающими машинами. Пузыри лопались в голове с почти слышными хлопками, наполняя сознание смутными картинками, быстро сменяющимися друг друга. Небоходы покупают у гетманов чензир – особое вещество, которое вырабатывают на заводе Инкермана из добытой в каменоломнях породы. Когда оно застывает, то становится эластичным, крепким и огнеупорным. Гильдия пропитывает чензиром газовые емкости, гондолы летательных машин и отливают из него опорные колеса для авиеток.

Пройдя через дверной проем, мы очутились на винтовой лесенке внутри башни. Я решил, что меня сопроводят наверх и посадят в дирижабль, но старшина направился вниз, под крышу древнего здания. Миновав несколько ступенек, он снял с шеи тяжелый ключ. Лязгнула решетка в конце лестницы, Гордей вытащил из скобы в стене факел и шагнул в проем.

Оказавшись в темном коридоре с двумя рядами заколоченных дверей, я остановился.

– Шагай! – тут же донеслось сзади.

Старшина оглянулся, поднял факел выше.

– Чего встал?

– Куда мы идем? – спросил я.

– Шагай, гниль! – Евсей горячо задышал мне в ухо.

– Просто иди за мной, Альбинос, – устало произнес старшина.

– Куда вы меня ведете? – повторил я.

Евсей шумно выдохнул, Гордей сказал: «Нет, стой!» – и кулак рябого обрушился на мой затылок. Я свалился под стеной, сильно ударившись лицом. Шею и позвоночник прострелила боль, в груди будто что-то лопнуло. Сцепив зубы, тяжело дыша, я перевернулся на бок и как в тумане увидел три пары ног перед собой. Одна приплясывала.

– Евсей, тупая башка! Оставь его!

Удар остроносом сапогом под ребра вышиб из меня воздух, и тогда старшина толкнул рябого в грудь, отбросив к стене.

– Владий, помоги ему встать. Евсей, а ты слушай!

– Не прикасайся ко мне, старшина!!

– Евсей, мутант тебя побери! Я сказал: слушать! Молчать! Радой клянусь, еще раз его тронешь – на всю ночь в нужники отправлю! Я не шучу, понял?!

– Не посмеешь, Гордей, – прозвучало в ответ. Ясно было, что рябой ничуть не раскаивается: голос его переполняло шальное злобное веселье. Я все не мог понять – кто же он такой, этот Евсей, почему так уверенно себя ведет?

Владий помог мне подняться. Зрение прояснилось, хотя подбородок ныл, будто по нему съездили дубинкой. Языком я потрогал один из нижних зубов – он шатался.

– Идем, – сказал Гордей.

Я привалился плечом к стене, плюнул кровью им под ноги и спросил:

– Куда вы меня ведете?

– Старшина, ты слышишь?! – тут же взвился Евсей, замахиваясь, но Гордей отпихнул рябого от меня.

– К коменданту, Альбинос! К Якубу, коменданту Редута, главе Дома Гантаров. Этот ход ведет в его башню. Он ждет. Идем, или тебя отволокут туда.

Странное дело – старшина, кажется, сочувствовал мне, во всяком случае, в голосе его не было злости. А ведь назвал меня этот рябой «проклятием Инкермана». Интересно, что я натворил, чем так настроил против себя гетманов?

Ноги немного дрожали, челюсть ныла. Когда я отвалился от стены и медленно зашагал по коридору, Гордей, обогнав меня, снова возглавил нашу небольшую процессию.

– И что хочет от меня комендант Якуб? – спросил я.

– Ты поговори! – донеслось сзади. – Зубы целы еще?

– Пасть закрой, Евсей! – рявкнул старшина.

Коридор закончился дверью, перед которой стояли двое охранников.

– К Якубу, – сказал Гордей, и один из них толкнул дверь, за которой открылась ведущая вверх лестница.

– Он ждет.

Лестница закончилась еще одной дверью, из-под которой лился яркий свет.

– Не шевелись, Альбинос, – негромко сказал старшина.

Владий встал возле двери, повесив берданку на плечо, рябой остался у меня за спиной. Гордей оглядел меня, пробормотал: «Евсей, урод!» – достал грязный платок, обтер мое лицо и шею от крови. Постучал, из комнаты донеслось что-то неразборчивое. Старшина ступил на порог и доложил:

– Пленного привели.

– А! Так-так, давайте его сюда.

– Нам тоже?

– Нет, снаружи стойте. И дверь затворите!

Гордей кивнул подчиненным.

– Слышали? Здесь дежурить. А ты входи. – Он открыл дверь шире.

Владий остался невозмутим, Гордей смотрел с легким, едва уловимым сочувствием. Я оглянулся – Евсей насмешливо щерился, облизывая губы. Лязгнув цепями, я боком прыгнул к нему, выставив плечо, сильно толкнул в грудь.

Гордей от неожиданности крикнул, Владий схватился за берданку. Евсей заорал, падая по ступеням. Что-то хрустнуло, он завизжал.

Прыгнув обратно, я проскользнул мимо замешкавшихся гетманов и нырнул в дверь.

* * *

Сквозь потолок доносилось гудение ветряка. По всей комнате ярко горели лампы, и свет их ослепил меня. Дверь захлопнулась. Сделав несколько шагов, я остановился посреди кабинета, прикрыв глаза.

– Так-так-так... Что там за шум был, перед тем как вы вошли? – глава Дома Гантаров говорил быстро, слова почти сливались. – И что это с вашим лицом?

Низкорослый лысоватый толстяк в богатых одеждах разглядывал меня, покачиваясь с носков на пятки и обратно, заложив пухлые пальцы за расшитый золотыми нитями пояс. Из-под длинного халата торчали загнутые носки сафьяновых сапог. За спиной его была открытая тумба с радиостанцией, от которой провода уходили к дыре, прорезанной в потолке.

– Упал с лестницы, – сказал я.

– Упал... надеюсь, не моя охрана в этом виновата? Может, э... Евсей? – уточнил комендант, приподняв бровь. Торопливая манера речи очень соответствовала его внешности. Круглое розовое личико, порывистые движения, сплюснутый нос, глаза-щелочки... кого-то он мне напоминал.

– Так-так-так... Ну что же вы, садитесь, садитесь.

Он махнул на стул перед массивным столом красного дерева. Перстни на толстых пальцах сверкнули в свете ламп – по стенам и полу разбежались яркие пятнышки, будто огненный горох просыпался по кабинету.

Направившись к стулу, я покосился на высокое зеркало, висящее возле шкафа с древними книгами. В отличие от того, из грузовика, это не было мутным. В зеркале прошел человек среднего роста, в грязной одежде, худой, с гривой спутанных серебристых волос.

Я сел, и комендант Редута почти бегом вернулся к своему креслу. Стол был завален бумагами, Якуб сгреб их в кучу, случайно перевернув глиняную чернильницу в виде стоящего на коленях обнаженного человека с воздетыми руками, запрокинутой головой и широко раскрытым в крике ртом, куда и надо было макать перо. Из нее не вылилось ни капли – чернила давно высохли. Толстяк откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди.

– Я удивлен, Альбинос. Можно сказать – поражен. Ведь мы были уверены, что управитель Херсон-Града погиб. Когда вы бежали из Инкерманского ущелья, на вас напали... И все же – вы здесь, передо мной, целый и невредимый. Невероятно!

Я молчал, обдумывая услышанное. Значит, я был у гетманов и бежал от них? Зачем? То есть зачем я приезжал сюда и почему после убежал? Сказать в ответ я ничего не мог и потому решил молчать до тех пор, пока будет возможность.

– Но еще больше я удивлен вашей смелости, – продолжал Якуб. – После того, что вы натворили, после всех этих смертей, резни, пожаров, после того как вас стали называть «проклятьем Инкермана» – снова прийти сюда!

– Я не приходил сюда, – проворчал я, чтобы хоть что-то сказать.

Он замахал руками – жест этот, как и манера речи, был настолько знаком, что я даже нахмурился, стараясь вспомнить, где уже видел Якуба.

– Нет-нет, прямо в ущелье или к Редуту вы не совались, это уже было бы совсем непонятно, но вы оказались неподалеку, всего с одним охранником, и позволили моим людям, несущим обычный вечерний дозор, легко захватить вас. Да к тому же так странно одеты... Вот что я хочу узнать: что вы делали возле грузовика?

Я молчал, потому что и сам толком не знал, что делал в тех местах.

– Альбинос! – повысил голос Якуб и повел рукой в сторону радиостанции у стены. – Знаете, я ведь связался с Радой и сообщил о вас... Думаю, скоро здесь появится сам воевода Лонгин. Как полагаете, для вас будет лучше, если вами займется он? После того, что вы сделали с его сыном и дочерью?

В комнате повисла тишина. Комендант Редута постучал костяшками пальцев по краю стола, подался вперед, тут же снова откинулся в кресле... И вдруг я понял, чем вызвана эта суетливость в движениях и словах: гетман боялся меня! Боялся и был растерян, не понимал, что означает мое появление в этих местах и чего от меня ждать, пытался сообразить, что к

чему, чтобы получить от происходящего выгоду. Но ведь я в его руках, разве нет? Бояться надо мне, а не ему, Якуб может сделать со мной все что угодно... Или не может?

И еще одна мысль не давала мне покоя: судя по отношению ко мне разных людей и некоторым их словам, на моей совести множество смертей. Неужели я такое чудовище? Я не чувствовал себя *плохим*. Кажется, я довольно язвительный тип, наверняка при необходимости могу убить... Но я не убийца по натуре и не получаю удовольствия от чужого горя, страдания, смерти. Во всяком случае, так мне кажется – но, выходит, это не так и я просто не знаю, на что способен, не успел заново изучить себя, свою натуру?

– Я могу защитить вас от воеводы, Альбинос, – добавил Якуб.

– Но его послала Рада, – сказал я наобум.

– Да, однако сейчас мы в Редуте, который принадлежит гетманам Дома Гантаров. То есть мне как главе Дома.

– С каких пор Редут стал вашим? – спросил я.

Он улыбнулся, засопев, ухватил себя за нос и, наклонившись над столом, заговорил доверительно:

– Бесспорно, Редутом владеют все четыре Дома, чьи главы составляют Радугу Инкермана. Кстати, если помните, их стало четыре вместо пяти именно благодаря вашим стараниям, Альбинос. Вы едва не разрушили наше небольшое сообщество, едва не стали причиной гибели Домов Инкермана, и когда всем гетманам станет известно, что вы живы... О, они потребуют самой мучительной, суровой кары для вас.

– Но им и так известно, – возразил я. – Вы же связались с...

Он прервал меня поспешным взмахом руки.

– Пока что это известно лишь главам двух Домов, считая мой, да еще воеводе! В моих силах помочь вам.

– Что меня ждет, если я попаду в руки Лонгина?

– Полагаю, публичная казнь, равной которой по длительности и... э-э... мучительности не знало Инкерманское ущелье. А у нас разбираются в... в причинении болезненного вреда человеческому телу, ведь мы вынуждены подавлять восстания неблагодарных, работающих на наших каменоломнях. Необычные у вас глаза, Альбинос.

– Что в них необычного?

– Они у вас светло-синие, какие-то очень яркие. Кроме вас, никогда не встречал людей с такими глазами. Наверное, от матери? Слышал, она была из кочевых.

Я пожал плечами.

– Почти не помню ее.

– Ну да, ну да, я знаю ту печальную историю. И все ж таки, Альбинос, для чего вы появились здесь? И каким образом остались целы и невредимы, когда бежали из ущелья?

Раздался стук в дверь, и комендант недовольно крикнул:

– Что там еще?

Я не оглядывался и не видел, кто появился в кабинете, но услышал кашель, а после – голос старшины Гордея.

– Комендант, тут... такое вот дело...

– Что, что, что? – Якуб вскочил, глаза блеснули, словно он почувствовал неладное. – Что там у вас?

– Евсея к лекарю снесли.

– Что? Почему к лекарю?

– Так он... – голос стал громче, старшина вошел в кабинет. – С лестницы упал, вот недавно... Башкой вниз, ну и...

– С лестницы? Что – «и»? Говори!

– Руку сломал в этом... в локтевом суставе. Прямо так и хрустнуло там.

– Руку сломал?

– Ага, и еще трещина в черепухе.

Гордей встал справа от меня, я видел его краем глаза. Сзади донеслось сопение – там появились другие охранники.

– Жить будет?! – закричал комендант.

– Лекарь говорит – будет, но...

– Так почему он с лестницы упал?

– ...Но может речи лишиться, онеметь то бишь, да и рукой теперь не очень-то...

– Почему упал, спрашиваю?!

– Так ведь... – Гордей удивленно повел головой в мою сторону. – Он что, не сказал? Евсей же Альбиноса бить стал, а тот Евсея и толкнул, вот когда мы его к вам вели, аккурат перед тем как в кабинет...

Лицо Якуба пошло пятнами. Мгновенно – лоб и щеки покрылись розовыми бляхами, на подбородке проступила мелкая сыпь.

– Он? Альбинос? Толкнул?! Убил сына?! – тонким голосом заверещал Якуб. Рванув ящик стола, он выхватил нож – черный клинок из плавника катрана, рукоять украшена алмазными крошками.

Вот почему Якуб казался мне знакомым: Евсей, постоянно пританцовывая, повадками и речью копировал отца...

– Держите его! – комендант бросился в обход стола. – Держите! Сейчас... глаза ему! Глаз лишу, повешу потом! Держать крепко!!!

Я дернулся, но на плечи легли две пары сильных рук, а кто-то обхватил за пояс, прижав локти. Подскочил Якуб, и я что было сил пнул его в живот. Комендант упал на спину, взмахнув ножом. Старшина врезал мне кулаком в лицо, потом навалился на мои ноги, сдавил колени. Извиваясь, безуспешно пытаюсь освободиться, я увидел над собой искаженное лицо коменданта. Одной рукой он схватил меня за волосы, прижав затылком к спинке стула, склонился, занеся черный нож. Клинок приблизился к правому глазу, и я зажмурился, хотя веко слишком ненадежная преграда для плавника катрана. Упершись подошвами в пол, я сильно оттолкнулся. Стул заскрипел, но вырваться не удалось.

– Вот так! – шипел комендант чуть ли не сладострастно. Нож кольнул веко. – Вот так, мразь херсонская...

Сзади донесся властный голос:

– Посадите в трюме, запрете... Что здесь происходит?

– Назад! – завизжал комендант, а потом раздался звук удара, шелест, крик, ляг...

Руки с моего тела исчезли – все разом. Я раскрыл глаза. Якуб лежал на боку возле стола, держась за грудь. Гордей стонал, стоя на коленях перед стулом. Рядом почти в такой же позе пребывал один из охранников, второй корчился у стены. Не вставая, я задрал ноги и стоптанными подошвами сандалий ударил охранника в лицо, опрокинул его навзничь.

– Прекратить!

Судя по звуку дыхания, позади меня находились несколько человек. Один обошел стул, и я увидел высокого крепкого старика со шрамом через все лицо, в походной одежде и черном тюрбане, украшенном золотой бляхой.

– Якуб, что ты делаешь? – спросил воевода Лонгин.

От него веяло силой и уверенностью. Позади воеводы стояли трое гетманов с берданками и короткими кривыми саблями на поясах, в черных шароварах и кольчугах из костяных пластин, скрепленных железными кольцами.

Якуб вскочил.

– Ты меня ударил, Лонгин, – прошипел он, придерживаясь за край стола. Коменданта качало, лицо его покраснелось, как закатное солнце. – Ты... как ты посмел?! Я – глава Дома Гантаров! Я...

– У меня нет времени на разговоры, – перебил воевода и повернулся к своим людям: – Альбиноса на борт. Уходим.

Двое гетманов подхватили меня под мышки и подняли на ноги, третий, не опуская ружье, переводил взгляд с охранников на коменданта, а с того на Гордея. Якуб шагнул к нам, и гетман негромко предупредил:

– Прострелю башку.

Комендант обжег меня полным ненависти взглядом, и я, не сдержавшись, подмигнул ему, как недавно подмигивал в камере Евсею.

– Идем, – Лонгин первым зашагал к двери.

Сильные руки развернули меня, и стало видно, что все это время в комнате находился еще один человек – мальчик с бледным миловидным лицом, в длинном плаще и небольшой аккуратной чалме. Он посторонился, освобождая дверной проем, и гетманы повели меня к лестнице.

– Стой! – злобно каркнул комендант сзади. – Стой, Лонгин! Я глава Дома, член Рады! Ты не уведешь этого человека! Он нужен мне, я...

– В Раде и разберемся, – равнодушно бросил старик. – Днем будь в ущелье, Якуб.

– Альбинос в моей власти! Он напал на моего сына!

Мы были уже на лестнице, мальчик в плаще сопровождал нас, откинув полу и положив ладонь на рукоять кинжала. Он пристально смотрел на меня.

– Теперь он во власти Рады, – прозвучало сзади.

– Берегись мести Гантаров! Даже в своих казармах ты не спрячешься... – Дальнейших слов я не слышал: Лонгин захлопнул дверь, будто топором обрубив угрозы Якуба.

Во дворе стояли прилетевшие с воеводой гетманы, вокруг толпились мало что понимающие охранники Редута. Большая бледная луна висела над башней.

Идущий впереди мальчик поднял руку, и гетманы выстроились вокруг нас.

– Летим назад! – звонким голосом произнес он.

Я нахмурился, приглядываясь к его походке, фигуре... Раздави меня платформа, как выражается кое-кто – это же девчонка! К тому же молодая, вряд ли старше меня. И она командует людьми Лонгина?

Меня повели к железной мачте в центре двора. Часовые на галереях вдоль частокола растерянно перешептывались, не понимая, что происходит и что им делать.

У мачты висел дирижабль – длинная емкость в пузырях, выпирающих между канатами, сзади еще две емкости-шара, закрепленные длинной горизонтальной штангой, под всем этим массивная деревянная гондола. Из узкой носовой части ее вверх торчала деревянная фигура панцирного волка в прыжке. На широкой корме поблескивал горб дизельного двигателя, над выхлопной трубой курился дымок. Из боковых емкостей торчали стержни, на концах медленно вращались небольшие воздушные винты. От носа и кормы к вбитым в землю скобам тянулись цепи, с борта свисала веревочная лестница.

Мы направились к дирижаблю. Лонгин остался внизу с пятью людьми, которые ошетились стволами берданок, остальные гетманы во главе с девушкой полезли наверх.

– Капитан! – громко позвала она, и над бортом показалась голова в легком кожаном шлеме, какие часто носят небоходы. – Отбываем немедленно!

Он кивнул и выкрикнул приказ. Раздался лязг цепей.

– Ранен? – спросила у меня девушка, когда я оказался на плоской крыше гондолы – то есть на палубе, закрытой от ветра высоким бортовым ограждением, над которым торчали столбики с масляными лампами. Их накрывали стеклянные колпаки.

Я посмотрел вниз, потом назад – от просвета в ограде, за которым висела лестница, по палубе тянулась цепочка влажных, будто бы ржавых следов, оставшихся от подошвы правого сандалия.

– Просто царапина на ноге, – равнодушно сказал я.

«Триптих» тяжело качнулся. Со двора донесся крик – из-за барака к железной мачте спешили вооруженные гетманы во главе с Якубом. Комендант снова закричал, размахивая руками.

На палубу забрался воевода, за ним показались гетманы с берданками. Дирижабль стал взлетать. Мы прошли под аркой с наблюдательным гнездом, расположенным всего в нескольких локтях ниже центральной емкости, и остановились возле рулевой рубки. Девушка приблизилась к Лонгину, и старик что-то сказал ей.

– Занять оборону! – громко приказала она. – Если начнут стрелять со стен – огонь в ответ. Капитан!

Гетманы побежали к бронированным бортам, загрели лючки бойниц. Перед нами появился молодой мужчина в кожаных штанах, рубаше и шлеме.

– Летим обратно.

Капитан повернулся и крикнул:

– Стоять по местам, двигатель на полную! Пулеметчики к турелям!

– Воевода, – девушка глазами показала Лонгину на меня, – что с ним?

Старик впервые прямо посмотрел на меня. В глазах его застыла ледяная ненависть.

Двигатель набрал обороты, загудели воздушные винты вверху, и палуба снова качнулась.

– В трюм, в отдельную комнату на корме, – приказал воевода. – И пусть его раскуют, Лада. Я не хочу, чтобы у него были язвы на руках и ногах, когда начнется казнь. Он цел? Откуда эта кровь?

– Говорит, царапина на ноге.

– Царапина? – спросил у меня Лонгин.

Пожав плечами, я кивнул и отвернулся от него.

По виску поползла капля пота.

Когда Якуба отбросили от меня, он выпустил свой нож, а я тогда схватил его и сунул в карман лезвием вниз. В поднявшейся суматохе этого никто не заметил. Плавник пропорол ткань; после того как я встал, клинок проскочил в дыру и порезал кожу на ноге, изогнутая рукоять застряла в кармане. Рана была неглубокой, кровь совсем тонкой струйкой стекала в промокший сандалий.

Они заметили только кровь – но пока ничего не знали о ее причине.

Глава 5

Повезло – снимая кандалы, гетманы не обыскали меня. Когда они закончили, стоявшая в дверях Лада спросила:

– Что там за рана, покажи?

Как можно более равнодушно я качнул головой.

– Кровь уже не идет. Она неглубокая, так, царапина.

– На трапе крови было слишком много для простой царапины, – возразила девушка.

– Ну так что? – Я насмешливо глянул на нее и сделал приглашающий жест. – Ты сама затынешь, снимать штаны?

– Я пришлю лекаря. – Лада шагнула в сторону, пропуская охранников, и вышла.

Лязгнул засов, проскрежетал ключ в замке. Наступила тишина, лишь тихо гудели пропеллеры.

Комната, куда меня посадили, находилась у самой кормы. Когда дирижабль поднялся над Редутом, я прижался щекой к стене возле забранного решеткой окна и разглядел башни,

медленно уползающие назад. Они быстро исчезли в темноте. Расселина расширялась, склоны росли и все дальше отступали друг от друга.

В отличие от камеры Редута, здесь на полу вместо гнилой соломы лежал ковер – хотя и совсем старый, облезлый. На койке драное одеяло, в углу пустой железный кувшин, в двери – закрытое крышкой квадратное окно. Осмотрев место заключения, я заглянул под койку, потом в окно. Недалеко от дирижабля летела стая белушей, их гладкие спины поблескивали в лунном свете. Вытащив нож, я просунул руку между прутьями и вонзил черный клинок в обшивку гондолы немного ниже окна.

И только успел присесть на койку, как в сопровождении охранников явился лекарь. Он осмотрел рану и ссадины, смазал ногу с запястьями пахучей густой мазью и ушел.

– Дайте мне пить! – крикнул я вслед гетманам.

Вскоре крышка на дверном окошке откинулась наружу, в камеру просунулась рука с кувшином, я взял его, крышка сразу закрылась. В кувшине оказалась теплая вода.

Вверху монотонно рокотал дизель, дирижабль летел быстро, почти не качаясь. Дверь и решетка в ней из железа, а с ним не справится даже плавник катрана. Зато оконная рама из дерева. Выждав недолго, я стал кромсать ее, то и дело оглядываясь и прислушиваясь.

Вскоре мне удалось проделать углубление и добраться до нижнего конца погруженного в древесину прута. Выпив воды, я засучил рукава и снова принялся за дело. Дирижабль летел в темноте. Стало холоднее, ветер порывами задувал в камеру. Сквозь переборки изредка доносились приглушенные команды или шаги по коридору, тогда я втыкал нож в обшивку за окном и быстро садился на койку.

Наконец получилось вырезать узкий прямоугольный брусок. Кинув его за борт, я оглянулся – за дверью было тихо, – положил нож на пол, вцепился в прут и дернул. Дерево хрустнуло, по раме пробежала трещина, и я отшатнулся, взмахнув выломанной железкой.

Спрятав ее под койкой, снова подступил к окну. Там осталось три прута, между двумя появилась прореха, куда пролезла голова.

Лицо и уши тут же замерзли на ледяном ветру. Я посмотрел вдоль борта. «Триптих» летел не слишком высоко, на небе ярко светила луна. Внизу было все то же ущелье, но теперь оно стало куда глубже, и дна я разглядеть не мог. Склоны густо поросли деревьями и кустарником, по левому шла широкая земляная дорога.

Обшитый досками борт гондолы покато тянулся во все стороны от окна и нависал над мной, как гладкая светлая скала, расчерченная горизонтальными щелями. Далеко над головой вдоль ограждения горели тусклые огни ламп, немного ниже виднелись оружейные люки.

Едва не ободрав уши, я втянул голову обратно и присел под стеной, размышляя. Над Инкерманским ущельем дирижаблю ничего не угрожает, вряд ли капитан небоходов прикажет своей команде нести боевое дежурство. Раз так, ночью на палубе будет всего трое или четверо: рулевой и один-два подручных матроса, остальные лягут спать. В темноте я смогу убить или оглушить дежурных, а рулевого заставлю опустить дирижабль к склону ущелья, после чего просто-напросто спрыгну.

Я перехватил нож поудобнее, собираясь вонзить его в раму, и тут от двери донесся скрежет. С тихим лязгом откинулась крышка на окошке, уперлась в железные треугольники, торчащие из двери ниже. На пол камеры легла полоса блеклого света.

Шагнув к койке, я быстро присел, снизу вогнал в нее клинок и выпрямился. В окошке возникла рука с толстой свечой на блюдце, а следом и лицо. Сердце заколотилось в груди, я замер, мгновенно покрывшись холодным потом. Кто бы ты ни был – как же не вовремя ты приперся!

В окошко заглянула Лада. Я шагнул поближе к ней, чтобы закрыть решетку с недостающим прутком. Блюдце звякнуло об откинутую крышку, гостя поправила свечу, глубже воткнула основание в лужицу воска, поставила рядом деревянную миску и сказала:

– Не подходи, пока не разрешу. Я принесла ужин. Здесь хлеб, мясо и овощи.

Я молчал. Взяв свечу, она отступила на шаг.

– Теперь можешь подойти. Но помни: у меня гарпунер. Держи правую руку опущенной, левой возьми миску и сразу отступи назад.

– Зачем пришла одна, если боишься? – проворчал я и, шагнув к двери, взял тарелку. Стало видно, что на Ладе длинное темное платье, плечи закутаны легким шарфом. Тюрбана не было, густые каштановые волосы лежали на плечах. Из маленького колчана на поясе торчали концы дротиков.

– Я не боюсь тебя, Марк, – сказала она, скривив губы. – Ненавижу, но не боюсь.

Марк? Это что, мое настоящее имя? Помнится, Мира сказала, что моего отца звали Август Сид... выходит, я – Марк Сид?

Я пошевелил губами, повторяя имя про себя. Странно – оно не пробудило во мне никаких воспоминаний.

– За что же? – спросил я, беря миску.

– За что?! – выдохнула она, подавшись вперед. – Ты еще спрашиваешь?! Ты... ты самый жестокий человек на Крыме, Альб! Худший из худших!

– И это говорит та, кто живет среди рабовладельцев?

– Лицемер, мразь! Ты... – Она подняла гарпунер. – Тебя ждет такая смерть, о которой еще долго будут рассказывать по всему Крыму! Но сначала ты скажешь, что нашел под склоном!

– Откуда ты знаешь, что я что-то нашел там?

– Карлик рассказал нам. – Она повела стволом сверху вниз, будто прикидывая, куда лучше выстрелить, чтобы причинить мне боль посильнее. – Потому мы и полетели в Редут так быстро. Другие Дома испугались, что Якуб первым все узнает о твоей находке. Теперь выложишь нам все, Альбинос, даже не думай, что сможешь скрыть правду. В Инкермане умеют пытаться!

– Значит, Чак появился у вас?

Пламя свечи дрожало на сквозняке, и лицо Лады будто плыло, покачивалось в квадратном проеме, тени быстро скользили по нему.

– Знаешь, что было, после того как ты сбежал из ущелья? – спросила она.

Я молча смотрел на нее.

– Гантары объединились с другими Домами и почти уничтожили нас. И в этом виноват ты! Ты повернул дело так, что дом Приоров обвинили в заговоре против Рады. Ты... змея! Ядовитая змея, ползучий гад с равнин! Ты ходил вокруг меня кругами и потом... Уже назначили день свадьбы. Великое объединение херсонцев с гетманами – как же, все так шумели об этом! И отец поверил, решил, что с твоей помощью сможет упрочить свое положение в Инкермане. Мать убили сразу, уничтожили всех Приоров! Брат до сих пор в плену в твоём городе!

– Мать и брат, – повторил я. – А твой отец?

– А что – отец? Он забрал меня к себе. Защитил. Теперь я его помощница вместо брата.

– Неплохая карьера для девицы.

Мне показалось, что она оскалилась, но, возможно, это была лишь игра теней. Лада подавалась вперед, впилась в меня взглядом. Глаза мерцали, будто звезды ясной ночью.

– Марк, – громко и почти торжественно произнесла она. – Марк Сид, я ненавижу тебя. Когда мы летели сюда, я думала, что как только тебя увижу, сразу убью. Я держалась за кинжал, чтобы вонзить в твою лживую глотку. Из-за тебя погибли сотни людей. Если бы отца не было рядом... Я слишком многим ему обязана. Благодарю его, понял? Жаль, что ты нужен нам, пока не расскажешь, что нашел под Крымом и где оно спрятано. Ты...

– Кто твой отец? – спросил я.

Она недоуменно уставилась на меня, приоткрыв рот, потом что-то прошептала.

– Послушай, мне не интересны твои чувства, – сказал я сухо. – Хватит этой болтовни о том, как ты меня ненавидишь, лучше ответь: когда мы прибудем на место?

Получить ответ я не надеялся, но хотел окончательно вывести ее из себя. И своего добился. Я приготовился броситься к двери, если Лада всунет руку с оружием в окошко, чтобы всадить в меня дротик с пороховым зарядом, – и тогда мне не понадобилось бы взбираться по борту гондолы. Обезоружу и оглушу ее... Через окно отодвину засов. Свяжу Ладу обрывками платья и проникну на палубу более легким путем, получив к тому же гарпунер с колчаном, полным дротиков.

Но Лада Приор не выстрелила, лишь ударила ложем самострела по решетке. Казалось, взгляд ее способен прожечь во мне дымящуюся дыру. Схватив блюдо со свечой, девушка захлопнула крышку на окне. Несколько мгновений доносился звук шагов, наконец стукнула дверь, после чего воцарилась тишина, лишь пропеллеры гудели за окном.

Жаль, что она не попыталась сунуться внутрь, но меня устраивал и такой исход нашей встречи. По крайней мере, я вывел ее из себя, заставил уйти и не мешать мне. Я потер лоб, переступив с ноги на ногу. Если все, что она говорит, правда... девчонке можно только посочувствовать. Наверное, когда-то она любила меня? Если так, то каким чудовищным должно было показаться ей то предательство. Неужели я и правда способен на такое: втереться в доверие, обмануть всех, назначить свадьбу с девушкой, а после предать, став причиной смерти ее матери?

Я наскоро перекусил, разрывая зубами мясо, прожевал хлеб и запил остатками вина. Еда придавала сил... и злости. Вырваться отсюда – или умереть. Нет причин не верить Ладе – Чак, как и предупреждала моя сестра, предатель. Он как-то отделался от отряда Миры, улетел от кочевников на «Каботажнике» и прибыл в ущелье, чтобы доложить гетманам о нашем разговоре в кормовом отсеке термоплана, который каким-то образом подслушал. Теперь гетманы, как и кочевники, хотят узнать все о моей находке.

Что же такое я нашел под Крымом? Никаких воспоминаний – мое прошлое было пропастью без дна, и лишь редкие, смутные проблески оживляли ее мертвую тьму.

Я достал из-под койки нож, подступил к окну и взялся за второй прут.

* * *

Подъем вдоль борта летящего дирижабля оказался тяжелым делом. Приходилось вонзать нож в щель между деревянными планками обшивки, протискивать между ними пальцы, цепляться тупыми носками сандалий... Хорошо, что клинок из плавника легко резал древесину. Без этого ножа я бы точно не добрался до высокой ограды, закрывающей палубу дирижабля от ветра, да и с ним дважды едва не упал.

Хорошо, что ветер дул не порывами, а ровно и сильно, из-за этого легче было противостоять боковому давлению воздушного потока. Звезды светили ярко, в небе висела большая луна, похожая на перезревшую тыкву. Не знаю, сколько длился подъем, я потерял ход времени. Сверху доносилось только тарахтение дизеля, иногда луч носового прожектора шарил по склонам ущелья впереди. Кто-то из команды мог заглянуть в мою камеру сквозь дверное окошко, увидеть, что пленный пропал вместе с двумя оконными прутьями, и поднять тревогу. Но пока ничего такого не происходило, и дирижабль тихо плыл сквозь ночь.

Несмотря на холодный ветер, я добрался до палубы весь в поту. Руки тряслись, в ушах шумело. Сжав нож зубами, ухватился за верхний край ограждения и присел под ним, упираясь носками в лист брони.

Ни звука. Я осторожно выглянул. Прямо передо мной дрожал, изрыгая дым из трубы, железный горб дизельного двигателя. Ближе к носу стояли палубные надстройки, в окнах одной горел свет, на крыше ее у штурвала маячила фигура рулевого. Раздутая туша газовой

емкости вверху напоминала огромную рыбу без плавников, два боковых баллона – как мягкие, немного сплюснутые снизу шары.

Я перелез через ограду и плашмя растянулся на палубе. В ушах звенело от напряжения, темные волны накатывали на меня, каждая следующая – больше предыдущей, из-за них путались мысли. Только не сейчас! Если накроет очередное воспоминание и я вырублюсь на краю палубы, кто-то из команды может наткнуться на меня. Я перевернулся на бок, потом лег на спину и с силой потер уши. Еще сильнее. Они заболели – ничего, давай, а то конец тебе! Ногтями провел по щеке, дернул себя за нос, опять помассировал уши. Стало легче. Я приподнялся, но тут, без предупреждения, нахлынуло и закрутило в темном водовороте – ночной мир исчез, растворился во тьме...

И снова я лежал на краю ущелья, в глубине которого висело длинное тускло-стальное тело.

В темноте рядом находились несколько человек. Воины, понял я. Это воины, которые отправились со мной в экспедицию. Я чувствовал, что на этот раз смогу повернуть к ним голову и увидеть, кто это, но сейчас меня больше интересовало другое – древняя машина внизу. Ее корпус напоминал огромную рыбу без плавников. Сверху на нем было утолщение, из которого торчал железный штырь. Что это за махина? Очень похожа на...

Темная волна схлынула, оставив меня лежащим на палубе дирижабля. Рокотали пропеллеры, тархтел дизель, за высокими бортами посвистывал ветер. Я провел ладонью по лицу. Сжал нож в правой руке, поднялся и, низко пригибаясь, пошел через корму в обход надстроек.

Миновав двигатель, перелез через изогнутые толстые трубы, уходящие в палубу. От гудящего дизеля шло тепло. Перебежав к задней надстройке, я выглянул из-за угла.

Тусклый свет лился из окошек рубки. Отсюда была видна спина рулевого на крыше, он иногда переступал с ноги на ногу и похлопывал ладонью по ложу пулемета на массивной треноге справа от штурвала.

Небоход – я уже вспомнил, что обычно люди зовут их просто летунами, – не оборачивался. Мутант их знает, сколько длится вахта и когда появятся проснувшиеся сменщики. Медлить нельзя.

Сначала я двигался пригнувшись, затем – на четвереньках, а когда до раскрытых дверей оставалось несколько шагов – ползком. В рокот кормового дизеля вплелся какой-то непонятный звук, он доносился снизу. Едет там что-то вроде? До земли далеко, и раз гул мотора слышен здесь, машина под нами проезжает большая. Причем, кажется, она в расселине не одна.

Из рубки никто не выходил, льющийся оттуда свет ни разу не пересекла тень, однако я был уверен, что внутри есть люди. Транспортные дирижабли у небоходов здоровенные, не может ночная вахта состоять лишь из одного рулевого.

В шаге от двери я улегся на живот и замер, глядя в проем.

Внутри находились двое: высокий худой мужчина в кожаной куртке и светлых бриджах и усатый здоровяк в засаленной робе и грязных штанах, с большой чашкой в руках. Первый, сидя на табурете перед железной тумбой с шайбами приборов, в свете масляной лампы изучал навигационные карты; второй глядел в широкое, выгнутое наружу окно, занимавшее половину передней стены. Ноздрей достиг терпкий запах напитка, заваренного из травы под названием матэ, растущей на южных склонах Крыма.

От потолка в том месте, где стоял штурвал, к полу тянулась толстая колонна. К ней была приварена белая труба, также выходящая из потолка, с загнутым раструбом на высоте подборodka. Наверное, с ее помощью рулевому отдают команды, а в колонне находится механизм, соединяющий штурвал и воздушные винты.

Над столом перед навигатором висел колокол, из медной чаши свисала цепочка. Если дернуть, звон поднимет на ноги спящую под палубой команду.

Увидев этих двоих, я еле сдержался, чтобы не вскочить и не броситься на них, но заставил себя оставаться неподвижным. Итак, что мы имеем? Ночная вахта состоит из трех человек: навигатор курс прокладывает, усатый скорей всего механик, с рулевым тоже понятно. И что мне теперь делать?

Незаметно для них забраться в рубку невозможно, значит, надо прыгнуть туда и вырубить механика с навигатором прежде, чем они поднимут шум.

Но рулевой на крыше обязательно услышит это.

Я перевернулся на бок, чтобы видеть верхнюю часть помещения. Потолок низкий, сколочен из досок – долговязый навигатор, если встанет, почти коснется его теменем. Хотя дизель громко тарыхтит, но дверь-то раскрыта... Да нет, о чем я думаю! Мне не справиться с этой парочкой. Я обычный человек, к тому же плохо вооруженный – не смогу проскользнуть в оза-ренное лампой помещение и разделаться с двумя так, чтобы они не успели ударить в колокол, а рулевой на крыше ничего не услышал.

Значит, начать надо с него.

Скосив глаза, я поглядел на рулевого. Это был немолодой грузный небоход. По периметру крыши стояло низкое ограждение, наверх вела лестница. Поднявшись по ней, я окажусь за его спиной.

Выходит, надо забраться туда, вмазать ему рукоятью ножа по затылку и мягко уложить тело на крышу. Летуны внизу могут что-то услышать, а могут и не услышать, в любом случае я сразу перемахну через ограждение, схвачусь за балясины и влечу в рубку ногами вперед. Каблуками попаду по башке усатому механику, свалю его и прыгну на навигатора. Они не успеют понять, что к чему, и тем более что-то предпринять. Хотя тому не придется даже вставать – лишь протянуть руку к рынде. Значит, надо как можно скорее сбросить его с табурета. Пока будет подниматься – разделаться с упавшим механиком, прирезать или оглушить. Потом ударить навигатора табуретом по голове, несильно, чтобы не потерял сознание надолго. Когда придет в себя, я прикажу ему опустить дирижабль, приставив нож к шее.

Но лежащий на крыше может очнуться.

Раз так, надо не оглушить, а убить его.

Да, точно. После драки в рубке не будет времени снова лезть наверх и связывать рулевого, поэтому в живых надо оставить только навигатора.

Рука, сжимающая нож, вспотела. Я положил оружие на доски перед собой, двигаясь крайне осторожно, вытер ладонь о рубаху – и только потянулся к оружию, как навигатор сказал: – Осип, проверь левый баллон, давление скачет.

Здоровяк поставил чашку и повернулся к двери. Я застыл, даже дышать перестал. Он пошел прямо на меня. Лицо равнодушное, спокойное... и сонное. Осип явно хотел спать, движения вялые, руки расслабленно болтаются. Он шагнул наружу, тень упала на меня.

Грубый черный ботинок с тусклой пряжкой, толстая подошва, низкий каблук. Носок опустился на ширине пальца от моей руки. Вторая нога поднялась, штанина колыхнулась, я скосил глаза, услышав шелест ткани – снизу нога казалась великанской, будто протянувшийся к небу столб, – и в следующий миг механик пропал из виду, очутившись за моей спиной.

Сзади донесся свист выпускного клапана. Я лежал неподвижно и оборачиваться, конечно, не собирался, хотя мне мучительно хотелось сделать это.

– Порядок, – доложил Осип. – Стравил малеха.

Скрипнула палуба, прошелестела ткань. Я взял нож и прижал к груди, готовясь вскочить, чтобы вонзить клинок в живот Осипа.

– Вернемся в Улей, – произнес он, – надо сборку заменить, и на болты не сажать, а варить прям на верфи.

– Решим, – откликнулся навигатор. – За давлением следи.

– До утра ж на месте будем, чего напрягаться?

Опять скрипнули доски, раздался звук шагов: механик возвращался. Подошвы ударяли о палубу – ближе, ближе... Вот одна стукнула возле затылка, и снова фигура великана возникла надо мной. Остановившись, Осип громко спросил:

– Брас, как там?

В ответ донеслось:

– Спать хочу.

Механик помолчал, слегка покачиваясь из стороны в сторону, будто напевая про себя какой-то медленный мотив и пританцовывая в такт.

– Две склянки, и я тебя сменю. Мирон, а у тебя что? Опять ты там бормочешь?

Еще один голос сверху откликнулся:

– Не бормочу я! Тихо все, Осип!

– Не спите там!

Механик вернулся в рубку, взяв чашку, встал у окна. Тут только я понял, что не дышал все это время, и медленно выпустил воздух из груди. Навигатор, Осип, Брас и Мирон... Четверо! Я повернул голову и наконец разглядел того, кто все это время находился надо мной.

Позади рубки от борта к борту протянулась решетчатая арка, на ее верхушке всего в нескольких локтях от днища газовой емкости крепилось наблюдательное гнездо, сплетенное из толстых ивовых прутьев. Сквозь прорехи между ними лился слабый свет лампы.

Я пополз вдоль борта к рубке, глядя на гнездо. Мирон смотрел вправо по курсу, перегнувшись через круглый борт корзины с оптической трубой в руках.

Ну, значит, спасибо навигатору за приказ проверить давление в баллоне и Осипу за то, что он сразу же выполнил его. Выйдя из рубки и окликнув Мирона, механик спас меня, ведь сидящий в гнезде наблюдатель заметил бы, как я разбираюсь с Брасом на крыше рубки, и сразу поднял тревогу.

Раз так, начать придется с Мирона.

Осип неподвижно стоял перед окном с чашкой матэ в руках, навигатор сидел на табурете, Брас навалился на штурвал. Я быстро пополз назад. Если Мирон кинет хотя бы мимолетный взгляд на палубу, то сразу заметит меня, ведь под стеклянными колпаками вдоль борта горят лампы.

Но мне повезло: Мирон не отрывался от трубы, и я благополучно добрался до арочной фермы, приваренной к листу бортовой брони. Уже привычно сжав клинок зубами, схватился за нижнюю перекладину. И увидел корзину, висящую на крюках за бортом. А это тут для чего? С трех сторон по краю корзины были прикручены короба, на каждом надпись фосфорной краской: «ЭВАКУАТОР».

Эвакуатор? Какое-то странное слово, наверное, из сленга небоходов.

Под ним были буквы поменьше: «сесть на дно, выдернуть чеку». Что это значит? Я потер кулаком подбородок и пополз дальше, но вскоре замер – сверху донесся монотонный голос. Их там что, двое? С двумя мне точно не справиться...

Вскоре стало ясно, что это Мирон разговаривает сам с собой. Добравшись до корзины, я прислушался. Он обиженно бормотал: «Говорю ему – огни там. Огни! Нет, не слушает. Дурнем Мирона обозвал, а почему дурень? Видел же: страшные огни, поползли по платформе, мигают так. Как глаза мигают! Смотрят на Мирона сверху. Это, значит, хозяев платформы глаза. Нет, платформа, сама платформа на Мирона глядит! Живая она, как медуза в небе плавает. Большая медуза, как гора. Потом зажглась вся, загорелась и гаснуть стала. Вот так, говорю ему. Не верит капитан! Обидел Мирона, ох и обидел...»

Я выпрямился, крепче сжав нож. Наблюдатель стоял боком ко мне, жестикулировал, что-то настойчиво втолковывая невидимому собеседнику, и монотонно бубнил про платформу, огни, глаза... На дне корзины стояли лампа с кувшином, на крюке висел гарпунер, копия того,

из которого в меня целилась Лада. Уловив краем глаза движение, Мирон смолк и начал поворачиваться, но тут рукоять моего кинжала врезалась в его голову.

Ноги летуна подкосились, он присел, выпустив трубу, вцепился в край корзины.

Перескочив через бортик, я опять занес нож, но теперь клинком вниз, чтобы вонзить ему в шею. Другой рукой схватил Мирона за волосы на темени, наклонив его голову, прижал лбом к бортику.

Нож дернулся... и замер в воздухе.

Нет, он был беспомощен, и я не мог убить его. Мирон застонал, приходя в себя. Шепотом ругаясь, я дважды ударил его рукоятью. Он скорчился на дне корзины, я сорвал с крюка гарпунер, взвел, перегнувшись через борт, прицелился в голову Браса, уверенный, что тот услышал шум наверху и сейчас поднимет тревогу. Рулевой по-прежнему стоял лицом к носу дирижабля, держась за штурвал. Я целился, палец наполовину сдвинул легкий спусковой крючок. Брас не шевелился. Выстрелить в голову или в шею? Хотя в полутьме могу промахнуться, а даже если и нет – пороховой дротик, врезавшись в преграду, взорвется. Тогда колчана не хватит, чтоб всех летунов и гетманов перестрелять.

Не разряжая, я повесил гарпунер на крюк, присел и стал раздевать Мирона. Высоко над палубой ветер дул сильнее, корзина покачивалась.

Вскоре наблюдатель был связан, во рту кляп – оторванный рукав рубахи, концы его стянуты на затылке Мирона. Он пока не пришел в себя, а когда придет, ему понадобится много времени, чтобы освободиться. Раскладную оптическую трубу летуна я сунул себе за пояс сзади.

Внизу по-прежнему стояла тишина – растяпа Брас не замечал происходящего над головой. Я отхлебнул воды из кувшина, сжал нож зубами, перекинул через плечо ремешок гарпунера и полез обратно, все еще злясь на себя. Ведь я негодяй каких мало – «худший из худших», как выразилась Лада! Из-за меня погибли сотни людей, я виноват в смерти ее матери, я продал в рабство отца Авдея... Ради всех мутантов Крыма, так что же помешало мне пришить этого идиота Мирона?! Ведь связанный он остается угрозой – может освободиться, или хотя бы как-то избавиться от кляпа, или просто кувыркнуть вниз через борт корзины, и тогда рулевой на крыше рубки услышит звук падения. Почему я не перехватил ему горло ножом?

Выходит, я не такой уж плохой? Или это потеря памяти изменила меня? Странно было думать о себе – и не понимать, что ты из себя представляешь. Совсем недавно, лишь этим вечером, я увидел, как выгляжу, и понял, что еще совсем молод. А теперь пытался узнать свой характер и на что я способен...

Ну, по крайней мере, у меня хватило злости столкнуть Евсея с лестницы, хитрости – завладеть ножом, решимости – выбраться из камеры и силы – забраться по отвесному борту лишь с помощью этого ножа.

А теперь хватит ли у меня ловкости тихо справиться с тремя небоходами?

С новым оружием я почувствовал себя увереннее, тем более что под ложем гарпунера был закреплен чехол с десятком дротиков. Очутившись на палубе, намотал ремешок на запястье и поспешил к рубке – уже не пригибаясь, целясь между лопаток Браса.

Тарахтение кормового дизеля помешало ему услышать шаги. По лестнице я забрался на крышу и встал позади рулевого, который дремал, навалившись на штурвал. Постарше Мирона, более плотный и выше ростом, черные волосы курчавятся вокруг лысого затылка. Справа стоял пулемет на высокой треноге, под ней лежал ящик с патронами. Я присел, бесшумно положил гарпунер на доски и выпрямился. Нужно стукнуть его рукоятью ножа в висок, подхватить тело, осторожно опустить возле штурвала и связать так же, как Мирона. А потом прыгать в рубку через дверной проем.

Я отвел нож далеко в сторону, примерился, чтобы ударить сильно и точно.

По сторонам от дирижабля наискось в небо взмыли осветительные ракеты. Сыпля искрами, две яркие точки ушли вперед по курсу.

– А-а! – с перепугу заорал Брас, отшатнувшись от штурвала. – Тревога!!

В небе заплясали толстые лучи прожекторов. Спина Брас наткнулся на меня, и вместо того чтобы нанести удар ножом, я обхватил рукой его шею.

Глава 6

Гондола вздрогнула. Снизу донесся хруст, и пол под ногами трянуло еще раз.

Свободной рукой я врезал Брасу по лысине, другой рванул его к себе.

Я сделал это почти машинально, глядя не на оглушенного рулевого, а за левый борт. Палуба плавно кренилась. Лучи прожекторов, закрепленных на кабинах двух машин, которые стояли на краю ущелья, скрестились на дирижабле. Стало светло как днем.

Из-под днища гондолы к грузовикам протянулась пара толстых канатов.словно упряжка манисов с тяжеленным плугом, бредущая по кругу вдоль границы фермерского поля, летающая машина поплыла по широкой дуге. Над левым бортом взлетали крюки на тонких тросах, некоторые падали обратно, другие с лязгом и звоном цеплялись за броневые листы. Канаты натягивались все сильнее, дирижабль снижался. Скорей всего, их сейчас сматывают в огромные бобины, те, что я видел на подходе к Редуту в открытых кузовах грузовиков.

На машинах погасили фары, но луна озаряла дорогу вдоль ущелья – если бы я не вырубил наблюдателя в гнезде, он бы наверняка заметил преследователей гораздо раньше.

Когда через борт полезли люди, я толкнул Браса, и рулевой упал, врезавшись головой в одну из рукоятей штурвала.

Снизу донеслись удары колокола.

– Тревога!!! – из надстройки вылетел Осип с багром в руках. Навигатор пока оставался внутри, и тревожный звон рынды далеко разносился в ночных небесах.

Дирижабль шел по кругу с приличным радиусом, все больше кренился на левый борт и снижаясь. Через ограждение перемахивали нападающие, посверкивало оружие в свете прожекторов. Сверху я разглядел красные одежды Дома Гантаров и необычные самострелы – под ложем закреплена катушка с проводом, продетым в кольца вдоль ствола. Гетманы саблями рубили провода и перезаряжали оружие дротиками. У некоторых за спинами висели круглые щиты.

Осип багром повалил двоих гантарцев, а потом дротик из самострела вонзился ему в грудь.

Нападавшие побежали к рубке. Я присел, но они успели заметить фигуру на крыше, и двое сразу выстрелили в меня. Пришлось растянуться под штурвалом возле Браса – дротики с тонким шипением пролетели над нами. Рулевой со стоном пошевелился. Крыша рубки задрожала, с лестницы донесся топот ног, и я потянулся к лежащему позади гарпунеру. Возникший надо мной широкоплечий детина с кривой саблей и щитом замахнулся. Перевернувшись на бок, я схватил гарпунер двумя руками и выстрелил. Дротик вонзился в затянутое кожей дерево щита. Хлопок, неяркая вспышка взрыва... Щит треснул, но гетман лишь отступил на шаг и снова кинулся в атаку. Кривой клинок понесся к моей шее... конец его впился в одну из рукоятей штурвала. Удар оказался таким сильным, что тяжелое колесо повернулось. Внизу заскрежетало, в протянувшейся к полу рубки широкой колонне что-то сдвинулось, часто шелка.

Крякнув от натуги, гетман выдернул саблю из дерева. Снова замахнулся. Тем временем поворот штурвала передался на воздушные винты, гондола закачалась, и сквозь рев набравшего обороты дизеля с кормы донеслись крики. Со всех сторон заскрипели, застонали тросы. Канат, связывавший грузовик с гарпуном, который всадили в днище ближе к носу, лопнул, и дирижабль сильно качнулся.

Перехлестнув ограждение, со свистом мимо рубки пронесся распушенный хвост каната и врезался в фигуру панцирного волка. Полетели щепки, отломанная деревянная голова канула в ночь.

Бросив щит, гетман снова занес саблю, а я почти до рукояти вонзил клинок из плавника катрана в его живот и сразу выдернул.

Он выронил оружие, прижал ладони к ране. Лицо стало удивленным и растерянным, будто у обиженного ребенка. Поглядев на темное влажное пятно, здоровяк что-то прошептал. Вскочив, я ударил его кулаком в грудь – он повалился на ограждение и упал вниз.

Брас застонал громче, пришлось огреть его по затылку рукоятью ножа. Перезарядив гарпунер, я огляделся. В голове крутилось одно слово – *эвакуатор*.

Теперь я вспомнил: к бортам и корме дирижаблей Гильдии прицеплено несколько спасательных корзин с особыми коробами на боку. В них химические патроны, которые надувают воздушные шары.

Чтобы сбить летающую машину, гантарцам достаточно садануть зажигательными пулями по газовой емкости, но они этого не сделали – почему? Да потому что хотят захватить кого-то из людей на борту живьем.

Меня, например.

На палубу с криками высыпала команда, раздался лязг клинков и крики. Выбежавший из рубки навигатор с пистолетом и саблей в руках крутился, отбиваясь от нескольких противников. Дважды полыхнули маленькие злые огоньки выстрелов, потом он швырнул оружие в лицо замахнувшегося саблей гетмана и разбил тому нос. Со стороны кормы на подмогу навигатору спешили проснувшиеся летуны, однако люди в красных одеждах преградили им путь, и небоходы не успевали. Мне было, в общем, наплевать на навигатора, но если команда не справится с гантарцами, то они доберутся до меня. Сжав клинок зубами, я встал за пулемет, большие пальцы легли на гашетку между деревянными рукоятками.

Грохот выстрелов перекрыл рев дизеля, облако едких пороховых газов окутало меня. Заслезились глаза. Деревянные рукоятки больно били в ладони, гильзы вылетали из затворной рамы, лента из ящика возле треноги извивалась и дергалась, как раненая змея. Пулемет трясся, изрыгая пламя, пули расщепили палубу у ног нападающих.

Гондола резко накренилась, меня развернуло вместе с пулеметом, ствол прыгнул вверх, и пальцы соскользнули с рукоятки.

Громыкнуло слева по борту. Я присел, но ударная волна бросила меня на доски лицом вниз. В правом боку хрустнуло, воздух вышибло из груди.

Наверное, пули угодили в баллон, подвешенный ближе к корме. Не в силах вдохнуть, широко разевая рот, я закрыл голову руками и сжался, подтянув ноги к животу. Сейчас рванет большая емкость, огненный дождь прольется на крышу гондолы, и тогда всем нам конец!

Крен стал сильнее. Ревел дизель, стонали раненые, звенели клинки. С хрипом втянув в себя воздух, я поднялся на ноги, вытер кровь с губ и подобрал нож.

Навигатор, широко расставив ноги, рубился на саблях с двумя гетманами. Оставшиеся в живых гантарцы теснили выскочивших на палубу летунов к надстройке с ревущим двигателем, где разгорался пожар. Языки пламени в любой момент могли добраться до газовой емкости.

За спиной раздался крик, грохнул выстрел, пуля щелкнула о верхнюю ступеньку лестницы. Застучали подошвы по доскам.

Ствол пулемета глядел вверх, из щелей в кожухе струился дымок, в матерчатой ленте оставался один патрон... значит, в стволе есть еще один.

Схватившись за рукоятки, я рывком развернул его. По лестнице, заноса саблю, взбежал гетман в красной одежде. Пальцы легли на гашетку, пулемет дважды дернулся. Пули попали гетману в плечо, мимо него рванулся другой, и я крутанул пулемет дальше, врезав ему стволом

под мышку. Гантарец, отшатнувшись, споткнулся о тело второго, упавшего на самом краю лестницы, и оба покатались по ступеням.

И тут лестница сломалась. Мутафаг задери, это было неожиданно! Наверное, от толчка лопнула одна из подпорок, на которых лежали ступени. Она тяжело качнулась и рухнула вместе с телами, придавив еще одного гетмана – под рубкой выросла груда досок, откуда доносились стоны и проклятия.

Палуба была сильно накрена – дирижабль летел по дуге. Лязг, крики и стоны звучали со всех сторон. Найдя возле штурвала самострел, я вытащил из чехла под ложем дротик, взвел оружие и шагнул к другому краю крыши.

И увидел воеводу Лонгина. Он стоял под решетчатой аркой с саблей в руках, окруженный своими гетманами. Часть успела нацепить кольчуги, другие были лишь в шароварах, в сапогах или босые – зато все вооружены. Кажется, старик пробивался к носу дирижабля, когда увидел меня и остановился. На лице его было изумление.

Когда я повернулся, воевода махнул рукой и что-то крикнул своим людям.

Трое гетманов бросились в мою сторону, но тут дирижабль накренился к корме, и они упали. Навалившись животом на ограждение, я заметил, что машины с прожекторами уже совсем близко – еще немного и врежемся в склон ущелья.

Сзади донесся женский крик. Ухватившись за штурвал, я повернулся.

На носу дирижабля, прижавшись спиной к обезглавленной фигуре панцирного волка, стояла Лада. Высокий крепкий гантарец держал девушку за горло вытянутой рукой, Лада колодила кулаком его по плечу, одновременно пытаясь разжать сомкнутые на шее пальцы. Гетман стоял неподвижно, спиной ко мне, я не видел его лица, но казалось, что он забавлялся беспомощностью жертвы.

Лада успела лишь накинуть на плечи шерстяной платок и надеть сапоги. Волосы ее были заплетены двумя косами. Подол длинной ночной сорочки порвался на бедре, обнажив гладкую белую кожу.

Я поднял гарпунер, прицелился в широкую, обтянутую красным спину, и спустил крючок. Дротик вонзился в поясницу гетмана и взорвался. Всем телом он повалился на Ладу, и оба осели на палубу.

Вскочив на ограждение, я оглянулся в тот момент, когда на крышу рубки забрались двое людей воеводы. Они наверняка получили приказ не убивать сбежавшего из камеры пленника, иначе их сабли уже обрушились бы на мою спину, но вместо этого они попытались остановить меня, вцепившись в рубаху. Она порвалась, оставив в их руках клочья ткани, а я свалился на палубу. Вскочил и подбежал к Ладе, выползающей из-под гетмана. Девушка увидела меня и задергалась, отпихивая мертвеца.

– Ты! – выдохнула она изумленно.

Я поднял Ладу на ноги, и тогда она попыталась ударить меня коленом между ног. Я отшатнулся, взмахнув ножом и едва не резанув ее по лицу. Разозлившись, схватил Ладу за плечи, развернул, прижал к себе спиной и сжал ее шею.

– Не дергайся! – выдохнул я в ухо девушке, показывая ей нож.

Дизель смолк. С треском по палубе пробежали трещины, доски стали взрываться, выстреливая фонтанами щепок. Нос дирижабля задрало к небу, лучи прожекторов прыгнули вниз. Лопались и со свистом проносились над бортами перетягивающие газовую емкость тросы, а потом у гондолы отвалилась корма. Объятая пламенем, она держалась в воздухе на одном баллоне, раньше висевшем у правого борта, и быстро плыла к грузовику, стоящему на краю ущелья. Крутилась бобина в открытом кузове, сматывая толстый канат. Черные фигурки людей прыснули от машины во все стороны.

Палуба стала почти вертикальной, и мы с Ладой покатались к рубке. Послышались вопли сорвавшихся с дирижабля людей.

Сжимая запястье девушки, я всадил в доску плавник катрана. Лада закричала. Под дирижаблем ярко полыхнуло пламя, от грохота заложило уши. Нас обдало горячей волной – это загарпуненная корма с газовым баллоном, долетев до земли, накрыла грузовик.

Останки дирижабля плыли над ущельем. В небо взвились осветительные ракеты.

Я потащил Ладу к борту, втыкая нож в палубу и упираясь носками сандалий в изломанные доски. Девушка постанывала, отталкиваясь одной рукой от досок, помогала мне.

Когда я схватился за лист брони рядом со спасательной корзиной, за спиной раздался голос воеводы:

– Альбинос!

Крики и лязг смолкли, лишь стоны раненых звучали на палубе дирижабля. Я подтянул Ладу к себе, развернувшись, обхватил ее рукой с ножом.

Воевода, направив на меня револьвер, привалился спиной к чудом не разбившемуся лобовому окну рубки. Левой рукой он держался за бок, между пальцами сочилась кровь. Лицо в ссадинах, длинный седой чуб растрепался.

– Альбинос! – прохрипел Лонгин, опустив пистолет. – Спаси ее!

– Отец! – Лада дернулась к нему, и я крепче прижал ее к себе.

– Нет! – прокричал Лонгин. – Не иди сюда... Альбинос, спаси ее!

Он зашелся кашлем, ноги подкосились, и старик съехал по окну. Сбоку от дирижабля одна за другой стали взлетать ракеты, часть почему-то сразу гасла, оставляя в небе светящиеся дымовые пятна, другие ярко вспыхивали.

– Отец! – Лада снова попыталась вырваться.

Я подхватил ее на руки и сунул в спасательную корзину. Запрыгнув следом, перегнулся через плетеный борт, ощупал короб с надписями. И получил удар в ушибленный бок.

– Да чтоб тебя! – Схватив девушку за волосы, я дернул ее вниз, прижал коленом к стенке. – Я тебя спасаю, между прочим!

Лада засопела, а потом укусила меня. Я сквозь зубы замычал от боли, шаря рукой по борту в поисках кольца. Пальцы скользнули по гладкой крышке короба с фосфоресцирующей надписью. Другой рукой я отвесил девушке затрещину, а потом отпихнул от себя.

На склоне, до которого было уже совсем близко, защелкали выстрелы, пули с чавкающим звуком стали врезаться в газовую емкость дирижабля. Над головой раздалось шипение.

Отпрянув, я сел и принялся ощупывать стенки корзины. Когда под пальцами оказалась изогнутая железная дужка, без раздумий рванул ее. За бортом громко хлопнуло, корзина дернулась, соскочив с зацепов, взмыла вверх. Три мгновенно раздувшихся черных шара заслонили звезды над головой, и эвакуатор стал удаляться от остатков дирижабля.

Я выпрямился, глядя через борт, под которым сжалась Лада.

С земли опять выстрелили осветительными ракетами. С шипением рассекая воздух, две оранжевые точки с треском врезались в газовую емкость. Я присел, обхватив всхлипывающую Ладу за плечи.

Емкость взорвалась с оглушительным звоном, по небу разлилось бело-голубое сияние. Эвакуатор подбросило, корзина со скрипом закачалась под шарами, и все стихло. Внизу больше не стреляли, на склонах ущелья стало темно. Ветер доносил слабый запах пороховой гари, но он вскоре исчез.

Глава 7

Мразь! – Лада Приор попыталась ударить меня по лицу, но я перехватил тонкую руку. – Убийца!

Оттолкнув ее, я спросил:

– А ты чего хотела? Чтобы я смиренно ждал, когда меня казнят?

Лада сидела на железном ящике, натянув разорванный подол ночной рубашки на колени. Я устроился напротив, расставив полусогнутые ноги, упирался подошвами в борт. Справа его расскла трещина – того и гляди, наше ненадежное укрытие лопнет, и мы посыпемся вниз, как грязное белье из корзины.

Три воздушных шара над головой будто слиплись боками и образовали темную бесформенную массу, круглая маленькая гондола под ними слабо покачивалась, скрипя вантами, в порывах ветра. Приподнявшись, я выглянул за борт. Снаружи из трещины торчала кривая железка с оплавленными краями – кусок обшивки, воткнувшийся на излете после взрыва. И как он корзину насквозь не пробил? Мог ведь проткнуть меня или Ладу, как копье, или в шары угодить. Лежали бы мы тогда сейчас на дне ущелья...

Перегнувшись через борт, я поплевал на ладони и вцепился в железку. Пошатал из стороны в сторону, потом вырвал с громким вдохом. Швырнул вниз и снова уселся на дно.

– Пить хочешь?

Взяв девушку за плечо, я добавил:

– Привстань.

– Не трогай меня!

– Почему?

– Ты убийца!

– За свою жизнь я вряд ли убил больше людей, чем твой отец.

Ладу затрясло – то ли от злости, то ли от холода.

– Не смей говорить о нем! Он солдат! А из-за тебя погибло столько невинных...

– О ком это ты, о гетманах? – удивился я. – По-моему, «невинный гетман» звучит примерно как «травоядный катран».

Она с бешенством глядела на меня.

– Привстань, – повторил я и подвинулся в сторону. – А лучше пересядь сюда. Мы высоко, тут холодно и сильный ветер. Быстро замерзнем.

Она презрительно фыркнула, но послушалась. Втиснулась между мной и стенкой, поерзала, устраиваясь поудобней.

Я перехватил нож в левую руку, почувствовал плечом, как дрожит Лада. Напряжение боя отпускало – пальцы, сжимавшие рукоять, подрагивали, тело пробирал легкий озноб. Потянувшись к ящику, на котором только что сидела девушка, я приподнял крышку. Скрипнули ржавые петли. Внутри лежал сверток, тыквенная фляга, две жестяные баночки, рулон бинта и склянка с фитильком.

Вода была затхлой, похоже, небоходы давно не обновляли спасательные запасы в корзинах. Я передал флягу Ладе, она сделала несколько глотков, заткнув горлышко пробкой, отвернулась к стенке.

На дне ящика нашлась зажигалка из винтовочной гильзы, с ее помощью я запалил фитилек спиртовки. Слабые синие отсветы заиграли на стенках корзины. В свертке оказались два куска вяленого мяса. Желудок уже сводило от голода, и я вгрызся зубами в твердый ломоть. Другой сунул Ладе, но она отпихнула мою руку и вдруг потянулась к ящику. Сжав мясо зубами, я схватил ее за кисть, так как не знал, что еще там лежит помимо баночек и бинтов. На дне могло быть оружие, я его не заметил, а девчонка о нем знает да как схватит сейчас...

Лада снова презрительно фыркнула.

– Ты что, боишься меня, Марк Сид? – спросила она, не поворачивая головы. – Я просто мазь хочу взять. Видишь, там аптечка?

Я искоса наблюдал за ней. Лоб в ссадинах, бровь рассечена, одна коса расплелась, волосы спутались. И все равно – красивая девушка. Сестра моя тоже не уродина, но у нее подбородок совсем мужской, тонкие хищные брови, впалые скулы, короче, внешность такая, что сразу понятно: эта тебе одним ударом голову отрубит и не поморщится. А у Лады лицо было мяг-

ким – полные нежные губы, округлый, совсем не решительный подбородок с ямочкой, густые брови.

Я отпустил ее руку и снова принялся за мясо.

Лада взяла одну жестянку, сняла крышку и понюхала содержимое. Зачерпнула вязкую массу и начала мазать лоб, бровь. Я смотрел на нее. Перед глазами встала рожа того мутанта, одного из братьев Верзил, который преследовал термоплан Чака. Вот он, как живой сидит прямо передо мной, держит жестяную банку и в точности как Лада мажет разбитый подбородок. Я видел даже волосы, торчащие из его ноздрей, морщинки у глаз, кустистые брови и глубокую складку между ними. Картина была настолько ясной, в цвете и подробностях, что я застыл с приоткрытым ртом. И едва не подавился мясом.

– Кусок в горло не лезет? – Лада, закрыв банку, взяла бинт.

Сглотнув, я попросил:

– Дай воды.

Передернув плечами, она протянула флягу. Я сделал несколько глотков, вытер рот и встал. Лада тоже выпрямилась.

– Ветер на юго-восток дует, – сказал я. – Нас несет дальше над ущельем.

Забинтовав кисть, Лада попыталась сделать узел, вцепившись в конец повязки зубами, но у нее ничего не вышло.

– Давай помогу, – проворчал я. Девушка покачала головой. Разозлившись, я оттолкнул ее руку и стал затягивать повязку, не обращая внимания на молчаливое сопротивление.

– Не веди себя как ребенок! Как бы ты ко мне ни относилась, мы сейчас в одной лодке, то есть в корзине.

Она прикусила губу и, когда я закончил с повязкой, отвернувшись, стала заплетать косу. Покончив с прической, закуталась в платок и снова села.

– Утром мы будем в Инкермане, и тогда тебе конец, Альбинос, – кровожадно пообещала Лада.

– Я тебя тоже люблю, – откликнулся я, глядя в сторону, куда ветер нес шары с корзиной.

– Что?! – Она вскинула голову, ноздри затрепетали, задрожало правое веко, мне показалось, что сейчас она вцепится мне в лицо. – Ты... Да как ты смеешь?!

– А что такое? – спасаясь от ветра, я присел рядом с ней на корточки. – Это просто шутка.

– В том-то и дело, что шутка! – она ударила кулаком меня в грудь. – Ты уже шутил так со мной! После тех твоих шуток погибла мать, брат оказался в плену в Херсон-Граде, а Дом Приоров уничтожили! Как же я ненавижу тебя, Альбинос! – она опустила голову и сжала ее руками.

Некоторое время мы сидели молча, потом она глухо сказала:

– У небоходов было радио. Отец успел передать сообщение, и наши дозорные будут следить за небом над ущельем. Тебе не уйти.

Я пожал плечами.

– Увидим. Откуда вообще в Инкермане взялся этот дирижабль?

– Небоходы всегда держат у нас одну свою машину. Когда она уходит с грузом чензира, на смену прилетает новая. Узнав про тебя, отец договорился, чтобы они доставили его в Редут и обратно.

Мы замолчали, погружившись в свои мысли. Лада сидела, обхватив голову и уткнувшись лицом в колени. Ветер шевелил каштановые волосы на затылке, и выглядел он очень трогательным, беззащитным. Не сдержавшись, я положил на него ладонь, погладил. Не поднимая головы, она отбросила мою руку. Но сделала это не сразу – через несколько мгновений, будто переборов себя.

– И когда нас перехватят над Инкерманом – что ты сделаешь? – спросила она. – Опять станешь угрожать, что убьешь меня?

– Еще не придумал, – ответил я. – Если ветер не переменится... Наверное, свяжу тебя и повешу на корзине снаружи, чтобы они видели. Прокричу им, что перережу веревку, если кто-нибудь решит загарпунить эвакуатор.

Она подняла лицо, и я увидел сверкающие гневом глаза. Но помимо гнева в них было что-то еще, какое-то тщательно скрываемое – наверное, даже от нее самой – чувство. Неужели несмотря ни на что она все еще...

– Да, ты способен на это, – с горечью сказала Лада.

Я покачал головой, не спуская с нее пристального взгляда.

– Нет, я не стану ни связывать тебя, ни как-то еще использовать против гетманов. Посмотрим, как все обернется, сейчас рано об этом говорить.

– Ты врешь! – отрезала она. – Врешь, хитришь, лицемеришь, как всегда. Когда я говорила, что ты худший из худших среди всех, кто живет на горе Крым, я не врала! Это правда! И если...

– Какие сильные чувства, – перебил я. – Что я сделал тебе?

– Что? – выдохнула Лада. – Что сделал?! Ты еще спрашиваешь! Или ты забыл, как...

– Забыл.

Она задохнулась, в гнев сжимая и разжимая кулаки.

– Именно от тебя такое и надо было ждать! После всех этих зверств – забыть о них! Просто уехать и забыть, и спокойно спать по ночам...

– Не в том дело, я и правда забыл. Я пришел в себя прошлым днем, в лодке, которая плыла по Черной речке. Она свалилась в водопад, но я успел выпрыгнуть. Меня спас коротышка на дирижабле, потом еще к нему присоединилась женщина, назвавшаяся Мирой, с небольшим отрядом...

– Мира – твоя сестра! Что все это значит? О чем ты говоришь?

– Правильно, она так и сказала. Но я не помню ее. Как не помню вообще ничего. Кто я такой, как попал в ту лодку, почему за мной плыли кочевые... ничего. Даже свое имя я узнал только сейчас, от тебя. И тебя я тоже не помню, Лада Приор. Извини.

Я говорил все это, спокойно глядя ей в глаза, а в них ярость сменялась удивлением. И по мере того, как это происходило, другое чувство, которое Лада тщательно скрывала даже от самой себя, становилось все более явным.

И наконец я понял: Лада Приор все еще любит Марка Сиду по прозвищу Альбинос. Любит, невзирая на все страдания, которые он ей причинил.

– Ты врешь, – прошептала она растерянно, и я пожал плечами.

– Конечно, доказать я тебе ничего не могу. Но сама подумай, зачем мне такая ложь? Наверное, я действительно был причиной смерти твоих близких. Ты мне не веришь, но я тебе верю. Из-за меня уничтожили Дом Приоров? Пусть так. Но это... это был не я. Вернее, это было в другой жизни. Я не помню вообще ничего из того, что делал тогда.

– Нет, это снова ложь! Твои змеиные хитрости, увертки... Я не понимаю зачем, но ты врешь! Ты только что придумал это, чтобы сбить меня с толку или разжалобить, или... Ведь так? Отвечай, так?! – выкрикнула она мне в лицо, со слезами на глазах, обеими руками вцепившись в мой воротник.

Больше я не мог сдерживаться. Бросив нож на дно корзины, обнял ее, прежде чем она успела что-то сказать, прижал к себе и впился губами в ее губы.

* * *

Когда стало еще холоднее, мы прижались друг к другу и укрылись моей рубахой. Спиртовка погасла, уныло гудел ветер, скрипели плетеные стенки корзины; неуправляемый эвакуатор летел в промозглой тьме.

– Расскажи, как это произошло, – попросил я. – Что такого я натворил? И почему все удивляются, что я остался жив, когда покидал Инкерман?

Лада приподнялась, заглядывая мне в глаза.

– Скажи мне, ты не врешь? – тихо спросила она. – Ты правда потерял память или это опять какая-то твоя уловка?

– Я не помню почти ничего. Иногда в голове вспыхивают какие-то картины... Человек с ножом, прибор с электродами, как меня везут по каменному коридору... Мутанты...

– Мутанты?

– Да, кочевники. Еще какая-то машина в ущелье... И все.

– А мое лицо? Ты даже не можешь вспомнить, что видел его раньше? Видел... вблизи, так же, как сейчас?

Я покачал головой.

– Хотел бы сказать, что помню тебя, но – нет.

Она вздохнула, я положил ладонь на ее затылок, притянул к себе. Голова Лады легла на мое плечо.

– Что я делаю? – прошептала она. – Лежу с убийцей моей семьи...

– Это был кто-то другой. Он остался в прошлой жизни.

– Но с чего тебе меняться, даже если ты потерял память? Может, это и правда, но... – Сбросив мою руку, она снова приподнялась и заглянула в мои глаза. Провела тонкими прохладными пальцами по лбу, скуле. – Нет, мне кажется, ты и правда стал другим. Не внешне, а... ты какой-то не такой. Хотя и тогда ты умел меняться.

Я молчал. Девушка снова легла и спросила:

– Откуда все эти синяки и ссадины?

– Не знаю. Мира решила, что меня пытали кочевники, когда я попал к ним в плен. Ты не ответила, что случилось в Инкермане? И как я сбежал оттуда?

– Твой покойный отец всегда хотел торговать чензиром. А Дома договорились с небоходами, которые большую его часть покупают для себя, а остальное перевозят в Пустошь и продают в Киеве и даже в Москве.

Она говорила негромко, и я прикрыл глаза, внимательно слушая.

– В Раде давно спорят об упущенной выгоде от союза с Херсон-Градом. Ваш базар самый большой на Крыме, один из крупнейших в Пустоши. Херсон-Град стоит на пересечении торговых путей к Мосту и Киеву. Часть гетманов считает, что небоходы потому и заключили договор с Радой, чтобы чензир доставался только им. Дома разделились на два лагеря, споря о чензире, и тут в Инкерман с небольшим отрядом появился ты. Привез дорогие подарки, попросил слово в Раде...

– Дом Гантаров сразу был против меня.

Я слегка повернулся, потирая ладонью затекшие мышцы на ноге.

– Ты вспомнил? – Лада подняла голову.

– Нет, это само напрашивается.

– Якуб слушать ничего не хотел о союзе с Херсон-Градом и покинул Раду. Ты остался. Влиятельного гостя не принято выставлять за порог. Нашей семье поручили показать тебе Инкерман – мне с братом...

– И я сразу тебе сделал предложение?

– Почти сразу, на следующий день. Мы назначили свадьбу. Брата ты попросил сообщить об этом херсонцам, отец согласился с этим – ответный визит в Херсон сблизил бы наши города. Утром на заседании Рады был взрыв, многие в совете погибли, отец был ранен. Ты исчез. В суматохе я искала тебя. В Инкермане началось... – Она сжала челюсти. – Кто-то устроил пожар на заводе, в поселении началась стрельба, погибла мать. Появившийся в ущелье Якуб обвинил

Лонгина в мятеже. Только к вечеру разобрались, что к чему. А комендант Редута еще сказал, что получил из Херсон-Града сообщение по радио, что брат в заложниках...

Небо посветлело. В глазах Лады стояли слезы, она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

– Я запуталась. – Ее голос был едва слышен. – Запуталась. Столько людей погибло. Мать. Брат пропал... Теперь отец.

– Одного не пойму, – сказал я. – Почему все хотят узнать про какую-то находку под склоном Крыма. При чем тут она?

– Не знаю, с карликом разговаривал отец.

– А как я покинул Инкерман? Наверное, это было нелегко сделать...

– Тебя преследовали гетманы. Загнали на завод, но ты сбежал по рельсовой эстакаде. Прыгнул в вагонетку с породой, поехал к меловым бассейнам, а там... Люди видели, как на тебя напали. Какой-то человек в плаще, как у кочевников, с меховым капюшоном на голове. У него было необычное оружие, стреляющее такими... очередями. Вы начали драться, а после он столкнул тебя в гейзер...

– Подожди, – перебил я. – Оружие, стреляющее очередями? Автомат?

– Не знаю, что это такое.

– Так их называют. А этот человек... это был мужчина?

Она покачала головой.

– Я не знаю. Все, кто видел вашу драку издали, говорили о нем, как о мужчине. Он появился неожиданно, просто выпрыгнул откуда-то...

– Но лица его никто не видел?

– Никто. Но если бы это была женщина, то было понятно, да? Ну, по движениям... В общем, он после этого исчез, а твое тело так и не нашли. Одни считали, что ты провалился в глубину гейзера, другие, что уполз... но тогда нашли бы следы? Ты просто пропал – и вот теперь я вижу тебя снова, невредимого, только в синяках и ссадинах, утверждающего, что потерял память. – Она посмотрела на небо. – А что, если ты потерял память, после как упал в гейзер?

Я покачал головой.

– Нет, не получается. Мира сказала, что я был в Херсон-Граде. Оттуда уехал с отрядом в экспедицию к южным склонам Крыма, прислал почтового ворона, назначил встречу, но не пришел в указанное место.

– В той экспедиции ты и нашел что-то древнее, из времен до Погибели?

– Да. Сестра решила, что меня захватили в плен кочевые мутанты и пытали, поэтому я потерял память. Повезла меня обратно в Херсон-Град, но по дороге я вывалился из термоплана. Выходит, карлик расстался с Мирой, прилетел в Инкерман и все доложил Лонгину.

– Не то чтобы доложил... – начала она, и тут на край корзины села белуша. Сложила крылья, повернула уродливую голову, глядя на нас немигающим черным глазом-бусиной.

– Пошла! – Лада взмахнула руками.

Белуша захлопала крыльями и улетела. За разговором мы не заметили, как наступило утро.

* * *

Солнце поднялось над горизонтом, но высоко над землей было по-прежнему холодно.

Перегнувшись через борт, я разглядывал трещину на корзине. Из плетеной обшивки торчали лохмотья войлока – вот почему осколок брони не пробил стенку насквозь.

– Воевода вез меня в Инкерман, – сказал я, нагнувшись за флягой. – Стоило сбегать от него, чтобы прилететь туда же.

Лада молча смотрела вперед.

– Эй, – позвал я, облакачиваясь на борт. – Поешь, там кусок мяса остался.

В ответ она махнула рукой.

– Смотри!

Отпив, я повесил флягу на плечо, потер ушибленный бок и выглянул.

Правый склон Инкерманского ущелья состоял из трех уступов, рассеченных белой полосой водопада. Левый был почти отвесным, его усеивали мшистые островки растительности, среди них чернели входы в забои, под которыми приткнулись площадки из бревен.

Между этим склоном и уступами протянулись три пологие арки – знаменитые мосты Инкермана.

Они находились точно друг над другом. Расстояние между мостами было такое, что там спокойно мог пройти транспортный дирижабль, главное, не зацепить толстые электрокабели, провисавшие под арками. Кабели соединяли шахты в отвесном склоне и гудящие на уступах рядом с водопадом турбины-генераторы.

Со дна ущелья поднимались белые столбы пара – десятки, если не сотни гейзеров били там.

– Это и есть кварталы Инкермана? – Я показал на усеянные крошечными постройками уступы. – Три квартала, правильно?

Лада кивнула.

С возвращением в ущелье она переменилась, стала неразговорчивой, да и смотрела на меня иначе. Казалось, девушка о чем-то напряженно раздумывала.

Самым удивительным в открывшейся взгляду картине было сооружение далеко за водопадом, висящее прямо над ущельем. Поначалу казалось, что тяжелая конструкция парит в воздухе благодаря силе восходящих горячих потоков, но потом ветер разогнал серую дымку, обнажив громадный скальный выступ, наискось выпиравший из правого, населенного склона. На конце кривой скалы и стоял завод по добыче чензира, который гетманы выцеживали из воды в меловых бассейнах. Больше на Крыме никто не умел добывать чензир, потому-то жители ущелья так богаты. Инкерман – самый сильный клан на Крыме и, в конце концов, может подчинить себе всю гору. Кочевые племена слишком малы и плохо вооружены, многочисленные банды, рыщущие по равнинам, никогда не объединятся, а в Херсон-Граде даже нет своего войска, только ополчение, которое созывают при необходимости. До сих пор такой необходимостью становились редкие атаки банд или больших стай панцирных волков, но не крупная война. Против Инкермана херсонцам не выстоять.

Хотя ведь были с Мирой омеговцы. Откуда взялись солдаты-наемники в окружении моей сестры?

Ветер нес эвакуатор над ущельем, и я достал оптическую трубу.

Основание завода лежало на железных сваях, рядами забитых в скалу. На сваях – плиты перекрытия, а на тех галереи из вертикальных балок, между которыми стоит оборудование. К заводу под острым углом примыкала рельсовая ветка, вверх по ней катились вагонетки, заполненные размельченной в каменоломнях породой. С конца ветки они попадали на эстакаду, полумесяцем опоясывающую завод, пробегали по ней и ныряли в широкую трубу, которая насквозь пронизывала галереи. Примерно посередине к трубе было подвешено здоровенное железное корыто – бункер, из днища которого выходили три желоба.

Я подался вперед, поставив локти на бортик. Стенки бункера ритмично вздрагивали каждый раз, когда очередная вагонетка ныряла в трубу, протянувшуюся сквозь лес балок. Вместе с водой измельченная порода лилась по желобам в меловые бассейны между сваями под основанием завода. Вдоль бассейнов сновали люди, длинными шестами тыкали в мутную воду – наверно, прочищали дренажную систему, которую забивала щебенка. Похоже, трубы прячутся прямо в скале, по ним вода отводится на дно ущелья, там часть стекает в подземную речку, а

часть уходит в гейзеры, возвращаясь в виде пара, которым гетманы отапливают свои жилища с наступлением холодных сезонов. Цикл, наверное, длится несколько дней, потом бассейны осушают и собирают накопившийся в нем чензир, который отделился от породы под действием воды.

Опустив трубу, я покосился на Ладу. Девушка с гордостью рассматривала ущелье и завод на скале – да, гетманам надо отдать должное, на Крыме больше никому не под силу создать такое. Сколько лет у них ушло на то, чтобы все это построить и организовать? И сколько рабов погибло на строительстве? Без рабского труда Дома никогда бы не стали сильнейшим кланом горы Крым. Напасть на них вряд ли кто осмелится, армия Инкермана самая крупная. Наверняка в Раде это давно поняли и не прочь завладеть Крымом, сделав кочевников, фермеров и херсонцев рабами. Выходит, я хотел взорвать Раду, чтобы спасти Херсон-Град? Устроить в ущелье гражданскую войну, ослабить гетманов и напасть на них? Вот потому-то омеговцы и появились в окружении Миры – мы наняли их для будущей схватки с гетманами.

Я еще раз осмотрел завод. От дальнего края вниз полого сбегала вторая рельсовая ветка, по которой на дно ущелья скатывались пустые вагонетки. Внизу она круто поворачивала возле огромной серой горы щебня, над которой высилась стрела рокочущего двигателем экскаватора. На конце ее вращалось колесо, издали напоминающее зубастую шестерню. Ковши-зубья на колесе черпали щебенку, опрокидывались над бункером в форме конуса, висевшим на сваях горловиной к эстакаде, по которой катили вагонетки. Они заполнялись щебнем и, разгоняясь, уезжали вверх. По насыпи, урча моторами и плюясь белыми клубами, ползали два трактора, сгребали к шестерне породу, которую подвозили грузовые самоходы, выезжавшие на дно ущелья с включенными фарами из пролома в отвесном склоне.

Рокот, грохот и дребезжание становились все громче.

– А где встречающие? – спросил я, поворачиваясь к жилым кварталам Инкермана, потянувшимся справа от эвакуатора. Они были так близко, что пришлось опустить трубу.

Лада показала в другую сторону:

– Не туда смотришь. Вон.

По длинным вертикальным штангам, прилипшим к левому склону, вверх ползла платформа с низким ограждением. На платформе стояли вооруженные гетманы... много гетманов.

Эвакуатор приближался к мостам. Скоро мы пролетим над верхним, а подъемник с гетманами уже миновал средний, и я понял: они перехватят нас, добравшись до последней арки. Мы пройдем над их головами, и гетманы смогут зацепить корзину баграми.

– Где швартуются небоходы? – спросил я.

– Стрелу видишь? Позади завода.

Я прищурился. Из марева, клубившегося над кривой скалой, выступала тонкая, как игла, мачта.

– Что-то не видно там «Каботажника». Хотя Чак ведь стравил весь газ, когда кочевники продырявили емкость.

– Значит, свою машину он поставил на площадке под стрелой, – пояснила Лада. – Там можно и баллон заправить.

Платформа с гетманами замедлила ход, приближаясь к бревенчатой площадке, в которую упирался мост.

– Как вообще устроен Инкерман? – спросил я, прикидывая, на какой высоте корзина пролетит над аркой.

Лада молчала. Гетманы на платформе засуетились, готовясь выбраться на площадку, и я повернулся к девушке. Она в упор смотрела на меня, кусая губу.

– Что?

Приняв какое-то решение, Лада переступила с ноги на ногу и пристукнула кулаком по борту.

– Ну хорошо, я помогу тебе. Я чувствую себя предательницей из-за этого... В общем, в двух верхних кварталах живут горожане.

– Те дома из красного гранита на самом верху – военные казармы?

– Да. Ниже – мастерские, рабочий квартал. Третий, самый нижний – квартал рабов, которые в пещерах добывают породу. Их бараки отсюда не увидишь, мешают пар от гейзеров. Остальные рабы живут прямо в шахтах.

Гетманы уже спешили по верхней арке, приближаясь к месту, над которым вскоре должен пройти эвакуатор.

– Сколько дорог ведет из ущелья на равнину? – спросил я.

– Две, одну мы уже пролетели. Вторая за заводом, но она проходит через глубокую трещину, в том месте построили разводной мост. Если надо, его могут быстро поднять и отрезать тот путь.

– Но обычно мост опущен?

– Да. Хотя его охраняют.

Я кивнул.

– Ладно, теперь отойди.

Лада попятилась на середину корзины, а я подергал один из тросов. Сунув нож в зубы, перекинул ногу через борт, подтянулся, схватившись за другой трос, встал на край корзины (шары оказались прямо над головой), ожидая, когда эвакуатор подлетит к первому мосту.

Гудящее, лязгающее, пышущее паром Инкерманское ущелье медленно тянулось под нами. Арка приближалась. Гетманы достигли ее середины, раздалась команда, и они стали растягиваться цепью.

Над ущельем, пискляво голося, пронеслась стая белуш.

Все гетманы, кроме одного, молодого, с золоченой бляхой на турбанае, стоявшего в центре, подняли ружья и прицелились в нас.

– У меня Лада Приор! – крикнул я. Повернув голову, шепнул девушке: – Скажи, чтобы не стреляли. Я не трону тебя, но нам надо выиграть время.

– Старшина! – закричала Лада. – Ефим! Мы...

– Предательница! – крикнул молодой гетман. В голосе его были злость и обида. – Якуб Гантар прислал сообщение по радио. Мы все знаем!

Я прошептал:

– Держись за борта, а лучше присядь.

Старшина выхватил саблю и рубанул воздух.

– Вы с Лонгином предали Инкерман!

– Что ты говоришь?! – возмутилась Лада. – Воевода...

– Держись! – я полоснул ножом по шару над головой.

Пронзительно зашипел вырвавшийся на свободу газ, меня обдало пахучей густой волной: запах тины, гнилой воды, плесени. Что это небоходы закачивают в свои химические патроны?

Эвакуатор пошел вниз. Грохнул выстрел, над головой хлопнуло, и я спрыгнул в корзину, спиной прижав Ладу к борту.

– Не стрелять! – выкрикнул Ефим, и эхо подхватило его голос.

Лада заворочалась, отталкивая меня. Шипел газ, эвакуатор наклонно падал, проваливаясь под мост.

– Трое здесь, остальные за мной! – долетело сверху.

Надвинулся второй мост, и я крикнул:

– Осторожно!

Корзина врезалась в него чуть ниже ограждения, качнувшись, очутилась под аркой. Оболочка единственного целого шара заскребла по перилам. Падение неожиданно прекратилось, и у меня подогнулись колени. Над головой захрустело, корзина накренилась, я увидел натяну-

тые электрокабели, склон и казарму из красного гранита. По мосту прямо над нами забухали сапоги гетманов. Лада что-то закричала в ухо. Корзина качнулась сильнее, раздался треск, и мир рванул вверх.

– Держись!

Мы падали. Кое-как повернувшись, я одной рукой вцепился в борт, а другой обхватил девушку. Корзина легла набок, по голове хлестнули тросы, за которыми в воздухе извивались оболочки шаров – лишенные газа, похожие на длинные серые языки. Нижний мост стал тонкой линией на фоне неба, все вокруг заволочла теплая дымка, и корзина рухнула в воду.

Нам повезло – эвакуатор упал в одну из заводей на дне ущелья. Я выпрямился, помог встать Ладе. Вода, проникая внутрь сквозь трещину, уже дошла до колен. Когда мы встали, корзина сильно накренилась – теплая волна хлынула через борт.

Схватив Ладу за руку, я оттолкнулся ногами и нырнул. Теперь главным для нас было отплыть подальше до того, как гетманы очутятся здесь.

* * *

Вокруг клубился пар, громко клокотали гейзеры.

– Нож потерял. Ты как? – Я шагнул на каменистый берег, и Лада выбралась следом. Закашлялась, отвернулась от меня.

Пытаясь сообразить, откуда мы прилетели в ущелье и где завод, я осмотрелся. Ни склона, ни неба, ни даже темной полоски нижнего моста над головой – ничего не видно. Что теперь делать? Надо найти дорогу, ведущую на равнину, через которую пролегло Инкерманское ущелье, и валить отсюда.

Я стащил рубаху, выжал. Лада кашляла, встав спиной ко мне. Платок она утопила, рубашка прилипла к телу, косы расплелись. Девушка напоминала мокрую, несчастную гонзу, только что выбравшуюся на берег из бурной горной речки.

– В какой стороне завод?

Вместо ответа она икнула и помотала головой.

Слева долетело взрыкивание мотора, и туман на мгновение озарился светом. Наверное, грузовик выехал из пещеры, где измельчают породу. Или, наоборот, вернулся в нее.

– Как быстро гетманы будут здесь? Подъемник может спуститься на дно ущелья?

– Не знаю, – она снова икнула. – Никогда не была внизу.

Через голову я надел рубаху.

– Выжми одежду и догоняй. Только побыстрее.

Вскоре я очутился перед длинным каменным выступом в человеческий рост, который перпендикулярно шел от склона. Залез на него, лег и осторожно выглянул. Туман впереди был не очень плотным, я увидел усыпанную гравием площадку. В отвесном склоне слева темнел вход пещеры, его охраняли два гетмана с берданками. Они зажали приклады под мышками, положив оружие на локтевые сгибы, один курил трубку.

Нарастающий гул мотора донесся из пещеры. За спиной раздалось:

– Марк!

Жестом я заставил замолчать идущую вдоль берега заводи Ладу. Взял лежащий рядом камень, затаив дыхание, снова приподнял голову.

Гетманы стояли в прежних позах, только курильщик теперь выбивал трубку о скалу.

Из пещеры выкатил грузовик, повернул у самой воды и поехал прочь, покачиваясь на камнях. Необычная машина: кабина спереди плоская, будто обрубленная, за ней торчит труба, пышущая белым паром, задняя стенка сильно скошена вовнутрь, борта из рифленого железа. Высокие, где-то мне по грудь, колеса – по четыре с каждой стороны.

Я сполз с выступа.

– Что там? – шепотом спросила Лада, останавливаясь рядом.

– Пещера, откуда породу берут.

– И что мы будем делать?

Я подбросил камень на ладони.

– Перелезь и сядь под этим выступом с той стороны. Притворись, что тебе плохо.

– Это зачем? – удивилась она.

– Надо вырубить охранников. А как еще? У меня нет оружия.

Она молча полезла наверх, и я последовал за ней. Улегшись на выступе, Лада стала рассматривать гетманов.

– У них ружья.

– Да. Но в тебя они стрелять не станут. Послушай...

Я взял ее за плечи и, когда девушка повернула голову, притянул ближе к себе.

– Почему ты мне помогаешь? – шепотом спросил я, почти касаясь губами ее лба.

– Ты же слышал: гетманы решили, что я предательница, – прошептала в ответ Лада. –

Меня убьют, если...

Я покачал головой.

– Сразу стрелять не станут, а потом ты можешь все объяснить Раде. Хотя бы попытаться.

Но помогая мне дальше, ты ставишь себя в положение, когда убедительно объяснить что-то становится все сложнее. Так почему?

Она оттолкнула меня и, закусив губу, стала сползать с выступа.

Глава 8

Я забрал у Лады берданку и сунул ей чекмень, который снял с оглушенного гетмана.

– Отдай! – От злости она топнула ногой, будто рассерженный ребенок.

И опустила на гравий, схватившись за раненую ступню.

– Одевайся, – бросил я, стаскивая шаровары с охранника, которого, спрыгнув с каменного уступа, вырубил ударом в затылок. Другой мог выстрелить в меня – он успел отскочить, вскинув ружье. Но забыл про девушку. Лада стукнула его камнем в висок, и гетман свалился ничком в двух шагах от выступа.

Кинув ей шаровары, я крикнул: «Торопись!» – и принялся за сапоги гетмана, поглядывая на вход в пещеру.

Вдалеке рокотали тракторы, слышалось низкое гудение экскаватора. Я поставил сапоги перед Ладой. Она уже натянула шаровары и теперь застегивала чекмень.

– Их одежда неприятно пахнет! – Девушка брезгливо поглядела на сапоги. – А они мне велики.

– Тогда ходи голой.

Нахлобучив ей на голову тюрбан гетмана, я шагнул к тому, который лежал ничком. Когда перевернул его, раздался слабый стон. Лицо охранника было в крови.

Переодевшись, начал связывать их. Из пещеры донеслось взрыкивание мотора, и я поднял голову.

– Сюда едет грузовик, – сказала Лада.

Она поправила тюрбан, спрятала под него волосы. В синем чекмене с чужого плеча, мешковатых шароварах и больших сапогах девушка снова стала похожа на мальчишку, нацепившего одежду своего отца, чтобы казаться взрослее.

– Отдай ружье, – хмуро потребовала она.

Я глянул в пещеру, на склон и кинул ей берданку. Плохо дело: гетманов перетаскивать за выступ уже поздно, а обыскать их я не успел.

Звук мотора стал громче. Прыгнув к Ладе, я оттолкнул ее к скале, а сам остановился посреди колеи, которую накатали машины.

Высокие своды пещеры озарились светом, и показался грузовик. Фары ослепили – он ехал прямо на меня. Я поднял руку, удерживая ружье на локтевом сгибе, зажимая приклад под мышкой. Фары надвинулись, заскрежетали тормоза, рыкнул мотор, и машина выкатилась из пещеры. Качнувшись, остановилась в шаге от меня. Я обошел кабину, перехватив берданку за цевье, запрыгнул на подножку и распахнул дверцу.

Щуплый черноусый водитель уставился на меня.

– Ты кто?

Удар прикладом опрокинулся его на соседнее сиденье, но водитель успел надавить педаль газа.

Грузовик дернулся, я схватился за скобу на стенке кабины. Дверца больно стукнула по плечу, и ружье вылетело из рук.

Машина, въехав передними колесами в заводь, остановилась, дверца распахнулась сама собой. Повернувшись на сиденье, водитель взмахнул монтировкой.

Я перехватил его руку, дернул на себя и врезал лбом по носу. Вырвав монтировку, залепил ему железкой в острый подбородок. Водитель снова упал на соседнее сиденье. Дверца с той стороны раскрылась, и в кабину сунулась Лада. Я скинул гетмана на пол кабины, крикнув:

– Ноги убери с педалей!

Лада уселась, ткнув стволом ему в щеку, захлопнула дверцу.

– Держи его на мушке, – велел я, сунув монтировку между сиденьями.

– Ты сможешь управлять этой машиной? – спросила девушка, тяжело дыша.

Я окинул взглядом приборную панель. Под рулем три круглых углубления, затянутые пленкой, в них подрагивают стрелки, рядом горят красные лампочки. Справа от сиденья пара рычагов. Должно быть, длинный передачи включает, а короткий, с двумя пластинами на конце и пружинкой между ними, – стояночный тормоз. Педалей под ногами три, только левая какая-то маленькая и торчит почти на высоте колена, будто для Чака сделана.

Высунувшись из машины, я посмотрел назад, снова сел и захлопнул дверцу. Сдвинул пластины на коротком рычаге, толкнул его вперед. И вздрогнул от пронзительного свиста, удивившего по ушам. Гетман под ногами дернулся. Я отпустил рычаг.

Лада, тряхнув головой, покосилась на меня.

– Что это было? Я чуть не выстрелила!

Ствол берданки по-прежнему упирался в щеку водителя. Я легко пнул его.

– Что за рычаг?

– Так... – он захлопал глазами, – это ж сигналить.

– А с тормоза как снять? И чем скорость включать?

– Длинный – тормоз, – водитель глядел на Ладу, которая держала палец на курке. – Вперед толкнуть, потом скорость... под рулем переключатель есть.

Наклонившись к рулевому колесу, я нащупал короткий штырек под ним.

– Вниз дави и трогайся, автомат сам все сделает, – продолжал гетман.

– Автомат? А третья педаль зачем? Как на нейтрал перейти?

– Третья – чтобы груз ссыпать. А в нейтрале мотор сейчас стоит, если...

– Все, понял, – перебил я, толкнул длинный рычаг локтем и щелкнул переключателем под рулем.

Обе красные лампочки на приборной панели погасли.

– Поехали! – Я утопил газ в пол, выкручивая руль.

Вырулив на колею, убрал ногу с педали, заставив грузовик катиться по инерции какое-то время, потом слегка притопил – двигатель загудел, и машина набрала ход.

– Куда щебенку возите? Эй, тебя спрашиваю!

Глазки гетмана забегали.

– Тут недалече... Туман развеется, и гору станет видно. На ней экскаватор.

– Что ты задумал? – спросила Лада.

Не отпуская руль, я наклонился к ней и тихо сказал:

– Залезем на эстакаду, заберемся в вагонетку и наверх поедем.

– Ты ненормальный! – воскликнула она.

Я не ответил, притормозив, ударил по левой педали. Сзади завывли приводы, кабина поднялась, потом раздался громкий шорох гравия, и грузовик опустился на передние колеса, продолжая катиться вперед. Я снова надавил левую педаль – он качнулся, вздрогнул, когда захлопнулась задняя стенка, – и мы поехали быстрее.

– Зачем ты высыпал груз?

– А как думаешь? На гору будет легче въехать. Держись крепче, и когда скажу, прыгай.

Грузовик набрал скорость. В ногах у Лады испуганно заворочался водитель, девушка стукнула его стволком по скуле.

Туман, окутывающий дно ущелья, стал реже. Мы разминулись с грузовиком, возвращавшимся к пещере. Я махнул водителю рукой, он высунулся из кабины, провожая нас удивленным взглядом. Впереди выросла гора щебня с экскаватором на склоне. Шестерня на конце круто задранной стрелы вращалась, зачерпывая ковшами породу и ссылая ее в бункер на сваях, к которому сбоку была приварена площадка, где стояли полуголые люди в ошейниках. По эстакаде под бункером проезжали вагонетки, порода валилась в них через горловину.

В паровом тракторе с открытой кабиной, разгребавшем свежую кучу щебня под склоном, сидел гетман в шлеме и черных очках с выпуклыми стеклами. Рядом разворачивался грузовик. Второго трактора не было видно, наверное, ползал где-то за горой.

Я приоткрыл дверцу. Крикнул Ладе, чтобы приготовилась, и монтировкой заклинил педаль газа. Наш водитель что-то завопил, но рев двигателя заглушил крик.

Склон надвинулся. Тракторист, бросив рычаги, вскочил, замахал нам руками.

По днищу замолотили камни. Мы проехали мимо экскаватора, выкатились на вершину. Я едва успел крутануть руль, чтобы не столкнуться со вторым трактором, сгребавшим щебенку к гигантской шестерне. Кабина накренилась, грузовик заскользил влево.

– Прыгай! – крикнул я и выскочил из кабины.

Упав на живот, до крови прикусив губу, кое-как поднялся. Правое колено прострелила боль, заныло в боку.

Грузовик перевернулся на левый борт и, съехав со склона, ударился кузовом в сваи, на которых держался бункер. Они прогнулись, бункер накренился вместе с приваренной к нему площадкой. С нее спрыгнули несколько рабов и побежали вниз по склону, подальше от грузовика. Экскаватор продолжал работать, и посыпавшаяся мимо бункера порода завалила размахивающего руками надзирателя. Вверх по эстакаде пошли пустые вагонетки.

– Лада!

Кривясь от боли в колене, я дохромал до лежащей на склоне девушки.

– Эй!

Она с трудом встала на четвереньки, помотала головой.

– Поднимайся! Идти можешь? – Подобрал торчащую из щебня берданку, я бросил взгляд на перевернутый грузовик.

Черноусый водитель выбрался из кабины, спрыгнул на склон и, шатаясь, побрел прочь, держась за окровавленную голову.

Лада ухватила меня за локоть, я помог ей подняться.

– Нам наверх!

Двигатель экскаватора смолк, стрела качнулась. Шестерня, щелкнув огромным подшипником и копнув щебень нижним ковшом, остановилась. Тракторы тоже затихли, водители из

кабин исчезли. Стало очень тихо, только за спиной, стуча колесами по эстакаде, ползли вагонетки.

Со стороны пещеры к горе бежали гетманы во главе с Ефимом, молодой старшина размахивал саблей и кричал.

Я взял Ладу за руку, прихрамывая, потащил к грузовику.

Когда мы влезли на кабину и побежали дальше к площадке по искореженной лестнице, гетманы, достигнув склона, стали взбираться к нам, съезжая по гравиию.

– Стоять! – прокричал Ефим.

Накренившийся бункер навис над головой. По рельсам в двух шагах от нас медленно проползла вагонетка.

– Лезем в следующую, – сказал я.

– Нет, подожди! – Лада дернула меня за рукав, когда я собрался поставить ногу на рельс. – Нельзя, они под током!

Я выругался. Ну конечно, иначе как вагонетки вообще будут ездить?

– Старшина может отсюда обесточить ветку? – Я встал на краю площадки. К нам приближалась следующая вагонетка.

– Не знаю.

Бросив берданку в чугунную люльку, я схватился за борт, сделал несколько шагов по ходу движения и запрыгнул внутрь. Протянул руку Ладе:

– Держись.

Девушка побежала вдоль рельсов, я поймал ее кисть. Над головой прополз бункер. Край площадки был уже близко.

– Руку!

Снизу застучали выстрелы. Пули звонко рикошетили от емкости, ударялись в эстакаду.

Я схватил Ладу за вторую руку, и тут площадка закончилась. Пришлось перегнуться через борт.

Девушка повисла над проносщимся внизу каменистым дном ущелья. Вагонетка стала набирать скорость, камни под эстакадой сменились бурлящим потоком.

Глянув вниз, Лада вскинула голову, зажмурилась и что-то сказала, но шум ветра заглушил голос. Мы приближались к повороту, за которым ветка круто поднималась к заводу.

– Эй! – крикнул я. – Сейчас повернем, дальше вверх поедem! Я вытащу тебя. Только не коснись рельса. Кивни, если поняла!

Она кивнула. Вагонетка накренилась влево, достигнув поворота, Ладу прижало к покато́й стенке, и я рванул девушку на себя.

Она перебросила одну ногу через борт. Под днищем скрежетнуло, я схватил Ладу за плечо и втащил внутрь. Мы присели на дно, тяжело дыша.

Вагонетка быстро катила по рельсам, белая полоса водопада осталась далеко справа. Потянулся рабочий квартал, потом жилой. На уступе возле ограждения собралась толпа, но глядели люди не в нашу сторону, а вверх. Некоторые махали руками.

– Что там? – я поднял голову.

Высоко над ущельем среди редких облаков плыл огромный тусклый круг с неровными краями. Платформа! Это же платформа, одна из тех, что иногда проплывают над горой Крым!

В следующий миг она заслонила солнце, и стало темнее.

– Как низко летит! – сказала Лада за моей спиной.

Потом все смолкло, и темная волна накрыла меня. Мир качнулся, уплыл куда-то... весь, кроме платформы в небе. Только теперь она летела не над Инкерманским ущельем.

Я уже не сидел в вагонетке – распластался на каменной глыбе, выставив голову за край. Тень от платформы легла на склон внизу, где в пятне некроза, далеко выступая из дыры между камней, застыл древний дирижабль. Таких я никогда не видел. Черный продолговатый корпус

зарылся носом в склон, выпятив в небо широкий киль с воздушным винтом размером с гондолу «Каботажника». По сторонам от киля торчали горизонтальные рули. Гондолу видно было плохо, но казалось, она составляет с газовой емкостью единое целое.

Стояла ночь. Платформа зависла низко над землей, в днище ее что-то сдвинулось, и мерцающий луч протянулся книзу, накрыв ущелье с пятном некроза и дирижаблем. Я вытянул шею, чтобы видеть лучше...

Внизу грохнул выстрел. Меня толкнули в спину, и все померкло.

Я сидел в вагонетке, держась за голову и уставившись в чугунную стенку. Снова раздался выстрел, пуля ударила в рельс под вагонеткой.

– Кто в нас стреляет? – хрипло спросил я, потирая виски.

– Это Ефим следом едет.

Девушка сжалась на дне, обхватив колени. За нами катили три пустые вагонетки, в четвертой находились старшина и несколько гетманов. Толпа людей осталась позади, платформа в вышине медленно улетала, тень ее скользила по заводу, к которому ехала вагонетка.

Схватив берданку, я переломил стволы и увидел блестящие капсюли патронов. Нагнувшись к Ладе, положил руку ей на плечо. Она вскинула голову, попыталась отстраниться, но в узкой вагонетке это было сложно сделать, и девушка дернула плечом, сбросив мою ладонь.

– Почему ты помогаешь мне?

Она смотрела на меня, покусывая губу.

– У нас мало времени. Почему ты помогаешь мне?

– Хочу спасти брата. Неужели непонятно? Только ты это можешь. Ты же управитель Херсон-Града! Ты единственный, кто может его освободить.

Под днищем снова заскрежетало, и люлька дрогнула. Мы катились по эстакаде, приближаясь к заводской галерее. Там, где рельсы подходили к основанию завода, путь раздваивался, одна ветка ныряла в трубу между балками нижних галерей, другая опоясывала его. На развилке стоял железный шкаф, смахивающий на трансформатор, от рельсов к нему тянулись провода.

Я поднял ружье, прицелился и выстрелил из обоих стволов. Из шкафа повалил дым, ржавые стенки затряслись, посыпались искры из щелей.

Вагонетка мчалась дальше, приближаясь к галереям.

– Не вышло... – начал я.

Раздался хлопок. Шкаф дрогнул, с него сорвало дверцу... и вагонетка с гетманами, как раз выскочившая на эстакаду, свернула на другую ветку.

Расплющ вас всех платформа! Я-то думал, вагонетки встанут, но этот шкаф, оказывается, управлял стрелкой.

Хорошо хоть скорость упала, когда мы покатали вдоль галереи. Ефим выкрикнул что-то, взмахнул саблей и исчез за поворотом.

Теперь его вагонетка удалялась от нас, и я выпрямился.

– Вылезаем.

– Зачем?

– А зачем нам туда? – Я мотнул головой в сторону трубы, куда сворачивали вагонетки, идущие впереди, и перемахнул на длинную железную площадку боковой галереи.

Лада попыталась перелезть через высокий бортик. Догнав вагонетку, я схватил ее за руку.

– Прыгай!

Она так и сделала, я подхватил девушку и поставил на ноги.

Людей между балками видно не было, зато хватало всяких щелкающих, тархтящих и гудящих механизмов.

– Надо прятаться.

Мы отбежали в глубь галереи, к генератору, возле которого на козлах лежала цистерна. К ней тянулись кабели и гибкие шланги, за железными стенками булькало, в местах крепе-

ний шлангов иногда посвистывало, наружу вырывались струйки пара. За цистерной была вертикальная лестница, дальше сквозь лес балок виднелась пронизывающая все основание завода толстая ребристая труба, в которую въезжали вагонетки. Солнце ярко светило в небе, было жарко и душно. Наши шаги отдавались гулким эхом.

– На заводе много людей? – спросил я. – Ты вообще бывала здесь раньше?

– Пару раз, с отцом. Нет, не много. Рабы внизу, у бассейнов, а тут только механики появляются, которые посменно дежурят.

– А охрана?

– Внизу есть, рабов стерегут, обычно двое или трое, не больше. Ну, еще на уступе возле моста, который ведет в рабочий квартал, всегда хотя бы один человек стоит.

– Нам надо наверх, – решил я, подходя к лестнице. Она нырнула в решетчатый колодец, тянувшийся, возможно, до самого верхнего заводского уровня.

Поплевав на ладони, я сказал Ладе: «Давай за мной», – и полез.

* * *

Вдалеке по правому склону ущелья вверх желтой лентой убегала дорога – моя цель, путь из Инкермана.

– Что там? – донеслось снизу.

– Не шуми.

Высунувшись из колодца, я разглядывал ровную крышу из бетонных плит. В некоторых местах темнели круглые отверстия наподобие того, из которого торчала моя голова.

– Крыша, – поправив тюрбан, сказал я Ладе. – Пустая. Мачту для швартовки дирижаблей вижу. Она снизу, то ли из этой скалы, на которой завод, то ли из склона торчит. И шумит там что-то, вроде куча моторов работает.

От крыши к середине мачты, обтянутой парусиновой тканью, тянулся аккуратный мостик-радуга с навесом и ограждением.

– Что еще? – спросила Лада.

– Мостик с крыши к мачте идет. – Я отодвинулся, прижавшись спиной к стенке колодца. – По нему и уйдем. По мачте спустимся и...

– Правильно, – согласилась она.

– Только я ее основания отсюда не вижу. Надо сначала понять, что под ней. Поднимайся.

Выбравшись наружу, я побежал в сторону мостка, и Лада последовала за мной. Перепрыгнув через пару колодцев, остановился на краю крыши, и взгляду открылась ровная площадка, а дальше – склон.

– Что это? – спросил я.

На площадке рядами выстроились грузовики с высокими бортами и брезентовыми тентами. За грузовиками стояли необычные трехколесные машины, чем-то похожие на мотоциклы, у некоторых сзади была приварена квадратная решетка с треногой и пулеметом. Быстрые, должно быть, машинки, маневренные и устойчивые. Вон какие колеса широкие. И груз они на прицеп наверняка могут взять, легкую цистерну с горючим или тележку с провизией и патронами. Еще дальше, возле дороги, ведущей из ущелья, рыжим пятном маячил автобус Чака, стоящий между двух длинных приземистых строений, похожих на склады.

Рычали моторы, из выхлопных труб валил дым, вокруг машин суетились гетманы. Очень много гетманов.

– Да их тут целая армия, – сказал я.

– Это мотовозы, – пояснила Лада.

Окинув взглядом всю эту картину, я заключил:

– В общем, гетманы собираются войной на Херсон-Град. Плохо. Но все равно нам надо вниз, как еще из ущелья выбраться? С той стороны площадки людей возле машин почти нет, идем туда.

* * *

Оглушительно взревел двигатель. В нос ударил едкий запах солярного выхлопа, и я задержал дыхание.

Лежащая рядом Лада что-то сказала. Над нами взрыкивал мотор, выплевывая из выхлопной трубы едкие клубы дыма.

Перевернувшись на другой бок, я увидел колеса соседнего грузовика. За ним стоял еще один, а дальше был край площадки и склон.

Двигатель смолк. Раздались голоса, потом удаляющиеся шаги.

– До мачты отсюда недалеко, – прошептал я и, перевернувшись на спину, осмотрел днище грузовика.

Вверху была заляпанная грязью сварная рама, наискось к заднему мосту шел карданный вал, выше – дощатое дно кузова. Слева от рамы двигателя висел бензобак, справа какой-то ящик, наверно, для инструментов.

Снова послышались шаги, и я опять улегся на живот. К грузовику приближались двое, один сказал:

– Гоняют туда-сюда, чего старшине нейметя?

Второй, прокашлявшись, сипло ответил:

– Та не поймешь их, сначала грят, что повезем людёв, теперя – ящики с патронами.

Гетманы разошлись по разные стороны кабины, и первый добавил громко, открывая дверцу:

– Слыхал, дочка Лонгина – предательница?

Лада рядом заерзала, я схватил ее за плечо, прижал к земле.

– Да нам-то чё? – откликнулся другой. – Все одно на Херсон-Град идем. Патронами токмо загрузимся... Эх, не ко времени оно мне! Я рабыню купил, девку молодую с самого Моста. Стока копил на нее... Сноровистая, поцарапала, слышь, пришлось побить, так вроде присмирела. Я думал этой ночью... а теперя бери и уезжай! Ладно, поперли на склады.

Возле колеса упал свернутый из желтого листа окуроч, запахло крепким табаком. Гетман растер окуроч по бетону и полез на подножку.

– Заводи, что ль.

Хлопнули дверцы. Я снова перевернулся на спину, толкнув Ладу локтем, прошептал: «Быстро к раме привязывайся!» – и стал расстегивать чекмень. Обвязав рукавами продольную штангу, обхватил ее руками и ногами. Заработал мотор, машина качнулась. Лада повисла рядом, и мотовоз поехал.

Придвинувшись ко мне, она громко прошептала:

– Склады – это, наверное, те два длинных дома, между которыми стоит машина карлика. Но у него баллон спущен, только гондола на колесах, видел?

Я качнул головой.

Мотовоз проехал вдоль ряда грузовиков и свернул вправо. Разминувшись с большим отрядом гетманов, затормозил, водитель посигналил кому-то и крикнул, высунувшись из кабины:

– Убирай катапульту! Проехать дай!

Притихший мотор опять зарычал, и грузовик медленно объехал необычную машину, которую толкали несколько гетманов. Кабины у нее не было, только сиденье и руль. Сзади платформа с низкими бортами, на ней железная рама, паровой котел, труба. Наискось вверх

торчала длинная изогнутая штанга, по сторонам от нее были шестерни, толстая пружина и короб с рычагами.

Грузовик опять свернул и покатил вдоль каменной стены. Лицо Лады покраснело от напряжения, я и сам едва держался. Объехав длинное здание, машина остановилась. Заскрежетала передача, мотовоз задним ходом приблизился к закрытым железным воротам и встал почти вплоты к створкам. Гетманы вылезли из кабины, хлопнули дверцы. Водитель сказал:

– Ну и где они? Чего старшина орал, склад же закрыт!

– Да не закрытое оно, – отозвался напарник. – Ты ж видал, засов не наброшен. В кости режутся, им на войну все одно не ехать.

Раздался писклявый голос:

– Эй, братишка!

Я едва не ахнул от неожиданности. Услышал легкий стук подошв, повернул голову – к грузовику, смешно подпрыгивая, подбежал Чак.

– Ключ на семнадцать дайте!

– Панцирный волк тебе братишка, – зло произнес водитель и сплюнул.

– Так чё, не дашь, что ли?

– Пошел к мутантам, кривоногий!

– А ты, мордатый, думаешь, чуб до шеи отпустил, так у тебя от того мозгов прибавилось? Я тебе правду скажу: вы, чубатые, безмозглые все совсем. У вас там пар один вместо мозгов, сечешь? Вам надо ущелье свое подорвать, а самим на дне стоять, чтоб вас всех камнями завалило – тогда бы на Крыме враз лучше стало, просторнее...

– Чё?! – заорал водитель, и рядом с кабиной возникли его ноги. – Я тебе ща башку... Отрублю к мутантам! Да я тебя...

Чак побежал прочь, мерзко хихикая. Вслед полетел камень, водитель сделал несколько шагов за карликом, но его окликнул напарник:

– Да брось ты его.

– Брось? Ты слышал, чё он сказал...

– Никуда он из ущелья не денется, вернемся – найдешь и открутишь башку. Идем уже.

Когда они, протиснувшись между стеной склада и задним бортом, ушли, Чак тихо вернулся к грузовику. Открыл ящик с инструментами сбоку от двигателя и стал копаться там, звякая железом и что-то бормоча.

Я к этому моменту уже отвязался от рамы. Показав Ладе, чтобы молчала, прополз немного вперед, протянул руку, схватил карлика за ногу и дернул.

Он упал, заорав с перепугу, потом увидел меня и выдохнул ошарашенно:

– Ты...

– Вывези нас отсюда, – сказал я.

– Вас? Кого вас? Некроз мне в печень, да ты с какой дыры вылез, управляла?! От это встреча! А это кто с тобой?

– Лада Приор.

– Ого, какую подружку себе подцепил! А у меня редуктор не пашет, понимаешь ли...

– Не тяни гонзу за хвост, Чак. Вывози нас.

– А ты не вякай на старших! – ответил он. – Меня из-за вас в ущелье держат, между прочим!

– Ну так ты свалить отсюда хочешь или нет?

Он подергал серьгу в ухе и ответил:

– Хочу, ясно же, что хочу. Так, ладно, быстро ко мне на термоплан, там решим, кого, куда и как.

Гетманов поблизости не было. Выбравшись из-под мотовоза, мы прошли за угол и оказались между двух складов, где стоял «Каботажник». Забравшись вслед за карликом внутрь, я

присел на корточки под стеной возле двери. Лада встала рядом, отряхивая руки. Чак, раздвинув одну створку – второй не было, и я припомнил, что ее своим крюком вырвал кочевник, – быстро заговорил:

– Башку мне так и так гетманы срубят и «Каботажник» отнимут. Говорят, что дирижабль небоходов где-то над ущельем сбили. А еще говорят, – он ткнул пальчиком в Ладу, – что ты на том дирижабле летела. Что ты изменница, предала отца, вот и...

– Заткнись! – бросила она. – Это ложь, и я не собираюсь ее слушать!

– Может, и вранье, – согласился Чак. – Мне-то начхать, но гетманы вас ищут. Мимо «Каботажника» трижды проходили, внутрь заглядывали. А у меня газу нет, взлететь не можем, только ехать.

– Тогда выруливай на дорогу, – предложил я.

– Мне одному с редуктором не совладать. Я вылезу, под днище заберусь. – Он схватил гаечный ключ с лавки, протянул мне. – В корме лючок открыт, на кругляше чугуном гайка, мне застопорить ее надо, я вниз подлезу и покручу болт, а ты гайку держи ключом. Понял?

– Да.

Я взял ключ и выпрямился. Лада, шагнув к двери, загородила ее от Чака.

– Марк, его нельзя выпускать! Ты погляди на его рожу хитрую... Он позовет людей и таким способом откупится, сдав нас!

– Нет у нас другого выхода, – ответил я. – Что еще делать? Здесь сидеть, пока не найдут?

– Если б я вас сдать хотел, то еще пока мы сюда шли, шум бы поднял, – добавил Чак. – Так что не глупите, девушка.

Лада неохотно шагнула в сторону, карлик выставил наружу голову, огляделся и прыгнул на землю.

– Оставайся здесь, – сказал я Ладe и последовал за ним.

Я перевел дух, только когда мы затянули гайку и Чак, вернувшись в автобус, залез на водительское кресло. Перекинув рычаг, он сказал:

– А мост-то разведен.

– Как? – Лада шагнула к лобовому окну. – Почему? Он же почти всегда...

– Да из-за вас. – Карлик не казался особо расстроенным. – Я ж говорю: шухер по всему ущелью начался. Ну, ладно...

Он сдвинул две рукояти, щелкнул переключателем на приборной панели, поерзав на сидушке, сел прямо и оглянулся.

– Перепрыгнем? – спросил я.

– Угу. Топай на корму, управила. Рычаг какой тянуть, помнишь?

– Помню.

Я прошел в задний отсек, сдвинул койку и открыл нишу с рычагом. Когда затарахтел двигатель, в отсек заглянула Лада.

– Что вы хотите сделать?

– Сейчас узнаешь, – сказал я. – Лучше сядь там где-то и крепко держись.

– Готов? – донеслось из кабины.

– Да!

– Как скажу, выпускай их!

Двигатель заурчал, и «Каботажник» покотился вперед, раскачиваясь на рессорах.

Распахнув ставенку над рычагом, я склонился к окну. Серая стена склада уползла назад, Чак вырулил на дорогу. В окошке показался каменистый склон ущелья.

Мотор загудел громче, и я обеими руками взялся за рычаг.

За спиной громко скрипнуло, в салон ворвался ветер. Выпустив рычаг, я прыгнул к двери, выглянул в средний отсек. Лада, до предела раздвинув створку, высовывалась из автобуса.

– Они опускают мост! – крикнула она, оглянувшись. – Чак!

– Вижу! – отозвался он из кабины. – Машина какая-то навстречу едет. Может, так проскочим, без крыльев? А, управила? Иди пока назад, но без команды рычаг не тяни.

– Хорошо, – ответил я. – Только кричи погромче.

Я едва успел вернуться в кормовой отсек и присесть на корточки возле ниши, когда раздался отчаянный стон Лады:

– Отец! Отец!!!

Пришлось бежать обратно. Девушка по пояс высунулась наружу, ветер трепал ее волосы. Схватив Ладу за плечи, я оттащил ее в сторону и выглянул.

– Чё вы там орете?! – крикнул Чак из кабины.

Мимо прокатил черный от сажи грузовик. В кузове, держась за бобину с остатками кабеля, стоял воевода Лонгин и двое гетманов. Суровое лицо старика было в копоти, чекмень изодран, один рукав обгорел, второго вообще нет. Спутники воеводы выглядели не лучше.

– Останови! – закричала Лада. – Чак, останови!

Лонгин, увидев нас в дверях «Каботажника», прыгнул к кабине грузовика и забарабанил по крыше, поворачивая голову нам вслед.

– Поздно, девушка! – ответил Чак. – Нам теперь обратной дороги нет – мост разводят! А ты чего встал? Быстро рычаг тяни!

Я опять бросился в задний отсек, схватил ребристую рукоять и дернул. Вверху заскрежетало. Выглянув в окно, я убедился, что крылья вышли, и вернулся в салон, широко расставляя ноги на качающемся полу.

Мы неслись к мосту. Въезд на него перекрывал шлагбаум из сбитых досок, рядом стояла будка охранника с лебедкой на козлах у стены. Двое гетманов медленно, с натугой крутили длинную рукоять, поднимая ближнюю к нам секцию переправы.

– Держитесь! – прокричал Чак.

Я обнял Ладу за талию. С треском разлетелся шлагбаум, мелькнули изумленные лица часовых. «Каботажник» выкатился на мост. Проскрежетав бампером по наклонной секции, автобус подпрыгнул и будто завис над расселиной. Это длилось мгновение, потом он начал падать, кренясь на левый борт. Из будки на дорогу вылетел гетман, вскинул толстую длинную трубу. Густое облако порохового дыма окутало его. Из облака вырвалась огненная полоса.

– В кабину! – заорал я, схватил Ладу за руку и прыгнул к Чаку.

В автобус будто молния ударила – оглушительный грохот, вспышка... Взрывная волна тряхнула падающий на дорогу за расселиной «Каботажник», и я повалился на пол, отпустив девушку. По салону засвистели осколки, пробившие заднюю стенку. Лада вскрикнула. Ее развернуло спиной к двери со сдвинутой створкой.

Я пытался встать, хватаясь за стенку кабины. В ушах звенело, подернутый мутной пеленой мир качался. Прямо передо мной возникло лицо Лады, потом отодвинулось...

– На плече... – голос едва донесся сквозь звон в ушах. – У тебя... Но как же так?!

– Что? – выдохнул я, поднявшись.

– Шрама нет!

Я понял, что Лада стоит в дверях, на самом краю, держась одной рукой за сдвинутую створку, а другой сжимая гнутый конец железки, торчащий из ее левого плеча. Кровь тонкой струйкой сбегала по нему и капала на пол.

– Ты не Марк!

Отпустив дверцу, она показала на меня. Глаза девушки наполняли изумление и боль.

– Ты не Марк! – выкрикнула она. – Шрама нет! «Каботажник» ударился передними колесами, взвизгнули покрышки, автобус закачался и вильнул. Чак победно завопил.

– Лада! – Я прыгнул к двери, но было поздно. Девушку бросило назад, и она спиной вылетела в проем.

Часть вторая Херсон-град

Глава 9

Присев под стеной «Каботажника», я сжал голову руками и зажмурился. Перед глазами стояло лицо Лады. Она была по-настоящему изумлена и испугана в тот момент.

И она погибла – из-за меня.

Или все же не погибла?

– Чак, ты слышал, что она сказала?

Карлик быстро вел автобус через пустынную местность, лежащую за Инкерманским ущельем, в сторону поросших зарослями холмов. На вершине одного стоял покосившийся дом без крыши, других построек вокруг видно не было.

– Ты слышал, Чак?

– Да уж слышал, – ответил он наконец. – Только ни мутанта не разберу, что это может значить. Ошиблась, наверно, девка.

Ошиблась? Нет, я помнил ее взгляд, помнил, как она крикнула: «Ты не Марк! Шрама нет!»

– Нет, слишком она была удивлена. Если у хозяина Херсон-Града здесь шрам, – я провел ладонью по груди, – то куда он делся? Шрамы не исчезают – ни с тела, ни с души.

Карлик не ответил. Солнце подобралось к зениту, было жарко. Автобус раскачивался на земляных горбах, гудел мотор, что-то мелко дребезжало под полом. А я сидел под стеной, закрыв глаза, и пытался собрать воедино разбегающиеся мысли. Что теперь? Я – управитель Херсон-Града или нет? Если все же управитель – мне надо ехать в свой город. Но если это неправда? Что вообще делать тогда? И почему Мира уверяла меня, что все именно так? Значит, хотела получить какую-то выгоду из обмана. Хорошо, она могла подговорить Власа, и он врал вместе с ней, но ведь Авдей был искренен в своей ненависти ко мне. Меня узнали Якуб, воевода, да и сама Лада...

Что все это значит, в конце концов?!

А может, наплевать на все? Сказать Чаку, чтобы вез меня куда угодно, лишь бы подальше от Херсон-Града и ущелья гетманов, спрятаться где-то в глуши, заняться охотой или чем-то другим, забыть и про Ладу Приор, и про Херсон-Град?

Нет. Я буду постоянно думать о случившемся. Надо разобраться во всем сейчас.

– Чак, ты слышал что-то про мою семью?

– Ну, про батю, Сиды-старшего, все слышали...

– А про мать?

– Про мать мало что говорили. Из кочевых она. Перед самой смертью Августа вернулась к своим. Причем вроде как не просто вернулась – сбежала из Херсон-Града. А зачем, почему от сына родного бежать? Не знаю.

– Когда я очнулся в лодке, за мной гнались кочевые. Может, это как-то связано с моей матерью?

– Да я откель знаю?

– А как ты попал к гетманам?

– Ну, свернул туда, когда баба эта татуированная со своими ушла. Я в Инкермане баллоны наполняю иногда, гейзеры же там. В общем, прикатил как обычно, и тут вдруг – не выпускают меня! Решили, наверно, термоплан мой в войне против херсонцев использовать. Я навряд как

свободно там по площадке ходить мог, да указ охранникам был даден, чтоб не выпускали меня из ущелья и газом не давали заправляться. Еще механикам сказали мне не помогать.

– Мы едем в Херсон-Град?

Автобус достиг расселины между холмами, и стало темнее.

– А куда ж еще?

– Раньше ты там бывал?

– Ха! Я везде бывал. Чака везде знают, управила. Хотя, получается, ты теперь не управила у нас, да? Ладно, не важно. И на Корабле Чака знают, там я тоже швартуюсь, и в Арзамасе знают, и в Московии, и даже в Твердыне Киевской!

Мы проехали холмы, и впереди раскинулась пустошь, покрытая невысокими скалами, которые напоминали угловатые, плохо отесанные надгробные памятники.

– Кладбище, – сказал карлик. – Так это место называют.

Я выпрямился и прошелся вдоль стены, придерживаясь за нее. Чак, прищурившись, выглянул из кабины.

– Ну и рожа у тебя потерянная. Не знаешь, чё дальше делать? Короче, щас в Херсон-Град надо пилить, все одно больше никуда не доедем. Горючки мало, «Каботажник» мой побитый весь. Нас любая банда кетчеров одолеет или еще кто наскочить может. Так что я в Херсон-Град по-любому, у меня там механик знакомый, я к нему так и так собирался, потому что должен он мне кой-чего. А ты решай. Хотя ежели таки не управила ты – так что тебе там делать?

– Если брат Лады все еще жив, я хочу спасти его.

– Какой еще брат Лады? – объехав упавшую решетчатую вышку, лежащую верхушкой на скале, карлик снова оглянулся на меня.

– Сын воеводы Лонгина. Он в плену в Херсон-Граде. Если еще жив...

– И ты его вызволить хочешь из самого Большого дома?

– Вызволить и во всем разобраться.

Чак почесал макушку, автобус качнулся, и он схватился за руль.

– Слушай, Мира твоя – змея подколодная. Про нее такое рассказывают... Почище, чем про самого управилу херсонского. Она когда-то приказала ферму вместе с хозяевами, батраками, вместе с детишками сжечь, для чего-то ей земля та понадобилась. А что они там с людьми в подвалах Большого дома вытворяют! И ты к ним в лапы прямиком лезешь? Теперь, когда вроде как сомневаться стал, что ты управитель херсонский и брат ее? Не, ну ты псих совсем! На всю голову псих!

Он что-то еще говорил, но слова едва доносились до меня. В голове гудело, и далекий голос монотонно выкрикивал: «Псих... Псих... Псих...» Подогнулись колени. Присев под стеной, я зажмурился и сжал голову руками. Накатила темная волна, накрыла меня с головой, закружила, понесла куда-то. Я уже не сидел в «Каботажнике», а лежал на койке, пристегнутый ремнями, весь в крови, ссадинах и синяках. В наэлектризованных волосах проскакивали искры, рядом стоял старик в заношенной мешковатой хламиде, он держал два электрода: один загнут крюком и заострен, второй на конце расплюснен. Провода от электродов тянулись к необычной машине под стеной.

Распахнулась дверь, в проеме возникло жуткое существо: красно-коричневое лицо в слизистых буграх, трещинах и язвах, на голове пучки длинных светлых волос и проплешины цвета сырого мяса. Страшное создание было одето в просторную пижаму, длинные тонкие кисти, торчавшие из рукавов, трепыхались, как крылышки у цыпленка, посверкивая золотыми кольцами на пальцах. Кривясь и кусая губы, оно завывало:

– Альи... Альи... Ы-ы... Алы-ы...

Оно шло ко мне, протягивая руки, и самым страшным было то, что я не мог сбежать от него – или, наоборот, наброситься и сбить с ног, – не мог даже отпрянуть; я лежал, пристегнутый ремнями, и дергался, пытаясь вырваться.

– Альи... Альи... – стонало существо, подступая.

Нет, это был не просто вой, оно пыталось исторгнуть из слизистой пасти одно слово. Слово это было очень хорошо знакомо мне, что-то очень важное заключалось в нем; казалось, стоит лишь немного напрячься, вспомнить, что именно, – и все сразу станет ясно, все тайны откроются.

Гул усилился, заглушив вой, комната померкла, но я еще различил, как человек, положив электроды, повернулся, и расслышал его слова:

– Опять из комнаты вышел, псих?

«Псих... псих... псих...» – повторило эхо в голове, а потом картина исчезла. Я снова сидел на корточках под стеной «Каботажника».

Электроды. Два электрода, один загнут крючком и заострен, другой на конце расплющен. Я помнил: он макал их в воду, чтобы лучше проходил ток, помнил боль, когда тело будто растягивали, а после скручивали, и снова растягивали...

Но кто этот *он*? Кто? Ведь я хорошо знал его когда-то...

Я медленно поднял дрожащую руку и коснулся раны на затылке. Мазь у Чака хорошая – рана пока не зажила, но уже почти не ныла. А это болезненное место ниже? Там ожог, который может оставить расплющенный на конце электрод, если его приложить к шее и раз за разом пропускать через него ток.

– Да чтоб тебя! – донеслось из кабины. – Эй, человек, уснул, что ли?

Ноги еще подгибались, тряслись руки. Держась за стену, я добрался до кабины и спросил:

– Приехали?

– Ага, как же. Ты совсем глухой? Стучит сзади. Теперь точно приехали, я ж те говорил гайку тогда хорошо ключом держать, а ты? Все, тормозимся, снова в редуктор полезу.

Впереди слева высились развалины – часть древней дороги из бетона и асфальта. В наши времена никто бы не смог построить такое: дорога сначала шла по земле, затем изгибалась и на толстых опорах взлетала ввысь, где снова становилась горизонтальной... И обрывалась зубьями изломанного асфальта, кусков бетона и торчащей арматуры. Под этим местом на земле далеко внизу лежала груда осыпавшихся обломков.

– Ты собираешься въехать на самый верх? – спросил я.

– Собираюсь? Уже въезжаю!

Чак лихо повернул, «Каботажник» накренился и вкатил на крошащийся асфальт.

– Если там встать, вокруг далеко видать будет, никто к нам не подскочит незаметно.

К педалям под рулевым колесом были привязаны высокие деревянные колодки, чтобы карлик мог дотянуться ногами, сидя в кресле, предназначенном для человека обычного роста. Он вдавил газ, и «Каботажник» покатил по древней дороге, лавируя между пластами вздыбившегося асфальта. Пейзаж за боковым окном ушел вниз, а потом его вообще стало не видно. Сквозь рокот двигателя доносились скрежет и стук в редукторе.

– Осторожно, – сказал я, упираясь ладонями в лобовое стекло. – Тормози, не проедешь.

– Не учи водилу, правила! – И Чак увеличил скорость.

Впереди была широкая темная трещина, которая вела куда-то в крошащиеся, заполненные погнутой арматурой недра древней дороги. Под днищем громко стукнуло, потом еще раз, сзади. «Каботажник» содрогнулся.

– Прости, малыш! – крикнул Чак, задрал голову, словно обращался к кому-то большому. – Скоро в больничку попадешь, Бурчун тебя обследует, полечит... Да и новую одну вещь тебе привинтит, слышь, а? Я с Бурчуном на этот счет давно столкнулся, уже и заплатил, он два сезона мне ее мастырил... Ну, лады, вроде приехали.

Он повернул, нажав тормоз, и «Каботажник», с которым карлик так ласково разговаривал, стал боком к краю дороги.

– Заглушу движок, – решил Чак, потянув на себя рычаг. – Совсем горючки мало.

– Есть у тебя здесь бинокль? – спросил я.

– Есть ли у меня бинокль? – Он полез из кресла. – «Каботажник» мне дом родной, человеку! Дом на колесах да с крыльями, других домов у Чака нет. Я здесь сплю, я здесь ем, живу я здесь, короче! Ясно, у меня здесь есть бинокль. И не только бинокль.

Когда двигатель смолк вместе с шипением тормозной системы, стал слышен шум ветра – на верхотуре он дул вовсю. Отпихнув меня, Чак побежал в кормовой отсек.

– Быстрее давай, – сказал я, подходя к двери.

– Не подгоняй, не манис! – крикнул он в ответ.

Сдвинув створку, я спрыгнул и прикрыл глаза рукой. Было очень светло и просторно; теплый, почти горячий ветер дул непрерывно. Солнце висело в зените, по небу плыли пышные белые облака.

В проеме появился Чак с разводным ключом и биноклем. Сунув его мне, спрыгнул и поспешил к задней части самохода, прокричав на ходу:

– Смотри тока хорошо! И сразу мне говори, ежели чего углядишь.

Он опустился на колени у колеса, покряхтел, потирая загорелую шею, и полез под автобус. Я направился к тому месту, где дорога обрывалась, уселся на далеко торчащий вперед кусок бетона, свесив ноги, поднял бинокль.

Отсюда открывался вид чуть не на всю вершину Крыма. Каменистые пустоши, поля, холмы, рощицы и пустыри с редкими развалинами тянулись во все стороны, теряясь в голубой дымке. Далеко впереди темнело Инкерманское ущелье, от него к нам ползли клубы пыли.

Я подкрутил окуляры, посмотрел на мутную завесу и крикнул, не оборачиваясь:

– Чак!

Возня под автобусом прекратилась.

– Чак! – повторил я.

– Только не говори, что нас окружает стая мутафагов, – раздалось за спиной.

– Хуже. Иди сюда.

Встав рядом, карлик приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Ну чё там?

Я поднялся на ноги и протянул ему бинокль.

Чак долго смотрел в него. Горячий ветер подул сильнее, и я присел на корточки, ухватившись за бетон.

– Едут, гады. Целая армия едет, – наконец сказал он. – Мотовозы там у них... Много мотовозов, однако. И еще техника всякая. И автотаран, чтоб ограду херсонскую продолбать.

– Это значит, что они выступили сразу вслед за нами.

– Ага, и знаешь, кто виноват? – Карлик повернулся и ткнул в меня биноклем. – Ты! Ты и твои похождения в ущелье! Твою же ж мать, что ты опять там натворил у них?! От неумный человек!

– И еще это значит, – добавил я, – что мы движемся прямо перед ними.

Чак подергал мизинцем за серьгу.

– Так... так... – пробормотал он, пятясь. – И деваться нам некуда. Ежели в мастерскую до вечера я «Каботажника» не загоню, встанем посреди Крыма и тогда можем сразу себе могилы копать. – С этими словами он развернулся и побежал назад.

Выпрямившись, я зашагал к автобусу.

* * *

– Святой мутант, ну, некуда деваться! Ремонт срочно нужен, без ремонта «Каботажник» в любой момент встанет. И горючки нет почти... И не взлететь шас... Надо в Херсон-Град въезжать – и это прямо перед тем, как на него гетманы нападут!

Солнце сползло к горизонту. «Каботажник» катил между скалами, длинная тень скользила по камням сбоку. Под днищем громко дребезжало, мотор глох уже трижды, и Чак со страшными проклятиями запускал его. Он дважды заставлял меня перекидывать гофрированные шланги между баками, стоящими вокруг трубы в центре отсека, и теперь из того, в котором еще оставалась солярка, доносилось приглушенное хлюпанье, какое бывает, когда остатки воды утекают в трубу.

– Хорошо хоть почти приехали. Шас за скалами этими пустырь начнется городской.

Сидя на лавке возле кабины и протирая ветошью втулку, которую Чак снял, отключив привод на воздушный винт, я спросил:

– Что Херсон-Град вообще собой представляет?

– Город-базар, тем и живет, – пояснил карлик. – И стоит он на месте, где, говорят, до Погибели большие железные авиетки опускались.

– Что опускалось?

– Ну, как у небоходов, у них же не токмо дирижабли вроде моего «Каботажника», у них еще авиетки есть.

Он оглянулся на меня и добавил с деланным сочувствием:

– Не помнишь, болезный? Эк тебя по башке-то приложили. Ну, навроне птиц они, понимаешь? Только из дерева да этого... люминия всякого. Корпус такой, в нем пилот сидит, по бокам крылья, впереди пропеллер крутится. Движок там, лонжероны разные. Летают. Быстрее, нежели дирижабли, гораздо быстрее, но зато в воздухе долго держаться не могут. Дирижабль, понимаешь, легче воздуха...

– Как это? – не понял я. – Что ты плетешь?

– А и не плету я, малый! – тут же взвился Чак. – Это паук паутину плетет, а я дело говорю! Ты слушай и не перебивай старших! О чем я? Да! Дирижабли легче воздуха, если в совокупности брать всех составляющих, включая газ, который в баллоне, понимаешь ты? А авиетки – они по-любому тяжелее, в них совсем газа нет, только подъемная силища, которую пропеллер создает с крыльями. Потому они не могут просто так висеть, а только двигаться, носиться туда-сюда как оглашенные. Для этого им горючки нужно немерено. Соответственно, они легкие, юркие, а все равно подолгу не летают. Но! Я ж сейчас не о том совсем. Вроде у древних были такие авиетки, называемые самыми-летами... нет, само...

– Самолет, – сказал я. – Самолеты, так они назывались. Меня этому учили.

– Кто учил? – удивился Чак. – Правильно говоришь – самолеты. Откедова это слово знаешь?

Я пожал плечами, проверяя, хорошо ли почистил втулку.

– Учитель мой. То есть я так думаю... управителя ведь в детстве должны были обучать? Должны. Ты не слышал такое имя: Орест?

Чак покачал головой.

– Откуда ты его взял?

– всплыло в голове, уже когда из ущелья сбежали. А еще пару раз вспоминался такой старик худой. Может, это он и есть? Короче, я всякие слова старые иногда вспоминаю: термоплан, самолет, автобус. И мне кажется, что им меня выучили в детстве, ну как будущего управителя.

– Так ты ж не управитель вроде как?

– В том-то и дело: иногда мне кажется, что нет, а иногда...

– Ладно, я ж не о том. А, тощие, пошли прочь отсюда!

К автобусу выскочили несколько облезлых песчаных шакалов, дикие глаза их горели злобой, из розовых пастей летела слюна. Заливаясь лаем, шакалы метнулись к машине сбоку, и Чак крутанул руль им навстречу. «Каботажник» накренился, вильнул, под бортом раздался визг, потом еще более злобный лай.

– Я думал, их панцирники давно всех перегрызли, – проворчал Чак, добавляя газу. – Но между скал еще живут. Так, про что я? Да, у людей до Погибели были такие большие железные авиетки, самолеты то бишь. Но им для взлета и посадки нужны были длинные полосы ровные, ну чтоб разбег взять или затормозить, наоборот. В любом месте такую полосу не сделаешь, потому для самолетов строили...

– Аэродромы, – кивнул я. – Так их называли.

– Да что ж ты перебиваешь меня всю дорогу?! – обозлился Чак. – Помолчи уже, дай до конца обсказать! Правильно, аэродромы! И вот Херсон-Град – он не на месте бывшего города, который до Погибели Херсоном назывался, нет – он стоит на месте такого вот аэродрома. Большущего, там тех самолетов... ну, много. Вернее, останков их. Папаша твой покойный продал все оружейникам харьковским, тем люминий был нужен. Так вот, в центре, стало быть, вышка высокая, башня то бишь, под ней постройки всяческие, вокруг аэродром, а дальше домишки. Вот та башня и есть Большой дом, где управляла херсонский со своими приспешниками обретается. Живет он вообще-то с податей, которые ему купцы платят за то, чтобы в Херсон-Граде торговать, ну и еще там мастерских много. На краю – беднота, воров, побродяжки всякие, их при Альбе Кровавом много стало. Еще гаражи там. Гостиницы в шатрах. Ну и много лавок старьевщиков.

– Старьевщиков? – переспросил я.

– Ну да, ну да. Это такие людицы, которые по развалинам шастают, по всяким захоронениям древним, могильникам и старые разные вещи ищут с риском для, понимаешь ли, жизни. Технику всякую древнюю, приборчики, механизмы.

– Самолеты, – повторил я раздумчиво, кладя втулку на лавку. – Самолеты... и у них есть крылья.

– Чё ты там опять бормочешь?

– Крылья. – Я поднялся и стал протирать руки чистой тряпкой. – Крылатая могила.

– Чё? – Он оглянулся.

– Тебе такие слова не знакомы – «крылатая могила»? Мира это сказала в термоплане.

– Помню, – кивнул он. – Я ж вас подслушивал тогда.

– Подслушивал? Как это, ты ведь в кабине был?

– Ну так и чего теперь, уже и подслушать нельзя? Хозяин завсегда должен знать, что в его доме происходит. Ну, чё ты глазами на меня лупаешь? Трубка у меня вдоль борта идет, и ежели я в кабине к ней ухо прикладываю, так слышу, об чем на корме толкуют. Я ж и клиентов иногда у себя вожу, да опасных клиентов. Народ на Крыме суровый, надо остерегаться.

– Значит, ты слышал и про то, что я что-то нашел под Крымом?

Мы почти достигли конца скал. Чак прибавил скорость.

– Ну так а почему, человеке, я с тобой дальше вожусь? – спросил он. – Думаешь, из любви к большакам? Из уважения к чину твоему управительскому? Я потому тебя на «Каботажнике» своем терплю, чтоб ту штуку увидеть, которую ты под Крымом нашел! Я страсть как всеми этими делами увлечен! Я, понимаешь ли, когда-то солнечные батареи хотел... Не вышло, кремний негде достать. Но они у меня лежат разобранные, в месте одном спрятаны. И я все надеюсь кремний в нужных количествах раздобыть, да не простой кремний, мне особый нужен. А где его взять? Только из машины какой древней выколупать. Вот я «Каботажника» себе сделал, Ставридес с этим помог, есть тут такой. И летаю на нем, кремний ищу. Хочу батареями, понимаешь, дирижабль свой оснастить и улететь подальше.

– Но слова Мира могут быть враньем, – предупредил я.

– Знаю, знаю! Кто не рискует, тому не лететь за горизонт.

– Так вот, Мира упомянула какую-то крылатую могилу. И теперь я подумал: а что, если это как-то связано с аэродромом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.